

Кристина Савицкая

На конкурс красавиц требуется чудовище

Annotation

Крылатая невеста должна иметь: диплом, титул, сильный колдовской дар и неиспорченную репутацию. У меня нет диплома, я дочь окраинного барона и мой дар... Он как бы сильный, но есть там пара нюансов. И пса-компаньона я призвала не слишком законным методом, что несколько очерняет мою репутацию...

Вот только ректор выдал мне диплом раньше времени, ведь я, по его мнению, идеальное «чудовище» для свадебного отбора. Настоящие крылатые невесты, видите ли, слишком сильно волнуются и им нужен кто-то, на чьем фоне даже самая неудачливая неудачница будет смотреться вполне себе достойным товаром. То есть, простите, невестой.

Что ж, заметьте, вы сами этого хотели...

#Юмор

#Героиня огонь! И пес огонь! Вообще все огонь:)

#Герой с тайной

#Вероятна подписка

-
- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [3.2](#)
 - [3.3](#)
 - [3.4](#)
 - [3.5](#)
 - [3.6](#)
 - [3.7](#)
 - [Глава 4](#)
 - [4.2](#)
 - [4.3](#)
 - [4.4](#)
 - [4.5](#)
 - [4.6](#)
 - [Глава 5](#)
 - [5.2](#)
 - [5.3](#)
 - [5.4](#)

- [5.5](#)
- [5.6](#)
- [5.7](#)
- [5.6](#)
- [5.7](#)
- [5.8](#)
- [5.9](#)
- [5.10](#)
- [5.11](#)
- [5.12](#)
- [5.13](#)
- [5.14](#)
- [Глава 6](#)
- [6.2](#)
- [6.3](#)
- [6.4](#)
- [6.5](#)
- [6.6](#)
- [6.7](#)
- [6.8](#)
- [6.9](#)
- [6.10](#)
- [6.11](#)
- [6.12](#)
- [Глава 7](#)
- [7.2](#)
- [7.3](#)
- [7.4](#)
- [7.5](#)
- [7.6](#)
- [7.7](#)
- [7.8](#)
- [7.9](#)
- [Глава 8](#)
- [8.2](#)
- [8.3](#)
- [8.4](#)
- [8.5](#)
- [8.6](#)

- [8.7](#)
 - [8.8](#)
 - [8.9](#)
 - [8.10](#)
 - [Глава 9](#)
 - [9.2](#)
 - [9.3](#)
 - [Глава 10](#)
 - [10.2](#)
 - [10.3](#)
 - [10.4](#)
 - [Глава 11](#)
 - [11.2](#)
 - [11.3](#)
 - [11.4](#)
 - [11.5](#)
 - [11.6](#)
 - [Глава 12](#)
 - [12.2](#)
 - [12.3](#)
 - [12.4](#)
 - [12.5](#)
 - [12.6](#)
 - [12.7](#)
 - [Глава 13](#)
 - [13.2](#)
 - [13.3](#)
 - [13.4](#)
 - [13.5](#)
 - [Глава 14](#)
 - [14.2](#)
 - [14.3](#)
 - [14.4](#)
 - [Nota bene](#)
-

Глава 1

Аннотация

Крылатая невеста должна иметь: диплом, титул, сильный колдовской дар и неиспорченную репутацию. У меня нет диплома, я дочь окраинного барона и мой дар... Он как бы сильный, но есть пара нюансов. И пса-компаньона я призвала не слишком законным методом, что несколько очерняет мою репутацию...

Вот только ректор выдал мне диплом раньше времени, ведь я, по его мнению, идеальное «чудовище» для свадебного отбора. Настоящие крылатые невесты, видите ли, слишком сильно волнуются и им нужен кто-то, на чьем фоне даже самая неудачливая неудачница будет смотреться вполне себе достойным товаром. То есть, простите, невестой.

Что ж, заметьте, вы сами этого хотели...

Она назвала меня полу-правителем, поцеловала, а после усомнилась в моей колдовской силе! Это неслыханно! И это... Это привлекает внимание. Я знаю, что она «чудовище» этого клятого отбора невест. Но ее глаза сияют как звезды, она искренне наслаждается всеми своими выходками.

#Юмор

#Героиня огонь! И пес огонь! Вообще все огонь:)

#Герой с тайной

Глава 1

— Я не дам себя уродовать!

С таким возгласом я оттолкнулась от кресла и, подхватив себя и пса левитацией, заскочила напрямик на широкий, массивный, а главное, высокий книжный шкаф.

Внизу остались миледи проректор и, собственно, сам милорд ректор.

Начиналось все не так и страшно: я, вместе со своим псом-компаньоном, караулила парней у раздевалки. Эти поганцы пару дней назад запустили нам в душевую рогатых жаб. Ух и намучились мы с ними — они же при любом испуге плюются зловонной жижей! Ну ничего, настало время ответного подарка.

Можно было бы не утруждаться и повторить их проделку, но это придаст вкусу возмездия легкий оттенок тухлого мяса. Так что позади несколько ночей сложнейших вычислений и теперь остается только посмотреть, как однокурсники справятся с тем, что у их штанов и трусов теперь есть собственное мнение! И громкие писклявые голоса, что немаловажно.

Пока что никто из однокурсников не решился выйти, хотя...

— Тебя побьют, — философски выдохнул Гамильтон и зевнул во всю свою клыкастую пасть, — мне-то слышно о чем говорят штаны. Нормальному мужчине такое не понравится.

Заинтересовавшись, я начала выплетать заклятье-подслушку и вот тут-то мы и были пойманы нашей прекрасной миледи проректором. Что нас с Гамильтоном сильно удивило — прежде мы на горячем не попадались. Подозревали нас во многом, но меня, с малолетства, всем премудростям обучал папенька — барон, чьи владения находились в Приграничье. Да и Гамильтон, уж на что он кажется длинноухим увальнем, а тоже горазд напакостить ближнему.

Так вот, миледи проректор, пусть будет она благословенна во веки веков, сопровождала нас до милорда ректора, где и огорошила:

— Как вы знаете, леди Фоули-Штоттен, Крылатый Совет объявил начало свадебного отбора для нашего Правителя.

— Да-а, — медленно протянула я, — его еще полгода назад объявили. Дело-то не быстрое, невест надо с умом подобрать. Только я-то тут причем?

Жилы заохлодило неприятное предчувствие. В числе императорских невест я оказаться никак не могу — дочь окраинного барона с сильным, но довольно капризным даром. Да еще и привязка к псу-компаньону прошла не самым, кхм, одобряемым способом. Я б даже сказала, что мы с Гамильтоном связаны преступной нитью! И даже если отбросить все это,

то диплом-то я где возьму? Я вообще-то пятикурсница, а к отбору допускают выпускниц Артефакторной Академии, Пансиона Благородных Дев и Столичного Института Божественных Сестер.

— Свадебный отбор, — вступил милорд ректор, — это очень тяжелое испытание для молодых девушек. Соревноваться за внимание Правителя...

— Я бы сказала, что соревнуются они за одобрение Совета Крылатых, — фыркнула я и тут же прихлопнула рот ладонью и невнятно извинилась.

Кончик языка неприятно пощипывало, а миледи проректор демонстративно стряхнула с пальцев остаточные искры магии.

— Не важно, — ректор отмахнулся от моих слов. — Важно лишь то, что девушки испытывают серьезный психологический дискомфорт.

— Если вы хотите сделать меня чьей-то наперсницей, то я не против, — сказала я, когда пауза затянулась, — но стоит ли?

Марижан, моя соседка по комнате, оборотень-лисица, как-то попросила у меня совет... Ну, теперь мы не общаемся. Увы, чувство юмора у меня порой сильнее чувства жалости. Или инстинкта самосохранения.

— На конкурс красавиц требуется чудовище, — припечатала вдруг миледи проректор, — и этим чудовищем будете вы!

Вот так мы с Гамильтоном и оказались на книжном шкафу.

А миледи проректор и милорд ректор, переглянулись и в унисон вздохнули.

— Нам точно больше некого послать? — уныло уточнила миледи.

— Тайана Лоттари-Штрайн всего на четвертом курсе, — ректор покачал головой, а после посмотрел на меня, — леди Фоули-Штоттен, спускайтесь. Никто не будет вас уродовать.

Их слова я, если честно, слушала вполуха — во время прыжка у меня лопнул ремешок на правой туфельке, и теперь я рисковала потерять обувь. А мне нельзя, у меня сложная жизненная ситуация!

— Мы просто выдадим вам диплом раньше времени, — недовольно произнесла миледи проректор, — и грамоту за особые заслуги в учебе. Ваша задача быть самой худшей невестой, чтобы все остальные, даже проигрывая, даже позорясь во время выступления сравнивали себя с вами и успокаивались.

— И вы хотите, чтобы я выставила себя глупой, некрасивой... — оторопела я и даже отвлеклась от туфельки, которая держалась сейчас только за счет пальчиков.

— Мы хотим, что бы вы были собой, — оборвал меня ректор. — Вы умная, одаренная и талантливая студентка.

— При этом вздорная, вспыльчивая и склонная к скоропалительным решениям, — добавила миледи проректор.

— И проклятиям, — прибавил Гамильтон и я возмущенно прошипела:

— Ты на чьей стороне?!

— На стороне истины, — флегматично ответил пес и зевнул.

Миледи проректор стоически проигнорировала моего компаньона и как ни в чем ни бывало продолжила:

— Ваш нрав известен в столице еще с Весеннего Бала, так что ничего нового вы миру не покажете.

Ох, Весенний Бал... Неловко тогда вышло.

— При этом вас ждет обновление гардероба за счет казны, — вкрадчиво произнес милорд ректор, — несколько артефактов на ваш вкус...

— В пределах пятисот золотых на все, — поспешно вставила миледи проректор.

— И за каждый пройденный этап участницы получают драгоценные украшения. После смерти барона вы находитесь в трудной жизненной ситуации, — ректор посмотрел мне в глаза.

Правда, для этого ему пришлось сильно задрать голову и, судя по всему, ректорской шее это не понравилось, так что он перевел взгляд на пол, а после, украдкой, потер загривок.

— Не такой уж и трудной, — непримиримо фыркнула я и неуверенно поерзала.

Кажется, мы не сможем сами спуститься вниз.

— Последнее лето вы жили в лесу, — миледи проректор неаристократично закатила глаза, — потому что не захотели возвращаться к матери и отчиму.

— Вы продаете самодельные порталные артефакты, — выразительно добавил ректор и положил ладонь на подозрительно пухлую папку. Этак со значением положил. С намеком, я бы даже сказала.

— Компромат, — уверенно опознал Гамильтон, — а я всегда говорил, что после себя нужно оставлять лишь пепелище и...

— И трупы, — вздохнула я.

— Теперь нас будут шантажировать, — продолжил страдать пес, — я, благородный бассет-хаунд, буду вынужден нацепить на себя кружево и

дешевые стразы! Ветеран второй войны сателлитов будет выглядеть как последняя левретка.

— Ты килограмм на двадцать тяжелее любой левретки, — возмутилась я. — И почему стразы-то дешёвые?!

— А у тебя есть золото на натуральные камни? — искренне поразился Гамильтон и припечатал, — а насчет веса — учти, что титановое спокойствие, золотой характер и стальные мышцы легкими быть не могут!

— В тебе еще мешок ворованных пончиков и...

— Мы вам не слишком мешаем? — миледи проректор поджала губы.

Уныло вздохнув, я ответила максимально честно:

— Выхода вы нам не оставили. Я согласна, только со шкафа снимите — у Гамильтона короткие кривые лапы, а я вся потратилась на... На свои личные дела.

Дела, который веселят всю Академию, а я не вижу. Эх. Вздохнув, я как-то не слишком удачно шевельнулась, и моя туфелька соскользнула!

Но я успела подхватить ее петлей левитации. За самый-самый краешек ремешка, только бы он не оторвался, о Великие Боги, только бы...

— Знаем мы ваши «дела», — ректор похлопал по папке, — это будет передано во дворец. Чтобы вы не стали для них слишком невыносимым сюрпризом. Мы не можем...

Он оторвался. Я с ужасом наблюдала за тем, как моя несчастная, поношенная туфелька летит прямо в ректорский лоб! За мгновение до непоправимого обувка была уничтожена метким заклятьем миледи проректора.

А в следующее мгновение петля левитации, склдованная сердитой миледи, обхватила наши с Гамильтоном тела. Проректор не церемонилась и распахнула двери прямо нами!

Спасибо, Гамильтон успел склдовать малый щит и я ушибла только плечо.

— Ты утром сказала, — вспомнил вдруг мой компаньон, — что не станешь прыгать для профессоров, даже если тебе предложат золото.

— И к чему ты это? — нахмурилась я.

Гамильтон ухмыльнулся во всю пасть и, встав на задние лапы, левой передней указал на не слишком чистый пол:

— У тебя только одна туфля. Скачи, дорогая, скачи.

— Ты мог бы меня отнести, — я с прищуром посмотрела на пса, — ты можешь увеличиваться в размерах!

— В случае смертельной опасности, — отрезал Гамильтон. — От песка и слюны ты умереть не можешь.

— Слюны?!

— Вон там, слева, кто-то плюнул, — любезно указал мой компаньон.

Сцепив зубы я решительно попрыгала вперед. Вместе со мной подпрыгивало все! Волосы, некоторые части тела, многочисленные склянки в скрытых карманах и порталные артефакты. Последние надо бы отнести заказчикам.

У меня есть мечта — купить свой дом. В замок отца мне возврата нет — с тех пор как мой родной, мой любимый, мой самый лучший на свете отец пог...

Упав в воспоминания, я едва не сбила с ног таинственного незнакомца. Почему так пафосно? Потому что этот высоченный мужчина был укрыт слоем маскировочных заклятий (об этом сказал браслет на моей левой руке) и, будто этого мало, его лицо пряталось в тени глубоко капюшона. И тень эта была самая что ни на есть магическая!

— Студенты нынче играют в интересные игры, — мягко произнес он.

— О, нет-нет, миледи проректор просто уничтожила одну мою туфлю, — я поболтала в воздухе босой ступней. — Вот и прыгаю.

— Уничтожила? — заторможенно переспросил мужчина.

— Ну да, — я легко пожала плечами. — Вам помочь?

— Нет, — он вытащил из кармана тонкий батистовый платок и порвал его надвое.

А через секунду эти обрывки превратились в прекрасные туфли!

— Это мне? — ахнула я и тут же переобулась, — спасибо! Я побегу быстро-быстро!

— Зачем? — удивился мужчина.

— Чтобы не развеялись до общежития. Трансформация энергозатратна, вряд ли они продержатся долго, — легко отозвалась я.

И, приподнявшись на цыпочки, звонко чмокнула незнакомца в гладкую, вкусно пахнущую щеку.

— Спасибо-спасибо, — выпалила я. — Удачи вам в ваших тайных делах! И, мой вам непрошенный совет, умерьте маскировку, а то можно подумать, что вы наш полу-правитель!

Оставив мужчину за спиной, мы с Гамильтоном со всех ног и лап бросились к общежитию. Во-первых, надо удивить нашу банду, а во-вторых, трансформа может развеяться в любую секунду!

И только грозное:

— Стоять!

Заставило нас сбросить скорость и развернуться лицом к опасности.

А опасность была не шуточная — сама миледи проректор!

— За эти краткие мгновения мы ничего не успели сделать, — недоуменно произнес Гамильтон.

Я же в это время пыталась так скосить глаза, чтобы увидеть, что у миледи под форменным платьем. Нет-нет, никакого разврата! Просто она не шла, не бежала, а как будто парила над парковой дорожкой!

«Или слухи правдивы и она змеища не только по характеру», пронеслось в голове.

Сама миледи в это время молча смотрела на нас, а после, загоревшись лихорадочным румянцем, смущенно сказала:

— Мы забыли кое-что уточнить у вас, леди Фоули-Штоттен. Как у вас... вы понимаете, да? *С этим*.

Последние четыре года вся Академия *этим* называла мой сильный, но слегка безумный дар.

— Вы ведь и сами понимаете, правда? — так же смущенно ответила я.

Мне правда было стыдно — над загадкой моей силы бились всем профессорским составом. Да что там! Даже горного колдуна приглашали. Но, увы, все, что помогает держать силу в узде — мой железный контроль.

— Как?! — ахнула миледи. — Вы уверены?!

— Как же мне быть неуверенной? — удивилась я.

— Но почему? — она едва не плакала и мне стало еще хуже. Давно мне не приходилось так стыдиться.

— Сама не знаю, — я понурилась, — само, наверное, получилось.

— Вас отсеют на отборе, — обреченно выдохнула миледи, — а послать нам больше некого.

— Да ну, — усомнилась я, — с чего бы?

— Вы же человек, а не оборотень! Вам не позволительно иметь контакты подобного рода, — вспылила миледи.

Тут я поняла, что ничего не поняла, потом вспомнила, что год назад был военный конфликт с горными колдунами и осторожно напомнила:

— Но ведь вы сами его ко мне пригласили.

— Я?! — миледи поперхнулась воздухом.

— Да, — я кивнула, — не помните? Три года назад, архимаг Клейвор из Тамитиканы.

— Мерзавец, — всхлипнула миледи проректор, — мы доверили ему ребенка, а он так с тобой поступил! Он за это поплатится, кля...

И тут я совершила воистину неразумный (даже по моим меркам!) поступок — я рукой закрыла миледи рот.

— Не надо клясться, вы же проклятийница! Ну не смог он меня вылечить, так он же и сказал, что лечить меня не надо, само рассосется. Или нет. Но в любом случае, стороннее вмешательство... Ай!

Рука заледенела, пропала чувствительность, а кончики пальцев начали стремительно темнеть. Ух ты! Мне еще тренироваться и тренироваться, чтобы так же ловко и быстро кастовать проклятье черной гангрены.

— Намеков вы, леди Фоули-Штоттен не понимаете, — процедила рассерженная миледи проректор, — я спрашивала вас о наличии или отсутствии девичьей чести!

— Так меня надо было спрашивать, — лениво зевнул Гамильтон. — Я бдю.

— Ты не бдишь, — прищурилась я, — а совсем другое делаешь! А я — приличная девица, у нас на Окраинах нравы не такие вольные, как у вас в столице.

— Вот и славно, — кивнула миледи проректор, — а то вы могли бы опозориться.

— Разве это не моя основная задача? — не сдержалась я.

— Ваша основная задача сойти с дистанции ровно в тот момент, как вам это прикажут, — бросила миледи и исчезла, телепортировав себя куда подальше.

Ну, по крайней мере я надеюсь, что это было куда подальше.

— А туфельки-то еще не пропали, — задумчиво произнес пес. — Это был какой-то очень не простой маг.

— Да пошел он, — раздраженно бросила я.

Но против воли восхитилась — это ж какую прорву силы надо иметь, чтобы так надолго извращать естественные законы природы?!

Если бы ученицы Столичного Института Божественных Сестер увидели наше общежитие изнутри, они бы немедленно развоплотились и отправились туда, куда уходим все мы после долгой и приятной жизни.

Снаружи здание выглядит великолепно — пять этажей, вход по центру и сразу понятно, что девочки налево, мальчики направо. Но! Но внутри все совершенно иначе и в девичьих гостиных можно увидеть молодых ребят. Точно так же как и наоборот.

Все, что смогли сделать профессора, это настроить сигнализацию так, чтобы юных любовников переносило из постелей (или шкафов) прямо в кабинет ректора. Вот как есть, так и переносило.

Постепенно эти чары расползлись на всю Академию и пару раз случались казусы с профессорами — у нас ведь и семейные пары преподают!

— Вся банда в сборе, — вздохнул вдруг Гамильтон.

А я, зная, что он давно потерял нюх, удивилась:

— Как ты их почуял?!

— Во-первых, я не полностью утратил обонятельные способности, — оскорбился пес. — Во-вторых, Марижан, когда бесится, выпускает когти, хлопает дверью и на косяке остаются глубокие борозды. Ночью предметы мебели и стены восстанавливаются сами собой, утром этого не было, а значит...

— Значит моя бесноватая соседка опять цапнулась с моими друзьями, — вздохнула я.

А все потому, что у Мари не клеится с одним из оборотней. Мерзавец перегулял со всеми, кроме нее. И когда она страдала по этому поводу, мы не поддержали, а подкололи. Да еще и я пару советов дала. И так из просто соседей мы стали практически врагами.

Хотя я отказываюсь воспринимать своих сокурсников как врагов. Много чести! Враги там, на границе. Темные твари проходящие сквозь прорехи в защите — вот кто истинное зло. А эти так, в лучшем случае неприятели!

Руку начало неприятно покалывать и я ускорила шаг. Миледи проректор проклиная качественно, а к академическим врачевателям обращаться бесполезно — они меняются как перчатки у модницы и не имеют за душой ничего, кроме диплома Божественных Сестер.

Ввалившись в гостиную, я, не обращая внимания на приветствия ребят, сразу протопала в спальню. Уже через пару мгновений в спальне стало тесно: мои друзья — тонко чувствующие натуры, уважающие чужое личное пространство. А потому они сразу же проследовали за мной.

— Ух ты, что ты сделала миледи проректору?

— Я осмелилась прикрыть ей рот ладонью, — честно сказала я.

Тина длинно присвистнула и, округлив и без того большие серые глаза, выдохнула:

— Доучилась. Хорошо еще гангреной обошлось. Она ведь могла тебя в садовую дорожку врастить, куковала бы потом месяц с корнями вместо ног.

Я пожала плечами:

— Так получилось.

Вытянув из проклятья силу, я осторожно обратила вспять все повреждения. Руку свело так, что у меня из глаз потекли слезы.

— Сочувствую, — без тени настоящего сочувствия произнес Марон.
— Ты пропустила такой цирк!

— Да нет, — фыркнула я и приняла горделивую позу, — я в нем поучаствовала. Перед вами одна из крылатых невест!

Секунда тишины и Тина недоверчиво хмурится:

— Я не поняла, у нас что, недобор в дворянском сословии?!

— Действительно, — Марон нахмурился, — выбор они сделали такой... Аномальный.

— Эй! — я прицельно пнула парня по щиколотке, — что значит аномальный?!

Пожевав губу, Тина попыталась объяснить:

— Ну, как бы так сказать, ты немножечко... Ну, долбанутенькая?

— Это ты спросила или утвердила? — мне было все труднее сдерживать улыбку.

— Если ты пошутила, то я кину тебя в озеро, — мрачно произнес Марон, рассмотрев бесов на дне моих глаз. — И ты захлебнешься на мелководье, ибо твой страх перед водой...

Тут и Тина зажгла в руках нехорошие огоньки и пришлось быстро-быстро все объяснять.

Марон улегся на мою не заправленную постель, Тина пристроилась рядом, мне же оставалось сесть только на тумбочку. Собственно поэтому я никогда ничего на нее не складывала, только на пол.

— Ты уверена, что стоило соглашаться? — спросила в итоге Тина.

Я не успела ответить, как вмешался Гамильтон:

— У них компромат на нас.

— Ну в соляные копи не пошлют, — фыркнул Марон и неуверенно добавил, — наверное.

— Просто, — Тина покосилась на друга, — просто ты ведь понимаешь, что крылатые невесты весь отбор живут при дворе?

— Естественно, там ведь ради этого целый комплекс построен, — напомнила я. — Поищу в своей комнате, может кто-то написал на стене «Здесь была я» и дату.

— Ты будешь первой, — вздохнул Марон.

— Побоку, — отмахнулась Тина. — Дело в том, что ты встретишь *его*.

Цокнув, я недовольно скривилась. Точно. Про *него* то я и забыла.

— Да-да, во дворце будут не только сдержанно-ядовитые леди с кинжалами за корсажем, но еще и тот, кого ты весьма неосмотрительно

назвала ублюдком, — покивал Марон.

Я тут же поспешила внести ясность:

— Стоп! Я не называла Его Незаконнорожденное Высочество ублюдком! Ну, не напрямую.

— Да, — кивнул друг, — ты просто призвала клинок своего погибшего отца и уточнила, что вот меч и он бастард, а к людям в современном обществе принято применять термин «ублюдок» или «нагулянный». А это, я напому, любимый сын экс-Правителя.

— От любимой любовницы, — добавила Тина.

— И это я еще стесняюсь напомнить, в какое место ты ему клинок сунула, — Марон ткнул в меня пальцем.

— Он пытался вступить со мной противоестественную связь! И клинок отца я сунула ему между ног и ничего не поранила, — возмутилась я. — Моя магия в очередной раз сбойнула и оставалось то, что оставалось — остудить чересчур пылкого мерзавца льдом окраинной стали.

— И вот его-то ты и встретишь во дворце, — вздохнула Тина.

— Я могу призвать клинок отца из любого положения, — похвасталась я и вытянула руку, начиная выплетать заклятье.

— Не надо! — сдвоенный вопль сбил меня и клинок не сформировался.

— Не надо, — спокойнее повторила Тина. — Я еще с прошлого раза волосы не отрастила.

Упс, а я и забыла об этой нехорошей истории.

Тина поерзала на постели и попыталась сдвинуть Марона, но тот упорно делал вид, что не замечает ее поползновений.

Именно в этот момент они умудрились качнуть узкую шаткую этажерку, на которой я хранила свои колдовские конструкторы.

Все попадало с ужасным грохотом. Секунда тишины, громкий всхрап Гамильтона и...

— Это что?! — с ужасом и отвращением спросила Тина, поднимая за хвост мумифицированный трупик крысы.

— Это Журжик, — улыбнулась я. — Не бойся, он никогда не был живым.

Побледнев, подруга бросила крыску на пол, а после забралась на постель с ногами. Марону оставалось только сдавленно крикнуть — она так впечатлилась Журжилом, что вдавила нашего друга в стену, лишь бы оказаться подальше от крысика.

— Я сделала его из веточек, листьев и искусственного меха, — прыгнув с тумбочки, я подобрала малыша, — стоит в него влить немного

магии и он повеселит нас трюками.

Правда, ни Тину, ни Марона мой крыс не впечатлил. Пусть он ходил на задних и жонглировал — они все равно не стали с ним знакомиться.

— Один вопрос — зачем?! — Марон сел, не спеша, впрочем, спускать ноги на пол.

— Профессор Блумквист сказал, что невозможно создать колдовской конструкт используя лишь древесно-природные составляющие, — я пожала плечами, подняла Журжика и, забрав магию из его легкого тельца, бросила его обратно на этажерку.

— Это после этого у него лаборатория взорвалась? — припомнила Тина.

— Да, он пытался повторить, но пошел более академическим путем.

Марон нахмурился:

— Более академическим путем?

А я охотно пояснила:

— Он тщательно все рассчитал, перепроверил и после воплотил в лаборатории. Я же пользовалась методом ненаучного тыка.

— То есть, мы сейчас могли носить черное? — с интересом уточнила Тина и вздохнула, — я, конечно, рада, что ты жива. Но серый цвет формы преизрядно надоел.

— От серого до черного, знаешь ли, — отмахнулась я.

И тут Марон сказал страшное:

— Кстати о сером. Вильгельмина, душа моя, а что у тебя с платьями?

Ой.

— Ты не можешь прибыть во дворец в академической форме, — Тина прикрыла рот рукой, — погоди! Если тебе дают диплом заранее, значит, сегодня-завтра тебя выселят!

А я вспомнила ту убогую избушку, в которой пришлось провести лето. Ох. Вид: невеста; статус: крылатая; подвид: подкустовая. Или избушечно-опушечная?

— Можешь пожить у меня, — щедро предложил Марон.

— Я не доживу, — вздрогнула я.

Увы, матушка Марона спит и во сне видит свою идеальную невестку — Тину. Я же считаюсь препятствием на пути к сыновьему счастью. Сколько мелких проклятий я снимаю после каждой встречи с леди Таргери-Дойлерн — устала считать.

— К себе предлагать не буду, — скривилась Тина. — Мой младший братец все еще пылает к тебе всем своим юношеским организмом.

— Да, как-то не задались у тебя отношения с нашими родичами, — хихикнул Марон.

Потрепавшись еще немного, ребята ушли. А я, с тоской осмотрев родную и любимую спаленку, принялась собирать вещи. Затем взяла список и отправилась гулять по Академии. И, как бы невзначай, встречала давнишних приятелей то тут, то там. То там, то тут. А что поделать, очень многим хочется на выходных рвануть к родителям, или к невесте, или к жениху. Или вообще на курорт — имея колдовской дар не обязательно снимать гостиничный номер, можно и на пляже переночевать!

Вернувшись в гостиную, я обнаружила, что вещи мои уже выставлены подле опечатанной двери. А вокруг потрепанных чемоданов горят защитные заклатья миледи проректора. И бумажка... А, нет, не бумажка. Диплом! Под ним, сложенным вдвое, прячутся письма. В одном благодарность за отличную учебу (надеюсь, ректору не стало дурно, когда он это писал), а во втором инструкция.

— Что ж, на улице нам жить не придется. Просыпайся, великий воин, — я дернула пса за длинное ухо, — тебя вынесли из спальни, а ты и не заметил!

Гамильтон потянулся, зевнул, оправил узорчатый жилет и снисходительно бросил:

— Заметил. Но! Тебя миледи проректор когда-нибудь на руках носила?

— Нет.

— Во-от, — удовлетворенно протянул он. — А меня — носила.

— Знать бы еще, какие слова она при этом говорила, — фыркнула я.

— А это уже не важно.

Я сняла заклатье, уменьшила чемоданы и положила руку на голову Гамильтона. И позволила себе признать:

— Мне немного страшно.

— Мне тоже, — вздохнул пес. — Все же впереди неизвестность. Вдруг дворцовые кухарки не смогут приготовить для меня нормальную пищу? Мне пришлось очень долго обучать здешнего повара, чтобы он смог сотворить достойный паштет.

Гамильтон продолжал распинаться о том, как он переживает за наше меню, а меня вдруг разобрал тихий смех.

— Ты чего? — пес недоуменно на меня посмотрел.

— Да вот думаю, — я выразительно побренчала монетами, — может сразу твой жилет модистке отдать?

— Зачем? — купился Гамильтон.

— Чтобы она клинышки вшила, — хихикнула я, — разнесет тебя на дворцовых харчах, что делать будем?

Дальше мне пришлось убежать с хохотом, ведь мой компаньон пытался меня сожрать! Хотя этот гурман скорее бы обслюнявил и заявил, что перца много, трав мало и вообще, порядочные собаки такое не едят.

Глава 2

У кованых ворот Академии стояло ландо, запряженное кремово-золотистыми лошадами. Это что ж, на время отбора мне выдали личный ректорский экипаж?!

— Мина! Давай быстрее!

Только в этот момент я заметила Тину и Марона, сидящих внутри.

— О, — глубокомысленно изрек Гамильтон, — дворец, как я понимаю, никому не жалко.

Забравшись в ландо, мы кое-как разместились и я задала самый животрепещущий вопрос:

— Как думаете, с какой скоростью эта прелесть может перемещаться? Спина извозчика несколько напряглась.

— Столько позолоты, колдо-фонари, — Тина потыкала пальчиком в разнообразные красоты, наклепанные на ландо, — со скоростью умирающей улитки. Я, кстати, буду твоей дуэньей.

— Ты?! — Гамильтон был так шокирован, что его человеческий голос перешел в собачий вой.

Отчего он страшно смутился и отвернулся, как будто ничего и не было.

— Я соврала, что на окраинах так принято, — подруга пожала плечами.

— У нас так и принято, — возмутилась я.

— О, значит, не соврала.

— Вообще, свита крылатой невесты состоит из троих — дуэнья, парикмахер и камеристка, — я выразительно посмотрела на Марона, — будешь крючки на моем платье застегивать? Твоя матушка сожрет меня. Прорвет все дворцовые кордоны и просто ом-ном-ном.

— Нет, я буду отвечать за твою прическу, — ухмыльнулся Марон.

И мне резко поплохело.

Впрочем, я же еду позориться, а не побеждать.

— Вот зря ты сейчас такое лицо сделала, — обиделся друг. — Я, вообще-то, с первого курса девчонок на светские вечера собираю.

— Но они так кричат в процессе, — я поежилась.

— Чтобы прическа держалась без магии, шпильки должны немного войти в голову, — пожал плечами Марон.

Тут даже Гамильтон удивился:

— В голову?

— В кожу головы, — уточнил друг и принялся объяснять.

А я поняла одно — коса. Весь отбор моим спутником будет окраинная коса — пышная, сложно заплетённая, с лентами и драгоценностями. Последних у меня всего два комплекта — папа не очень-то в этом разбирался и предпочитал покупать мне артефакты. Которые остались в замке. Которые достались сводной сестричке.

Или не достались — мой сундук даже я не всегда могу открыть, так что... Пусть ходят вокруг него и облизываются!

— Насчет умирающей улитки, Тина, ты как-то погорячилась. Мы, походу, скоро выйдем и будем ландо сзади подпихивать.

Кучер выпрямился, запламенел ушами и недовольно цокнул. Свист, лающая команда и неизбежность! Неизбежность, столкнувшая нас друг с другом.

Я, оказавшаяся на полу между сидений, сдвинула с себя задницу Гамильтона и сдавленно прохрипела:

— А чего никто не сказал, что это пегасы?!

Тина мне ответить не могла, она мертвой хваткой вцепилась в Марона, который практически вывалился из ландо!

В общем, ко дворцу мы прибыли перепуганные, встрепанные и задумавшиеся о трех китах безопасной жизни: вежливость, молчание, осторожность.

— А ничего так полетали, — хихикнула Тина и щелкнула ближайшего пегаса по кончику раздвоенного уха, — надо будет повторить.

Бледно зеленый кучер, заикаясь, выдавил, что пегасы вообще-то понимают человеческую речь.

— Так никто и не против, — фыркнула я и поспешила отойти от ландо.

Мало ли прекрасные небесные коники захотят показать, кто тут сухопутная улитка, а кто скоростной пегас!

=-=-

Вытащив из кармана форменного платья бумажку с инструкциями, я решительно повернулась к дворцовому комплексу спиной и зашагала к зданию столичного магистрата. Тут нам дадут денег на подготовку к свадебному отбору и направят в недорогую гостиницу.

— Убивать тебя здесь не будут, — зевнул Гамильтон, — а вот ты, возможно, захочешь открыть охотничий сезон. Но мне, увы, запрещено убивать людей, пока они на тебя не напали.

— Это ты к чему? — рассеянно отозвалась я.

— Притворюсь обычной собакой и подремлю в пыли, — любезно пояснил мой компаньон и, развеяв свой жилет, рухнул на нагретую мостовую.

Я же решительно вошла в прохладный, пропахший бумажной пылью зал магистрата.

Через несколько часов уже я хотела притвориться обычной собакой и подремать в пыли. Я заполнила форму а-девятнадцать, затем б-сто тридцать девять и отнесла все это в кабинет номер четырнадцать на четвертом этаже. Там я узнала, что окраинные дворяне должны еще прикладывать дополнительную справку об отсутствии горных проклятий. Справку эту можно получить каждый понедельник с семи до восьми тридцати утра. Но если ближайший год я не покидала столицу, то...

Мой мозг отключился. Я просто ходила от кабинета до кабинета, что-то подписывала, заполняла. Брала, отдавала.

— Вот и все, — улыбнулась молодая женщина, в чей кабинет я вошла уже в седьмой раз. — Теперь со всем вот этим вниз, на первый этаж, в кабинет старшего над золотом.

— А где этот кабинет? — охрипшим голосом спросила Тина.

— Если спускаться будете по главной лестнице, то налево до синей стены, потом направо до цветущего в кадке деревца и от него снова налево до самого конца.

Через пару минут мы узнали, что деревце уже не цветет, а медленно погибает от какого-то очень нехорошего, семейного проклятья.

— М-м-м, полагаю, кто-то из крылатых невест не сдержался, — хмыкнула Тина.

— Думаешь, сюда попадает мало несчастных? — вяло удивилась я.

— Думаю, что никто не рискнет сделать замечание одной из тех, что соревнуются за право стать женой Правителя.

Я согласно кивнула и бросила на деревце свое проклятье. Точнее, я бросила проклятье на проклятье. Если деревцу повезет, то оно выживет. Если мне повезет, то мои бега по магистрату закончены.

Щуплый, старый оборотень выдавал деньги так, будто они его личные. Вот держу пари, что он из лисьего клана. Воистину, клан Лис выпускает в мир истинное зло, способное зимой торговать снегом!

— Разорительница, — припечатал оборотень.

В чем-то я с ним была согласна. Мой «девичий капитал» сейчас составляет восемь золотых и я их зарабатывала два последних года!

Конечно, порталы, которые я делаю, стоят куда дороже, чем их удастся продать. Но! Чтобы получить право делать амулеты перемещения,

мне нужно пройти экзамен и получить личную печать. А чтобы получить право пройти экзамен нужно заплатить аж тридцать золотых!

— Мина, — подруга ткнула меня локтем в бок и я тут же вынырнула из своих мрачных дум, сгребла увесистый мешок с монетами и попрощалась.

Пересчитывать я не стала — на горловине болталась бирка банка, никто мешок не вскрывал, а значит нет смысла терять время.

— Так, теперь направление на заселение, — я вытащила из кармана выданную в одном из кабинетов бумажку и чуть не рухнула, — пять золотых за ночь?!

— Чувствую, спать мы будем за городом, в той самой избушке, — ошарашенно выдавила Тина. — Где они цены такие видели?!

— Потому что кто-то — благороден и не считает презренный металл, — надменно бросила я, воображая себя своей матушкой.

— Ага, а потом ищет себе богатого покровителя, — фыркнула Тина, бывшая в курсе моей жизненной ситуации.

— Ага. Радует одно — нам не придется идти пешком. Пошли забирать дезертиров, а я по дороге амулет сделаю.

— Еды надо взять, — всполошилась Тина.

До моей избушки мы добрались в сумерках. Мрачно пожевали сухомятку — Гамильтон гордо отказался — и расплзлись по спальникам. Как-то не так я себе представляла первый день в роли крылатой невесты.

* * *

Второй день, впрочем, был не намного лучше первого. Мы перекусили, размяли кости и прыгнули обратно в столицу. И все ради чего?! Ради того, чтобы обнаружить тотальный подъем цен!

— Вы же понимаете, — оскалила зубы в улыбке хозяйка лавки с готовой одеждой, — свадебный сезон. Порталы стоят дорого...

— И у несчастных просто нет выбора, — усмехнулась я.

Торговка состроила неприятную гримасу и широким жестом указала на вереницу манекенов со старыми, местами даже поеденными молью платьями:

— Магией подлатаешь, если сэкономить хочешь. Все равно на бал невест не попадешь.

Тина дернула меня за руку и проклятье ушло в пол. Торговка же погрозила мне пальцем и пропела:

— Вызову стражу и будешь штраф платить.

— А ты будешь слизнями плакать, — оскалилась я.

— Мина, — Марон развернул меня к себе, — идем, я научу тебя правильно мстить. Ты у нас кто?

— Кто? — удивилась я.

— Крылатая невеста. Вот и создашь этой лавчонке особую репутацию.

Торговка изменилась в лице, но мы уже вышли на улицу и на ее призывы вернуться и пересмотреть платья не реагировали.

— Сумма в пятьсот золотых казалась огромной, — я похлопала по поясу юбки, в котором таился мешок с монетами, — казалось, что потратить это нереально.

— А получается, что собрать нормальный гардероб нереально, — Тина мрачно жевала чуть зачерствевшую булочку. Откуда она ее взяла оставалось загадкой.

— Это потому что нет в вас стратегического мышления, — хохотнул Марон. — Кто тут великая и ужасная сотворительница порталов? Студенты с первого по четвертый мечтали, чтобы ты завалила выпускные экзамены и осталась еще хоть на годик — домой-то всем хочется. Поест нормальной еды, сэкономить монеты на дороге и все прочее.

— Ты предлагаешь продать еще порталы? — нахмурилась я.

— Я предлагаю метнуться в солнечный Иль-доратан, портовый город на границе с империей Штормов.

— Точно, — Тина щёлкнула пальцами, — в столице нынче шьют сами только на заказ, а остальное везут оттуда!

Найдя узкий, неприметный закуток, мы с друзьями рванули в Иль-доратан. Из плюсов — магия слушалась меня идеально. Из минусов — Гамильтона пришлось брать на руки, а это кошмарно тяжело!

— Ваи, такой красивой девушке нужен другой собака!

Это было первое, что я услышала, отойдя от перемещения.

— Эти нежные руки созданы для волосяной химеры, ласковой кнопки с теплым носом, — продолжал разливаться соловьем невидимый продавец. — Переход в мир Ти-Орнан открыт всего три дня! Успеешь купить, пока...

— Не успеет, — хрипло рявкнул Гамильтон и спрыгнул на землю.

А меня аж качнуло от того, как сильно он от меня оттолкнулся.

— О, вырожденец из псовых, — хохотнул невидимка, — что ты мне сд...

Мой толстый брылястый увалень превратился в рыжую молнию, а дальше... Скрип, шорох, рык и дикий визг!

— Я выкусил ему кое-что важное, — облизнулся Гамильтон.

Тина позеленела и пес поспешил объяснить:

— Главный глаз, а не то, что вы подумали! Это существо похоже на гриб с кучей глаз. Оно продает своих детенышей. Пока они маленькие, их глаза похожи на волосы.

— То есть, если бы я согласилась, то лохматое с теплым носом...

— Оно бы потом стало глазастым, — захохотал Марон, — вы бы чудесно смотрелись. Так, нам туда.

Марон бывал Иль-доратане куда чаще нас и потому ориентировался в нем вполне прилично. Но...

Рынок был огромен, цветаст и шумен. По воздуху плыл незабываемый аромат специй и, м-м-м, свежесваренного кофе. Как жаль, что это напиток мужчин и приличные леди его не пьют.

Осторожно приглядываясь, я отмечала, что мне могло бы пойти и то, и вон то, но... Где мерить? Здесь не было ни единого подобия наших столичных тихих одежных лавок. Стоило мне только замереть подле где-то как-то подходящего платья, как ловкая иль-доратанка чуть ли не раздела меня! Спасибо, Гамильтон ощерил зубы и внушительно гавкнул — женщина тут же отскочила в сторону. А я принялась застегивать пуговицы на платье.

— Не стоит надолго где-либо останавливаться, — шепнул Марон, скрывая улыбку. — Здесь довольно серьезная конкуренция. И методы борьбы за клиента несколько... М-м-м, обескураживают.

— Я вот думаю, — поправив поясик сказала я, — что те пропахшие нафталином платья прекрасный вариант. Дороговаты, но... Я же должна быть главным позором этого отбора, верно?

Тоски в моем голосе хватило бы на целую страну.

— Неверно, — фыркнула Тина, которая жалась поближе к Марону.

Подруга ненавидела шум, гам, скопление чужих людей. В общем-то, она ненавидела все то, что сейчас нас окружало.

— Ты можешь нас куда-то отвести? — опасливо спросила Тина. — А то Мина сейчас взбесится и перебросит нас назад. И что мы там будем делать? Воровать платья моей матушки? Так она будет на открытии бала невест и уж свой наряд, даже перешитый, точно опознает!

— Я тут ткани покупал, — неуверенно произнес Марон. — Не те, которые на платья, а те, которые на постельное белье. Еле выжил — меня тянули в разные стороны и даже руку вывихнули.

— Я чувствую кровь, — пафосно изрек Гамильтон и кивнула в сторону стен, опоясывающих рынок. — Там.

— Что ты можешь чувствовать, если у тебя нюх давно испорчен шоколадным табаком? — фыркнула я.

— Я чувствую кровь, порох и лососинный паштет, — отрезал пес. — Крови много и она человеческая.

Щебет птиц, сидящих в клетках, душный запах специй и многоголосый гомон как будто отодвинулись. Я уже чувствовала в ладони холод рукояти отцовского меча, когда на плечо легла мужья ладонь:

— Не стоит вмешиваться. Законы Иль-доратана не имеют ничего общего с законами остальной страны.

Повернувшись, я увидела высокого, черноглазого незнакомца.

— Возможно, — согласилась я с ним. — Но не думаете ли вы, что это происходит оттого, что все действуют как вы — не вмешиваются? Если вы видите несправедливость и проходите мимо — значит, вы одобряете ее. Я — нет. Не одобряю. И одобрять не буду.

Оставив трусливого незнакомца за спиной, я решительно направилась туда, куда уже спешил Гамильтон. Правда, отцовский меч я пока оставила в безвременье. Все же девица в потрепанном платье с роскошным окраинным клинком будет чужеродно смотреться на иль-доратанском рынке.

Марон первым последовал за мной, следом я услышала перестук каблучков Тины и ее сдавленное:

— Ой, простите, я не нарочно.

И...

Незнакомец пошел следом.

Немного притормозив, я как бы случайно коснулась его руки. Ну же, не подведи! И дар не подвел. Привкус магии подсказал, что этот незнакомец и тот, которого я встретила в Академии ничем друг от друга не отличаются. Но я готова поставить на кон свою голову — он не способен создавать порталные амулеты!

А туфли ведь так и не развеялись...

Я подтянула клинок ближе к себе. Так, чтобы рукоять уже холодила пальцы, но в реальности никто этого не заметил. Не хочу оставлять за спиной *такого* мага.

Тяжело вздохнув, незнакомец пошел следом за нами.

— Я не понимаю, — озадаченно произнесла Тина и опасливо огляделась, — как такой яркий и веселый рынок стал... Стал вот этим? Где эта грань, за которую мы переступили и не заметили?

Сменился не только цвет, но и запах. Вместо изысканных специй — плесень, вместо горького и бодрящего кофе непередаваемая вонь закишей воды.

— И где ты различил лососинный паштет? — проворчала я, осторожно обходя зловонную лужу.

— Здесь? — удивился Гамильтон и обернулся на меня, — здесь его нет. Я говорил, что в принципе различаю кровь, паштет и порох.

— Что такое порох? — подал голос наш неожиданный попутчик.

— Если вы не знаете, значит и не должны знать, — отрезала я. — Эти формулы могут навлечь беду на наш мир.

Марон вдруг резко остановился:

— Я вспомнил, что это за место. Тут раньше рабами торговали, в том числе и одаренными магией. Поэтому здесь все портится — они проклинали это место изо всех сил. И пусть их дар был скован, все равно у них это в итоге получ...

Мы завернули за очередную брошенную торговую точку и увидели женщину. Она лежала на спине, руки раскинуты. Ее яркая, дорогая одежда впитала кровь и грязь, волосы разметались, но...

— Она дышит! — выкрикнула Тина и рухнула перед женщиной на колени.

Я бестолково замерла рядом с ней. Увы, моя едкая, ядовитая сила создана чтобы добивать людей, а никак не помогать им. Да что там люди! На *мне* простейшие царапины заживают втрое дольше, чем на обычных магах. И нет, кровью я не истекаю. Она запекается и на этом все. Дальше только оттягивающие силу мази и притирания, компрессы и...

— Уходите, — простонала очнувшаяся женщина. — Спасибо, но уходите. Они вернутся.

Вывхватив клинок, я резко развернулась.

Марон вздрогнул и мы, не сговариваясь, встали по двум сторонам от Тины и ее пациентки.

— Не трать силу, — несчастная пыталась оттолкнуть руки Тины. — Уходи же! Я чувствую их!

Первую стрелу я успела рассечь на двое, вторую третью и пятую приняла на наколдованный щит.

— Уходим, — рявкнула я и сделала длинный шаг назад, на ходу создавая порталный амулет.

Он утянул нас обратно к избушке. Вместе с умирающей и знакомым незнакомцем. Последнего я, впрочем, вытолкнула обратно в Иль-доратан.

— Тебе здесь не место, — фыркнул Гамильтон и чихнул.

— Ч-что это? — женщина села и недоуменно коснулась травы.

Да, после грязи окраин Иль-доратанского рынка чистота и свежесть леса должны ошеломлять. Я с наслаждением втянула запах хвои и пожала плечами, а Тина строго произнесла:

— Мы в ответственности за тех, кого исцелили. Я будущее светило врачевания. Как мне жить, если я прошла мимо?

Марон поднял раненную на руки и внес в избушку, где усадил ее прямо на обеденный стол. Точнее, его подобие. И Тина вновь принялась забрасывать незнакомку исцеляющими заклятьями.

— Кто вы? — спросила она.

— А вы? — тут же отреагировала я.

— Я... Я идиотка, сбежавшая от навязанного мужа, — криво усмехнулась женщина. — Прошу, подарите мне новое имя, я не хочу... Не хочу иметь ничего общего с тем, что было.

Повисла тишина. Тина заканчивала врачевать женщину, а я судорожно обдумывала — стоит ли ввязываться в это? Подарить имя — это не просто бросить пару слов. Это ответственность. Ответственность за все поступки, которые совершит в будущем этот новый человек. Дракон или оборотень — не важно.

— Корделия, — проронил вдруг Марон. — Девочки?

Наш друг лучше всех чувствует людей, а значит...

— Мортифера, — прищурилась я.

— Корделия Мортифера, — задумчиво повторила она. — Мне нравится.

Марон укоризненно посмотрел на меня:

— Смертельная энергия, серьезно?

— Зовите меня Делия, — ласково произнесла женщина и сверкнула черными глазами, — для остальных я буду Мортиферой.

Она посмотрела прямо на меня и я, неловко разведя руками, представилась:

— Отец хотел сына, а получилась я. Он назвал меня Вильгельминой, потому что мечтал о Вильгельме.

— Я видела окраинную сталь в твоей руке, — Делия чуть прищурилась, — эти клинки не каждому даются в руки.

— Это оружие моего отца.

— Оружие, — поправила меня Делия.

А я только усмехнулась. Окраинный клинок это оружие, оружие и оберег. То, что спасет от тварей из темных миров. То, что возвратит восставших мертвецов назад в могилу. То, что отвратит взор темного духа.

То, за что сейчас принято убивать — мастеров не осталось и клинки переходят по наследству. Еще один камень преткновения между мной и матерью.

— Марон, — сказал вдруг наш друг.

— Ой, а я Тина, — хихикнула подруга.

Взгляды скрестили на моем компаньоне.

— Генерал-Пёс, но друзья зовут меня Гамильтон, — он встал на задние лапы и на несколько мгновений стал выше нас всех.

— Очень приятно познакомиться. Что вы искали в Иль-доратане?

— Слишком много вопросов для той, что попросила о новом имени, — укорила я ее. — Платья мы хотели. Начался отбор крылатых невест и я его часть, а платьев у меня нет.

— Ты хотела найти их на рынке? — недоверчиво спросила Делия. — Платья для королевского приема?

— Моя роль в этом отборе быть хуже всех, — не выношу чужого сочувствия густо замешанного на осуждении и превосходстве.

— А. У нас это называется а-трэйти, — таинственно улыбнулась Делия. — если перевести, то получится «та, что делает других счастливыми».

— У нас это называется «чудовище», — в тон ей ответила я. — Да и выбора мне никто не предоставил. И золото нужно.

— У них на нас компромат, — с отвращением добавил Гамильтон.

— Я забрала свои платья. Среди них есть те, что я не носила. Я отдам. Сложив руки на груди, я с недоверчиво спросила:

— С чего такая роскошь? Да и глупо получится, если твой муж опознает то, за что заплатил.

Хотя вряд ли мужчины способны узнать платье жены на другой.

— Вы спасли мне жизнь и ненужные мне вещи лишь малая часть того, чем я должна отдариться, — серьезно сказала она и добавила, — но я буду благодарна, если мне позволят остаться здесь. Мой дом остался в империи Штормов и... Я не вернусь.

— Видишь ли, это неизвестно чья избушка, — я потеряла кончик носа. — Мне не жалко, но у нее может быть настоящий хозяин.

— Прекрасно, он давно не объявлялся, я придумаю, что соврать, — кивнула Делия и сняла с руки браслет, — каждая бусина — платье. Удачи тебе.

— И тебе, — я сжала украшение в пальцах.

— И ты даже не спросишь, как распаковать платья?

— Самой вскрыть интереснее, — отозвалась я. — Или есть подвох?

— Нет, — она подняла руку, — клянусь кровью, душой и магией, что не злоумышляю против своей новой родины.

Магия приняла ее клятву и мы, поняв, что миссия выполнена, забрали сваленные кучкой уменьшенные чемоданы и отправились во дворец.

Кое-как пройдя «бумажные» кордоны и заполнив просто нереальное количество бумаг, мы узнали, что могли никуда не торопиться. Наш полуправитель прислал призрачного вестника и велел отложить бал невест на неделю! Видите ли, он где-то задерживается. Вот где может задерживаться Правитель, живущий в соседнем дворце?!

И главное, если бы не чуткие уши Гамильтона, то мы бы и не узнали, из-за чего все так растягивается...

Глава 3

Дворец невест очень странное место. Высокий пышноусый мужчина выдал мне тонкую брошюрку и дал несколько дней на изучение.

Текста в этой брошюрке было всего ничего. Нет, он серьезно?! Я три тома теории магии вызубрила в ночь перед сдачей экзамена! А тут шесть абзацев по пятнадцать строк.

Зато было время, чтобы разобраться с браслетом. А то меня даже служанки пожалели и предложили несколько своих платьев. Странное чувство — вроде и приятно, а вроде стыдно до ужаса.

— Не жалеешь, что решила быть самостоятельной? — с интересом спросила Тина, видя, что шарики на браслете никак мне не поддаются.

— Нет, — сквозь зубы отозвалась я. — Ничуть. А где Марон? Он точно зазубрил предпоследнюю страницу «Правил поведения на территории дворца крылатых невест?».

— Я бы поставила ему отлично, — фыркнула Тина и добавила, — они ушли часа два назад. Гамильтон хотел найти поваров и объяснить им, что подавать благородному бассету свиные кости в жестяном тазу — верх неприличия. А Марон хочет найти хоть что-нибудь об империи Штормов. Будет грустно, если вместо где-то как-то подходящих платьев, ты получишь нечто вроде горных накидок с нашитыми камнями.

Фыркнув, я вновь вернула свое внимание браслету. Делия выглядела человеком, который потерял волю к жизни. Да, Тина подлечила ее. Да, рана была несерьезной. Но...

От нелюбимого мужа уезжают в другой город, а не бросаются через море. От чего она бежала? Что ей довелось пережить?

И тот незнакомец, чье лицо совершенно не отложилось в моей памяти, почему он пошел следом за нами? Марон сказал, что он перехватил столько же стрел, сколько и мы. Но ведь изначально мужчина не хотел, чтобы мы шли туда.

Или он хотел пойти туда один?

Браслет тихо хрупнул и меня погребло под слоем платьев, нижних юбок, платков, чулок и прочей продукции. Так, если здесь есть нижнее белье — на свалку. Что-то, а это я из-под кого-то надеть не смогу.

— А ты упорная, — хмыкнула Тина и помогла мне подняться.

Целый час мы сортировали платья, развешивали на парящие в воздухе манекены и любовались-любовались-любовались.

Мода Штормовой Империи отличалась от нашей не слишком сильно. Корсеты, пышные многослойные юбки, изысканная вышивка — все это было. Но! Были и полностью открытые плечи.

— Это скандально, — выдохнула Тина, когда я примерила синее с серебром платье.

— А мне нравится, — усмехнулась я.

Серебряное шитье перекликалось с моей пепельной косой. Безжалостное солнце выбелило волосы до серебряного оттенка. Хотя папа, когда находил для меня время, иногда обнажал клинок и, посмеиваясь, говорил, что мои волосы цвета окраинной стали.

Пышные рукава платья подчеркивали тонкие ключицы, корсет туго обхватывал талию, а пышная юбка мягкими волнами спускалась до самого пола!

И прикрывала мои потрепанные туфли, что очень и очень немаловажный фактор.

— Слишком роскошно для повседневности, — я провела ладонью по расшитой ткани, — но ничего проще у Делии нет.

Распустив свою простую косу я взялась за приведение волос в порядок. И сделать это надо побыстрее, иначе вернется Марон и... Лекция про шпильки, которые должны впиваться в кожу головы, все еще свежа в моей памяти.

— Теперь можно и с невестами знакомиться, — хмыкнула я и развеяла сотворенное зеркало.

В той брошюрке, что нам выдали, помимо груды бесполезной информации, было еще и расписание мероприятий дворца крылатых невест. И я, после «периода адаптации» должна его придерживаться. Так вот согласно расписанию, сейчас все претендентки на руку, сердце и иные органы Правительства должны быть в музыкальной гостиной.

По замыслу устроителей отбора, мы должна познакомиться, подружиться и создать между собой плотные дружеские узы. Чтобы, когда одна из нас станет супругой, остальные были ее поддержкой и опорой.

Я когда это читала, с трудом сдерживала смех. А вот мои друзья не сдерживались и нахохотались вдоволь.

— Слушай, — Тина приостановила меня, — не приходилось к слову, но... Ты музицируешь? Хоть немного?

Уклончиво пожав плечами, я обтекаемо ответила:

— Музыка не чужда мне.

Только вряд ли кто-то хочет услышать окраинные песни. Наши люди предпочитают тяжелую, мрачную музыку. Трудно сочинять что-то легкое и

беспечное, когда не знаешь, доживешь ли до конца года.

Прорывы из миров-сателлитов появляются все чаще, а боевых магов становится все меньше. Про окраинную сталь и говорить нечего — мастера были убиты не просто так. С этим никто не согласится, но отец считал именно так и я верю в его выводы. Увы, он так и не смог ничего доказать. Погиб раньше, чем...

Не сейчас. Я не буду это вспоминать.

— Дождемся мальчиков? — спросила Тина и поправила свое платье.

— Вчера они вернулись за полночь, — напомнила я.

Взяв карту, мы решительно выдвинулись навстречу утонченным леди, одна из которых станет победительницей этого цирка.

Тяжелая юбка приятно шуршала, по пустым гулким коридорам разносился перестук наших каблуков. Взгляду же зацепиться было не за что — дворец невест похож на зефир. Белый, розовый и разбеленный розовый. Одна сплошная приторная сладость!

Мы подошли к дверям и я хихикнула, рассмотрев целую тучу колдовских меток. Некоторым было под триста лет!

— Кажется, раньше карты не выдавали, — фыркнула Тина, которой я показала, куда смотреть.

Из-за дверей доносился чей-то высокий, хорошо поставленный голос и такая себе игра на рояле. И что делать? Стоять под дверьми глупо, входить во время выступления невежливо.

— Будем надеяться, что двери в стороне от эпицентра событий, — решила я и аккуратно приоткрыла одну створку.

Вот только эти гадские двери разлетелись в стороны с треском и грохотом!

Певица дала петуха и резко замолкла.

А я, под прицелом нескольких десятков глаз, прошла сквозь весь зал к дальнему не занятому диванчику.

И только усевшись и приняв позу воспитанной леди, до меня дошло — здесь все абсолютно одинаковые. Каштановые волосы, выбеленная кожа, алые губы.

Тина это тоже заметила и, повернувшись ко мне, хихикнула:

— Так вот как выглядит та самая белая ворона.

Голос ее разнесся по всему залу и мой привычно выставленный щит затрещал по шквалом мелких проклятий.

При этом в нашу сторону не повернулся никто. Как будто ничего и не было! И никто не проходил сквозь всю музыкальную гостиную. И не ломал двери, хотя на самом деле, я тут абсолютно ни при чем.

3.2

Дождавшись, пока запоеет следующая красавица, я призвала из безвременья отцовский клинок.

— Ты хочешь выиграть любой ценой? — восторженно прошептала Тина, на что я, укоризненно вздохнув, напомнила подруге:

— Моя задача красиво сойти с дистанции, уступив дорогу политически подкованным невестам.

Дальше я отвязала от эфеса клинка небольшую сумочку, вытряхнула из нее пяльцы, иглоку и моток ниток. После чего сумочку примотала обратно к клинку и все это отправила в безвременье.

При виде рукоделия Тине стало плохо. Она еще помнила, как я подшила отошедшее кружево на подоле юбки.

— Отбор не начался, — шепнула я, — надо выглядеть безобидно и обыденно.

Подруга тихонечко вздохнула и еще тише спросила:

— А ты со мной посоветоваться не могла?

— А что не так? — я увлеченно тыкала иглой в ткань.

— Да нет, ничего. Просто... Просто я даже знать не хочу, где ты раздобыла сапожную иглу и дратву.

— Дратву? — переспросила я. — Это нитки, черные. Я вышью контур, а потом заполню его чем-нибудь цветным.

Тина покачала головой и попросила меня никому не показывать мои художества.

А мне все нравилось. В безвременье был припрятан мешочек с целым состоянием, платья у меня есть, а без защитных артефактов я уж как-нибудь обойдусь. Отбор, конечно, дело опасное. Но я-то буду среди отстающих, так что бояться мне нечего.

Ну а если кто проклятьем в меня бросит... Что ж, есть у меня прекрасная разработка под названием: «Возьми себе».

Девушка, надрывавшаяся у рояля, внезапно как-то неаристократично взвизгнула и за долю секунды оказалась на крышке жалобно скрипнувшего музыкального инструмента. Я одобрительно хмыкнула — такие прыжки не каждая себе позволить может!

Сквозь разломанные двери проскочила серая крыска, следом за ней степенно вошел Гамильтон и, за ним же, в музыкальный зал вступил

Марон. Остановившись ровно по центру музыкальной гостиной они принялись недоуменно оглядываться.

— Мне хочется спрятаться, — внезапно сказала Тина.

— Ты можешь, — вздохнула я и подняла руку, привлекая к себе внимание, — а мне не вариант. Белый на темном хорошо видно.

3.3

Вообще, я хотела избежать приветственного крысиного писка, но Гамильтон не успел (или не захотел успеть) перехватить Журжика и тот начал свою песню. А тут надо уточнить, что крыса я не просто собирала из не-животных материалов, а из того, что было. И вот вместо голосовых связок у него туго натянутый узкий лист осоки. Никогда не пробовали свистеть с его помощью?

Вот этот то мерзкий звук и разнесся на все помещение.

— Кажется мы здесь не к месту, — Марон неловко улыбнулся.

— Тебе кажется, — утешил его пес и подошел к нам с Тиной.

При этом он, по пути, небрежно рассыпал вокруг себя: «Добрый день, здравствуйте, здравствуйте, добрый день».

— Тут концерт до какого часу? — он сел у моих ног и протяжно зевнул, — не люблю человечесьи вопли, то ли дело вой королевских су...

— Гамильтон, — процедила я и с силой провела ладонью меж его ушей, — захлопни пасть и наслаждайся. Когда еще ты увидишь крылатых невест?!

Я хотела заставить его вести себя прилично, но...

— Как это когда? Завтра, послезавтра и после-после завтра, — фыркнул пес и с тяжелым вздохом улегся.

А после еще и морду лапами закрыл, паразит.

И что самое главное, происходило всё это в кристальной тишине. Никто. Абсолютно никто не произнес ни слова.

Бьют их здесь что ли?!

— Кто ты, представься, — разнесся по музыкальной комнате высокий надменный голос.

Вскинув взгляд, я увидела стоящую в дверях златокосую леди. Она сама и ее платье, сшитое по всем канонам нашей страны, резко диссонировали с внешностью и одеждой остальных невест. Хм, так я тут не одна такая «не такая, как все».

— А ты? — вопросом на вопрос ответила я, не спеша, Впрочем, подниматься на ноги.

Она может и не невеста вовсе — вон как из общего ряда выбивается.

— Прошу простить мне мою рассеянность, — она красиво повела рукой, как бы охватывая всю музыкальную гостиную, — я леди Лилиана Морей, младшая дочь герцога Морей.

Хах, отец ненавидел Мореев — их служащие мнили себя пупами земли и постоянно срывали поставки продовольствия.

Но встать все же придется, иначе именно я буду выглядеть как поганка с самомнением.

— Я — леди Вильгельмина Фоули-Штоттен, старшая дочь барона Фоули-Штоттен.

— Окраинного барона, — уточнила леди Морей, — полагаю, вы получили диплом заранее. Вижу, что ваш дар... Необыкновенен.

Она кивнула на Журжика, скользнула взглядом по Гамильтону и, не обратив и крохи своего внимания на Тину и Марона, снисходительно бросила:

— Приятное мимолетное знакомство, леди Фоули-Штоттен.

Она заняла свое место и музыкальная гостиная взорвалась едва слышимым шепотком. Обсуждали все — мое появление, Гамильтона и Журжика. И, конечно, мое платье.

— Так вот ты какая, будущая супруга Правителя, — глубокомысленно произнесла я. — Морей. Не лучший, но понятный выбор.

На этом мой интерес к происходящему угас. Но герцогская дочь не успокоилась и, стерпев очередные певческие потуги, она, повернувшись в нашу сторону, громко спросила:

— А вы музицируете, леди Фоули-Штоттен? Мы уже которую неделю коротаем время за нехитрыми развлечениями и я, признаюсь, порядком подустала.

Осознав, что Лилиана Морей присматривает себе придворных дам, я криво улыбнулась и слегка соврала:

— Я не самый умелый игрок на рояле, а уж голос... Предпочту слушать, а не людей пугать.

— Я тоже предпочитаю слушать, — неприятно улыбнулась Лилиана. — Но раз вы не хотите петь, так сыграйте же!

Это звучало как приказ. Я ненавижу приказы. С того момента, как мать притащила в дом этого ублюдка и приказала выказывать ему почтение.

Гамильтон заинтересованно выпрямился, а я, оправив юбку, грациозно поднялась и, вытащив на свет свою лучшую улыбку, с хрипотцей произнесла:

— Как прикажете, леди Лилиана Морей.

3.4

Вы хотите музыку? Вы получите музыку.

Мой тяжелый, ядовитый дар закручивался вокруг меня и шлейфом стелился позади. Сейчас я могла чувствовать чужой страх. И чужую злость. Они не понимали, почему эта странная девица выглядит столь пугающе.

Сев перед роялем я сразу уложила кисти на прохладные клавиши. Мне не нужно вспоминать ноты, мне не нужно разминать пальцы. Этот звук несется над окраинными городами и деревнями слишком часто. До боли часто.

Вступление как удар. Удар с тяжелым, звучным эхом. Не забывать про педали, что углубляют звук.

Эта композиция знакома всем и каждому, но вряд ли марш мертвых когда-либо звучал в этой нежно-зефирной гостиной.

Дар кипит, ярится вместе со мной.

Зря это делаю. Прошло десять лет, но скорбь все еще сильна. Все еще не затянулась рана нежданного предательства. Все еще... Болит. Так сильно, что тяжело дышать и на ресницах повисают слезы.

Последний удар и тишина.

Они, ошеломленные, не смеют даже вздохнуть. Им бы хоть секунду, чтобы сообразить, чтобы напасть, но я быстрее!

— Вторая неделя последнего зимнего месяца выдалась особенно богатой на марш Иовин Таурмар, — низким, надорванным голосом произнесла я, не поворачиваясь к аудитории. — Герцог Морей поставил личную выгоду выше договорных обязательств и корабли с провиантом пошли к острову Цветов. Окраина ничего не забыла, леди Лилиана Морей.

И я с такой силой ударила по клавишам, что рухнула высокая рояльная крышка.

— Наслаждайтесь, — я поднялась на ноги, — и знайте, что герцог Морей убил больше четырех тысяч человек, среди которых был и последний мастер ледяной окраинной стали. Весь дополнительный паек мастер Дейтор отдавал сиротам. Они, впрочем, тоже не выжили.

Резко развернувшись, я, чеканя шаг, покинула музыкальную гостиную. Кажется, развлечения на сегодня окончились.

В коридоре я наткнулась на высокую, степенную даму. Мелкая сеточка морщин в уголках губ выдавала ее почтенный возраст, а значит,

она не могла быть в числе невест. Она что-то пыталась мне сказать, но я просто взяла ее за талию, приподняла и переставила в сторону. Спасибо магии, я могу подвинуть не только высушенную селедку, но и более серьезные препятствия.

Я не бежала. Пусть сердце кололо иглами, а воздух с трудом удавалось протолкнуть сквозь пересохшее горло... Я не бежала. Я шла в свои покои так, будто нет ничего и никого, кто бы мог поколебать мое спокойствие.

А после... Тина и Марон усадили меня в глубокое кресло, откуда-то появилась огромная кружка с горячим шоколадом и пузатая банка с печеньем.

Меня отпустило. Я поставила кружку на пол и Гамильтон немедленно приступил к дегустации.

— Это было сильно, — негромко сказал Марон.

— Это была пощечина, — усмехнулась Тина.

— Я наследую отцу, — хмуро произнесла я. — Миледи Фоули-Штоттен соизволила повторно забеременеть только от своего нового ухажера. Они надеются прибрать баронство. Дураки. Ни в ком из них нет крови Фоули.

— А Штоттен? У вас ведь двойная фамилия?

— Десять поколений назад не было баронства Фоули-Штоттен, — я улыбнулась, вспоминая семейную историю, — а были две семьи. В одной из стычек дева из рода Штоттен встретила наследника Фоули. Они возненавидели друг друга с первого взгляда. Но шли года и, когда деву Штоттен уже хотели объявить старой девой и отправить в монастырь... О, мой далекий предок был в гневе! Он по бревнышку раскатал ту церковь и похитил мою далекую прабабку. А она, назло своим дальним родственникам, просила Правителя объединить земли. Так маг и колдунья стали бароном и баронессой Фоули-Штоттен. А благодаря их внучке во главе баронства может встать и женщина.

Тут я вздохнула и честно добавила:

— Если докажет, что ее дар силен и стабилен. Вот в поисках этой стабильности я и пришла в столицу. На самом деле там, дома, у меня был хороший наставник. Он позволял мне жить у себя, потому что в замке было жить невозможно.

— Невозможно, — подтвердил Гамильтон и сел, — я был призван, чтобы защитить маленькую леди. Но даже я не мог справиться.

— Я, по глупости, дала клятву не вредить любовнику миледи Фоули-Штоттен. Дай сюда морду, она же вся шоколадная!

— Это потому что я тот еще сладкий пряничек, — оскалился пес, передразнивая сюсюканье одной из придворных дам, что столкнулась с ним на том самом Весеннем балу.

— Кстати о пряничках, — я вздрогнула, — Журжика кто-нибудь забрал из музыкальной гостиной?

3.5

Марон посмотрел на Гамильтона, Гамильтон на Марона, а после оба уставились куда-то за окно. Понятно.

— Зачем вы вообще его брали? — с изрядной долей раздражения спросила я.

— Ты не пахнешь ни порохом, ни лососевым паштетом, ни кровью, — перечислил Гамильтон, — как еще мы должны были тебя найти?! Лучше скажи, зачем двери сломала?

— Вариант, что не я — не вариант? — прищурилась я.

— Пф-ф-ф, — фыркнул пес и я сдалась.

— К сожалению, это действительно мы с Тиной.

— С каких пор ты сожалеешь о своих проделках? — удивился Марон.

— С таких, когда это не моя проделка, а чужая. Мы только коснулись дверей, а они разлетелись, — проворчала я. — Противно быть частью чужой шутки.

— Ну, — Тина развела руками, — любишь шутить, люби и смеяться.

— Ха-ха. Только вот по-моему, все это готовилось для Морей. О нас никто не знал и если бы не мы, то именно она бы появилась с такой помпой.

— Или она и хотела появиться с помпой, — разумно предположил Марон.

— Да, от Мореев всего можно ожидать, — согласилась я.

— Может в парк? Что угодно, лишь бы не киснуть в четырех стенах, — Тина поежилась, — мне дурно от всего этого бело-розового великолепия.

— Скажи спасибо, что они наляпали сверху позолоту, — фыркнула я и открыла портал, — может, на рынок? У меня осталась мелочь. Хватит на сосиски в хрустящем тесте.

— М-м-м, это те, которые в кипящем масле жарят? — облизнулся Гамильтон, — насаживают на тонкую палочку, после макают в жидкое тесто и затем опускают в масло? На рынок, срочно на рынок.

— Надеюсь, это наш, столичный рынок? — опасливо уточнила Тина.

— Наш-наш, — проворчала я и подпихнула Гамильтона под толстую жопку, — давай, любитель странного.

Уже на той стороне пес недоуменно спросил:

— Почему странного? Это же не я в роскошном, почти бальном платье на рынок вышел.

Вздернув бровь, я призвала синий шелковый платок и укуталась в него, прикрыв голые плечи и богато украшенный лиф.

— Я — обычная леди в хорошем, дорогом наряде. А ты странный, потому что то ты требуешь изысканных яств, а то воруешь последнюю сосиску в тесте.

— Инстинкт охотника, — небрежно бросил пес. — Я, все же, воин и мужчина, а не какая-то так мелкотравчатая шавка.

А после, когда мы отоварились, он потребовал сервировать ему вон тот плоский камень. Преобразовать салфетку, с узорными краями, но без кружева. И чисто белую тарелку, круглую.

— Она недостаточно круглая, — ворчал пес, глядя на мое творение.

— Не нравится? Переделай, — отрезала я.

И вцепилась зубами в сосиску. Без тарелки и без кружевной салфетки. Иногда мне кажется, что леди из нас двоих совсем не я.

«Это только кажется», утешила я себя и почистила лицо и рот заклинанием.

На рынке мы развлекались до позднего вечера — смотрели огненное шоу, играли в дартс и даже выиграли небольшой волшебный шарик. Он парил над головой хозяина и цветом выражал эмоции. Привязкой служило кольцо, которые мы передавали друг другу. Шарик выдавал неизменный золотистый цвет — покой и умиротворение.

— Как возвращаться-то не хочется, — вздохнула вдруг Тина. — Тяжелая там аура.

— Ну, юные леди готовятся убивать других юных леди, — Гамильтон плюхнулся в пыль и почесал ухо задней лапой, — это не может не менять атмосферу.

— Единственное, чего я не понимаю — зачем там я. Они, по-моему, прекрасно себя чувствуют.

— Тем более, что главная тараканиха уже выявлена, — хмыкнул Марон. — Ладно, что уж оттягивать, открывай портал. Пора на работу.

— На работу? — хихикнула я.

— Ну, деньги тебе уже заплатили, — улыбнулся он, — и обещают премиальные в виде дорогих украшений.

— Что ж, на работу так на работу, — я размяла кисти и открыла портал.

— И?

— Кажется, — я виновато потерла нос, — у меня опять оно.

— Магическое бессилие?! — Тина прижала ладони к щекам, — как же мы теперь вернемся?

— Марон зачар...

— Нет! — в два голоса выкрикнули друзья, а после Тина жалобно добавила:

— Я не хочу опять на болото.

— Тогда пойдем пешком, — я была настроена оптимистично, — и посмотрим, что там за заклетья на дворцовой ограде!

Ну а что? К своим приступам я давно привыкла. Оно и хорошо, что дар уснул сейчас — не опозорюсь на замере сил.

3.6

— Нам бы хоть извозчика нанять, — вздохнула Тина. — Но мой «гулятельный» кошелек показал подкладку на последней чашке сливочного кофе.

— У меня четыре медные монеты, — жизнерадостно сказал Марон, — хватит на четыре чашки ромашкового чая. Будем идти и пить.

— Да? — скептически уточнил Гамильтон, — тогда я поеду на твоих плечах, умник.

— А едь, — ничуть не смутился парень, — вес тебе только уменьшу, а то твой зад слишком тяжел для простого мага.

— Я тебе знаешь что уменьшу? — завелся Гамильтон, не терпевший намеков на излишнее количество складок на шкуре.

Так, склочничая и подкалывая друг друга мы прошли часть пути. И тут я увидела их...

— Нет, — выдохнул Марон. — Нет-нет-нет.

— Ну конечно нет, — я небрежно облокотилась на низкую каменную ограду за которой стояли прекрасные пегасы. — У нас и денег нет, да и смысла в этом нет — пегасы летают низко и защитную стену вокруг дворцового комплекса преодолеть не смогут. У всех свой уровень, Марон.

Друг побледнел и прижал к губам пальцы, собранные в щепоть. Хм, просит милости у богов? Это он зря, боги обладают своеобразным чувством юмора.

— Уровень пегаса — карета, цепляющая колесами крыши, — покивал Гамильтон и зевнул, — не даром же сейчас пытаются их запретить. Урон от них ого-го, а пользы-то и нет почти.

— Потому что надо вернуть их туда, откуда взяли, — поддакнула я.

После того занимательного полета, мы с Гамильтоном слегка освежили свои познания в зоомагии и пожалели, что так часто прогуливали. То есть, пропускали бессмысленные занятия по уважительной причине.

Тихий шелест и надо мной навис огромный ало-глазый крылатый конь.

— Ну что ты, хороший, — я смело положила ладонь ему на мощную шею, — обиделся? Ну прости, сказала то, что думала. Я постараюсь так больше не делать. Идемте, отдохнули и хватит. Бедные ходят пешком.

Пегас же, насмешливо фыркнув, коснулся бархатистыми губами моей щеки. И я вдруг устыдилась. Он ведь не виноват, что закон вот-вот будет принят и пегасов выкинут в их умирающий мир. И так же он не виноват в том, что я опять нарушила правила и покинула дворец.

— Прости, — я смело погладила его по узкой, щучьей морде. — Я знаю, что ты можешь летать в небесах. Просто хотела обмануть тебя и заставить отнести нас ко дворцу. Я крылатая невеста и сбежала в город, представляешь? А теперь не могу вернуться обратно.

Пегас недоуменно заржал и попытался заглянуть мне за спину, я же, засмеявшись, объяснила:

— Это от того, что наш Правитель ведет свой род от последнего дракона. И, чисто теоретически, у него могут появиться крылья. Поэтому его невест зовут крылатыми. Согласна, это странно. На деле его бы надо называть крылатым женихом, но... Меня никто не спрашивал.

Пегас вскинул морду к небесам и тихонечко заржал. Тут же вокруг нас собралось еще несколько крылатых коней.

— Мы умрем? — слабым, обреченным голосом спросил Марон.

— Я знала, что так будет. Я знала, что так будет! — на грани истерики выпалила Тина.

— Ты позволишь сесть тебе на спину? — с восторгом спросила я. — Никто и никогда не садился на пегаса верхом!

«Потому что им страшно», он передал мне свою мысль. «Потому что кареты и ландо полны чуждой нам магии и, если мы их уроним, то люди останутся целы. А если я сброшу тебя со спины, то ты умрешь. Хочешь лететь?»

— Он говорит, что пегасы не хотели таскать кареты, — произнесла я, зачарованно глядя в глаза крылатому, — но магам страшно и они предпочли создать кареты, чья магия мешает конячкам летать.

— А почему магам страшно? — осторожно уточнила Тина.

— Если они сбросят нас, то мы разобьемся насмерть, — с улыбкой ответила я. — Он спрашивает, летим ли мы?

Друзья замаялись, переглянулись и взяли паузу. Про себя я уже все знала — лечу. Оказаться в небе, подняться к облакам — что может быть лучше? А разбиться... Не страшно, Гамильтон спасет. Уже спасал, а там было сложнее.

— Летим, — решительно ответили мои нерешительные друзья.

Признаюсь, я кричала от восторга. Моя шаль размоталась и летела позади нас — она зацепилась за украшение на платье. Волосы выбились из косы, но...

Это было упоительно. Как можно променять такой полет на унылую тряску в ландо?!

«Зови, крылатая, если мы будем здесь — придем», фыркнул пегас и стрелой взмыл в небо.

— Как жаль, что у нашей семьи нет политического веса, — с тоской произнесла Тина. — Их мир распадается, магия покинула его. Кому надо избавиться от пегасов?

— Не знаю, — я с тоской посмотрела в темное небо, — но уверена — не обошлось без золота. Плюс они разумны и своенравны.

— И первым ударом было то, что с пегасами запретили заключать договор компаньонства, — рыкнул Гамильтон.

— Так давайте же сделаем для них что-нибудь хорошее? — загорелась я.

— Тебе не жаль конячек?! Им и так досталось, — возмутилась Тина. — И они молодцы, посадили нас на крышу дворца невест. Осталось только как-то попасть внутрь и все.

— Или остаться здесь до утра и соврать, что нас тут просто забыли, — добавил Марон.

Мы обследовали резную крышу и нашли только одно — спуск на балкон все той же многострадальной музыкальной гостиной. Вот только балконная дверь была закрыта!

— Ну так откройте, — возмутилась я, глядя на друзей, — вы же маги!

— Но не взломщики, — обиделся Марон.

— Да там простое заклятье, — фыркнула я. — Давай я объясню.

— Журжик, — вспомнил вдруг Гамильтон, — умеет выполнять приказы и, к тому же, прыгуч и ловок, как живая крыса.

Прежде чем я успела возразить, мой компаньон плюхнул толстый зад на мрамор, вскинул брылястую морду к небесам и завыл. А его вой... Так бесы в Подземье орут — страшно, громко и противно-пронзительно.

Темный парк начал отражать яркие огни — невесты проснулись и спешили узнать, что за напасть приключилась среди ночи.

— Я позвал его, — довольно облизнулся Гамильтон, — скоро прискачет.

— Иногда мне хочется поддаться искушению и сказать: «Я не с ними», — с ноткой тоски произнес Марон и добавил, — но я всегда давлю в себе это недостойное чувство.

3.7

— Да ладно, — отмахнулась Тина, — все мы немного неидеальны.

— Я бы попросил не обобщать, — холодно произнес Гамильтон. — Но все *вы* да, бесспорно, неидеальны.

Где-то в глубине дворца раздался дикий истеричный визг.

— А может мы туда не хотим? — неуверенно спросила Тина. — Может, там что-то страшное? Пусть грызет тех, у кого есть деньги на хорошего целителя?

Потерев переносицу, я рассудительно произнесла:

— Дворец полон нежных девиц в состоянии легкого умственного помрачения. Мы же ради этого здесь присутствуем — чтобы они могли сравнивать себя со мной и радоваться. И...

Тут я замялась, не зная как сказать, что продолжала экспериментировать над Журжиком. Ну а что такого?! Он не живой, ему не больно! А подселенная в него слабенькая псевдосущность вообще за любой движ!

— Оно пришло, — севшим голосом произнес Марон.

Музыкальная гостиная наполнилась призрачным светом, исходящим от моего летящего по воздуху крыса. Тот активно перебирал лапами так, будто плыл. Точнее, он и плыл по воздуху — крылья ему дать не удалось.

— Нас сожгут, — мрачно произнесла Тина, когда Журжик отодвинул защелку и мы ввалились в музыкальную гостиную. — Вот просто возьмут и сожгут.

— С расцветом магических наук одаренных людей перестали жечь, — возразила я и перехватила плавающего вокруг меня крыса.

Несколько поглаживаний по пузику и мое творение засыпает.

— Смотрите, а они уже все исправили, — хмыкнул Марон.

В эту же секунду распаивается починенная дверь и в гостиную вваливается истинное чудовище! Оно было длинным, костлявым, с лица стекала пузырящаяся пена, а смрад, распространяемый им был...

Был похож на запах пузырьковой глиняной маски. А еще монстр был одет в длинную белую ночнушку.

— Кто вы и что здесь делаете?!

— Я одна из крылатых невест, Вильгельмина Фоули-Штоттен. Услышала, что кто-то кричит и решила войти в гостиную, чтобы притаится и посмотреть. Если во дворец проник монстр, то я могла бы

атаковать его со спины. А если это просто чужая глупость... Что ж, в этом я участвовать не хочу. А вы... простите, я не узнаю вас, ну, в маске.

— А я та, кого вы столь любезно подвинули со своего пути, — фыркнул монстр. — Распорядительница крылатого отбора. Вы знаете, что из-за наличия в вашей свите мужчины, вам придется проходить процедуру проверки невинности еженедельно?

— Нет, — я потеряла кончик носа, — но меня это не волнует. Хоть каждый день, там делов на пол минуты — одно заклятье и все.

— О, вы даже не возражаете против магической проверки? — удивилась распорядительница отбора и ее маска сразу как-то одобрительно пузырькнулась.

— Ну, это всяко и проще и быстрее, чем любые другие варианты, — я удивилась еще больше.

— Идите спать, — усмехнулась распорядительница отбора. — И лучше бы вам все же спросить мое имя, поскольку нигде в документах и правилах вы его найти не сможете.

Смутившись, я вежливо уточнила, могу ли я узнать ее имя.

— Таймира Илзерран, последняя драконья жрица, — она повернулась к выходу, а после, остановившись в дверях, не оборачиваясь проронила, — забавная химера.

— Спасибо, — улыбнулась я и присела в глубоком реверансе, — очень приятно.

— Мина, — простонал Марон.

— Что еще я могла сказать? — возмутилась я, — извините?

— Давайте спать уже, — зевнула Тина. — Есть у меня желание посидеть в четырех стенах. А то день больно долгий. А где Гамильтон?

— Здесь, — раздалось из-под рояля, — она не соврала. И правда жрица. Надо нам как-то нашу привязку прятать, Вилли. Иначе поедем на болота чихран собирать.

Я вздрогнула и помотала головой. Сгнить на болотах нашей необъятной мне не хочется от слова совсем! Спасибо, конечно, что женщин не отправляют в каменоломни, но...

Ничего, до утра что-нибудь придумаю!

Глава 4

До утра я успела только измотать себе нервы и таки приделать Журжику стрекозиные крылья. Увы, пришлось отойти от своих правил и все же использовать живую материю. Стрекоза могла бы быть против, но она и так умирала — кто-то раздавил бедняжку.

— Оно теперь летает, — вздохнула Тина.

— Смени ему цвет, — посоветовал Марон и допил чай, — иначе невесты не только драконья жрица будет знать о том, что именно ты устроила ночной переполох.

Я только плечами пожала:

— Ну и что? Никто не умер. Мне больше интересно, как чихран продавать мимо государственных скупок?

— Чихран запрещен к свободной торговле, — напомнила Тина. — Это растение слишком опасно. А его сок разъедает кожу!

— За незаконный сбыт чихрана мужчин отправляют в каменоломни, а женщин на болота, собирать все тот же чихран, — задумчиво проговорил Гамильтон, — хм, мы может открыть бизнес. Насобирала, продала, подставилась. Насобирала, продала, подставилась.

— Умерла, — мрачно добавила я.

— Умерла богатой, — поправил меня Гамильтон.

— Золото и драгоценности в могилу не заберешь, — огрызнулась я.

Посмотрев на нас, друзья поняли — мы ни до чего не додумались.

— А что вообще может скрыть привязку? И почему она прошла именно так? — тихо спросила Тина. — Что вы нарушили?

— Я умирала. Не было ни ритуальных мелков, ни растительно-магических красок. У меня была только моя сила, ушедшая на самое дно души и моя же кровь, которой было залито все, вокруг меня. Вот кровью то я и начертила круг призыва.

— Но ведь...

Марон не договорил, я его перебила:

— Да, на кровь могут прийти темные твари, живущие в мертвых мирах-сателлитах. Но пришел Гамильтон, который...

— Чует кровь, порох и лососинный паштет, — шепотом проговорила Тина.

— Именно. Он спас меня.

Я коснулась головы своего компаньона.

— Но я подвергла опасности нашу границу. И цвет моей печати — алый. Как ни перекрашивай, настоящий цвет вылезает наружу.

В комнате повисла тишина. Я лениво пила невкусный чай и по кусочку отщипывала от сдобной булочки.

— А если Гамильтон уже был рядом с тобой? — спросила вдруг Тина.

— Да говорю же...

— А ты не говори, — перебила меня подруга. — Что если это он выпал к тебе, умирающим? И ты умирала, и он. И ты использовала свою кровь, чтобы создать самую сильную из возможных привязок, чтобы твой компаньон мог зачерпнуть твою магию и исцелить себя?

— Если потребуют показать, как я впитываю магию Вилли, то...

Тут Гамильтон осекся и продолжил уже совсем другим тоном:

— То это даже пойдет на пользу нашему вранью. Всем известно, что от передозировки чуждой энергии компаньоны могут умереть. А я, будучи на грани жизни и смерти, взял столько сил у Вилли, что теперь мой организм не способен принять и грана людской магии.

Я прикусила губу и медленно кивнула. Вранье может сработать. Гамильтон стремительно линяет, как только пытается ухватить крошку моего ядовитого дара. Иногда мне кажется, что с помощью моей силы можно плавить металл. Или, что скорее, растворять его напрочь!

— Мне только одно непонятно, — тихо сказал Марон, — почему ты умирала?

Гамильтон вздрогнул и засуетился, притворяясь, что блоха кусает его за самое мягкое и объемное место. А после... Я не ответила, а Марон не повторил вопрос.

Потом мы еще целый час повторяли эту историю. Да так, чтобы у Тины получалось:

— Ой, да там ерунда получилась. Мина рухнула с крепостной стены, а Гамильтон в очередной раз воевал. Вот и встретились два одиночества.

Марон же предпочел более нудную фразу:

— Вы же знаете о том, как пегасы оказались в нашем мире? Никто их не призывал, они прошли сквозь разрыв. Что интересно, разрыв из чистого мира-сателлита может произойти где угодно, хотя бы даже и на дворцовой кухне! Вот и Гамильтон вышел у подножия крепостной стены замка Фоули-Штоттен. Он был ранен, и думал, что это его личный портал на тот свет!

Гамильтон решил сослаться на то, что он не обязан общаться с людьми. А я предпочла коснуться духовно-кровной связи, которая раньше была весьма и весьма распространена. Мол, жизнь за жизнь, кровь за

кровь. Гамильтон останется в этом мире ровно столько, сколько я проживу. И, если меня убьют, то он сможет задержаться ровно на то время, что ему понадобится для кровавой и безжалостной мести.

— Пришло время выбирать новое платье, — Тина хлопнула в ладоши, — насколько я помню, с сегодняшнего дня мы начинаем активно ждать прибытия Правителя и начала отборной гонки!

4.2

— Знаете, — опасливо произнес Марон, — я все же предлагаю ждать Правителя не слишком активно. А то мало ли что... Безвластие не идет на пользу ни стране, ни народу. Так что вы тут спокойно и неспешно готовьтесь, а я пойду посмотрю, послушаю.

Друг легко одернул одежду и та покорно сменила цвета. Теперь его будет трудно отличить от прислуги, но при этом никто не сможет сказать, что он украл их форму. Вам просто показалось, понимаете?

Когда-то давно мы так поступали на практике. Нас расквартировали в доме мелкого дворянчика и ему очень уж хотелось чего-нибудь эдакого с магически одаренной девицей. Так он нас за весь месяц от прислуги отличить и не смог. Хотя там не только наша заслуга, но есть и красного крепленого вклад.

— Зеленое с золотом или сиреневое с серебром? — задалась вопросом Тина.

— Зеленое, оно легче.

— Ага, значит сиреневое, — кивнула сама себе подруга и тут же, в ответ на мое легкое, но вредное проклятье, пояснила, — легкое платье оставь для испытаний. Никто, знаешь ли, не скажет заранее, что и как с вами будут делать.

— Тут ты права, — кивнула я. — Одно дело проиграть на своих условиях, а другое опозориться из-за неудобного платья.

Сегодня я заплела волосы в пару десятков тонких косичек из которых собрала одну вычурную косу. Спасибо Делии, практически у каждого платья в комплекте шли ленты для волос.

— Ничего не видно, ничего не слышно — коридор опутан заклятьями тишины разной степени мастерства, — это Марон прислал голосового посланника. — Исследую дворец дальше. Ох, этого я видеть не хотел.

Нам с Тиной немедленно захотелось узнать, что же там такое, но, увы, моя подруга не умела посылать голос.

А мой дар только-только начал просыпаться. Если заняться очеловечиванием магии, то мой дар ворочался, посылал всех к бесам и просил «ну еще пять минуточек».

— Что-то происходит, — встрепенулся вдруг Гамильтон. — Кто-то стучит по все двери.

Тина, забывшая про него вздрогнула, а я только сощурилась. Послание невестам?

«Главное, чтобы не прямой посыл. Будет забавно, если мы будем первыми невестами, от которых отказался Правитель», пронеслось у меня в голове.

Я ведь только недавно вспомнила, что обычно отбор невест затевает сам Правитель, а в нашем случае это была идея Совета Крылатых. Так себе воплощенная, кстати. Никакой интриги, одна Лилиана Морей и массовка.

Оправив платье, я выбралась из спальни в гостиную, где и увидела, как распахивается дверь и в нее буквально впихивают бледную и дрожащую девицу. Стук пошел дальше.

— Вас там много, что ли? — недоуменно спросила я.

— Д-да, — пролепетала девчонка. — Я воспитанница монастыря Божьих Сестер и прибыла поговорить с вами о наших Богах.

Я чуть не села, а Гамильтон фыркнул:

— Я помню других сестер. Они несли в руках корзины с бинтами и зельями, переступали через трупы, чтобы добраться до раненных. И да, до богов им дела не было.

— Да, — я не сдержала гордой улыбки, — наш монастырь всем монастырям монастырь. А от слов... В чем прок твоих слов, сестра?

— Я не знаю.

— Никто не знает, — я открыла ей дверь, — спасибо, что нашли для меня время.

Захлопнув дверь, я стоически проигнорировала сердитый взгляд Тины. Но подруга решила не довольствоваться малым и попыталась меня вразумить:

— Она же подневольный человек!

— Во-первых, оборотень, — поправила ее я, — а во-вторых, я тут тоже не свободная пташка.

Но еще мне просто было противно. Мать представила богам своего супруга до того, как вышел траур по отцу. И помогала ей в этом продажная столичная сестра. С тех пор двери нашего храма закрылись перед леди Фоули-Штоттен. Почему у нее осталась прежняя фамилия? О, потому что она вовремя передумала и не довела церемонию до конца. А то бы пришлось из обжитого замка съезжать в старый дом.

— В любом случае, мое поведение можно списать на мое же задание, — я поправила косу, — быть хуже всех.

Подмигнув Тине, я вышла из гостиной и решительно направилась в сторону широкой мраморной террасы.

— Ты не туда свернула, — со мной рядом трусил Гамильтон.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Когда твоя магия засыпает, я чувствую тебя так, как и положено чувствовать настоящему компаньону, — напомнил пес.

А я только вздохнула, понимая, что ему со мной нелегко.

Гамильтон вывел меня к террасе, где...

— Вы?! Что вы здесь делаете?

4.3

Это мы выдохнули в унисон, но мне еще было что сказать:

— Как вам удалось так быстро вернуться из Иль-доратана?!

— Да уж не вашими стараниями, — усмехнулся мужчина. — Мне больше интересно, чем вы здесь занимаетесь.

— Уж прошу простить, — сощурилась я, — но вас это никоим образом не касается.

— Очень даже касается, — он уже не усмехался, а откровенно смеялся, — должен же я как-то подстраховаться!

— От чего?

— Вы, юная леди, совсем политикой не интересуетесь, да? Точнее, не интересуетесь внешностью политиков?

Я независимо пожала плечами:

— У нас дома целая портретная галерея, посвященная семье Правителя. Там есть портрет прежнего главы государства и нынешнего. Рисовал наш лучший художник.

«Лучший, потому что единственный», добавила я про себя и поспешила продолжить:

— Правда, миниатюры были подпорчены, но к ним прилагалось словесное описание.

Мужчина заливисто расхохотался:

— Словесное?!

Гамильтон вел себя подозрительно тихо, но... Я никак не могла отвлечься от разговора этим знакомым незнакомцем.

— Я не клоун, — сощурилась я и зажгла на пальцах искристые огоньки, — могу проклясть, да с условием.

— С условием это серьезно, — он успокоился, — позвольте представится — Кристоф Ландеберт Рентийский, Правитель Азайи. Или, как вы любезно отметили, полу-правитель.

Ой.

— А вы, я так понимаю, злопамятный, — нервно улыбнулась я и убрала руки за спину.

— Нет, но должность не позволяет забывать неосторожные слова, — он прищурился, — как туфельки, удобные были?

— Очень и до сих пор не стали тряпочками, — я решила, что мне необходимо сказать ему что-то хорошее, чтобы перебить все плохое, — вы

на удивление очень сильны.

— Мина, — тяжело вздохнул Гамильтон.

Да что б меня!

— Я имела ввиду, что наука преобразований это очень сложный раздел магии, — попыталась вывернуться я. — И это огромное достижение, когда человек может извратить законы природы так надолго, как это сделали вы.

Правитель посмотрел на Гамильтона с искренним сочувствием, а после спокойно сказал:

— Да, я неплохо образован. На удивление, мне удалось покорить этот весьма сложный раздел магии.

Кажется, я умудрилась предположить, что он глуп. Нет, не может быть, я такого не говорила. Ведь не говорила же?!

Глубокий вдох, медленный выдох. Сейчас я все объясню...

Нет, иногда глубокий реверанс и почтительное: «Могу ли я быть свободна?» лучше тысячи слов.

— Можете, — он хмыкнул, — все равно мы увидимся уже через десять минут. Кстати, почему вы так быстро закончили?

— Боюсь, что я... Что...

— Леди Фоули-Штоттен, как вы посмели... Ваше Крылатое Величество, — драконья жрица, вылетевшая на террасу, тут же потеряла весь пыл и присела в глубоком реверансе.

— Леди Илзерран, — тепло улыбнулся Правитель, — моя просьба стать частью отбора причиняет вам вред?

— И боль, — жрица медленно выпрямилась, — и зубы крошатся от тщательно сдерживаемой ярости. Но звонкое золото, которым вы щедро платите, превращает невыносимое во вполне себе сносное. Леди Фоули-Штоттен, зайдите ко мне после церемонии представления Правителю.

— Да, миледи, — кротко произнесла я и сдержанно улыбнулась.

На что жрица восхищенно присвистнула:

— А вы не можете быть такой весь отбор? Идите, идите.

И мы с Гамильтоном чинно, но очень, очень быстро покинули террасу.

— Надо повторить легенду, — выдохнула я, — у меня от шока все из головы вылетело. Но как же он не похож на свой портрет! Там такой красавчик...

— А тут? — с интересом спросил Гамильтон и нервно покосился в сторону узорчатых дверей, ведущих на террасу.

— Привлекательный, но обыденный мужчина, — я пожала плечами.

Хотя стоит признать, что темные густые волосы, волевое лицо и глубокий взгляд зеленых глаз не могут не привлечь.

«Ты — чудовище, а не крылатая невеста», напомнила я себе.

И начала повторять про себя придуманную легенду. Ведь, помимо всего прочего, никто не должен догадаться, что я была на грани жизни и смерти.

— К тебе вернулась сила или ты опять взяла из браслета? — засопел вдруг Гамильтон.

— Я бы не называла черный шнурок с тремя кристаллами браслетом, — уклончиво отозвалась я. — Тем более, что он у меня на ноге.

Пес душераздирающе вздохнул и ускорил шаг, позволив мне любоваться на свой толстый зад.

Я тоже себя корила за пустую растрату драгоценных капель нейтральной силы, но... Даже вернувшись назад во времени, я бы, скорее всего, поступила так же.

Ведь, как выяснилось, мне уже дважды довелось встретиться с нашим Правителем! Один раз я обозвала его нехорошим прозвищем, которое бродит в народе. А второй и вовсе выкинула в Иль-доратан! А еще он сотворил для меня туфли, которые до сих не стали тряпочками. И он... Он волновал меня.

Нет-нет, не как мужчина. Я еще помню то дурацкое истерично-безумное чувство, что заставляло меня едва ли не преследовать того пятикурсника. Стараясь обратить на себя его внимание, я, возможно, немного перегнула палку. Но в любом случае, кто бы что ни говорил, а моей вины в его заикании нет!

В комнате я коротко обрисовала друзьям сложившуюся ситуацию и... Они не удивились?!

— Ты прости, конечно, — Тина улыбнулась и развела руками, — но чего ты хотела?

Марон согласно кивнул и добавил:

— У тебя вообще история знакомства с семьей Рентийских так себе.

— Во-первых, с экс-Правителем я не знакома, — запротестовала я.

— Но познакомишься, — Тина хихикнула, — будь, на всякий случай, вежлива со стариками. А то мало ли!

— Но-но, я уважаю чужие седины, — я погрозила подруге пальцем.

И вздрогнула от требовательного стука в дверь:

— Леди Фоули-Штоттен, на выход!

— С вещами? — с интересом спросила я, но никто не ответил.

— Если что, ври, что деньги уже потрачены, — прошипела мне в спину Тина.

— Да-да, — поддакнул Марон, — трясись платьями и говори, что еще должна осталась!

Поперхнувшись смешком, я выскочила за дверь. Бояться встречи с Правителем глупо — сразу ничего не случилось, значит уже и не случится.

И все бы ничего, если б леди Илзерран не поставила меня рядышком с той тщедушной сестричкой.

— Посмотрите направо. С сего дня и до самого конца вашего пребывания на отборе, — с невыносимым пафосом произнесла драконья жрица, — именно эти глаза с сочувствием и добросердечием будут следить за вами через особые кристаллы. Именно эти достойнейшие сестры будут внимательно наблюдать за тем, чтобы вы не нарушали правил.

Затем жрица замолчала, кашлянула и уже не так пафосно оповестила нас, что единственные места, где мы остаемся наедине с собой — ванный комплекс и гардеробная.

— Может не стоило хлопать дверью перед моим носом? — едко спросила милая с виду сестра.

На что я только фыркнула и одними губами ответила:

— Ты будешь сильно удивлена, сестричка.

Затем нас заставили склонить головы для благословения. И доставшаяся мне «сочувственная и добросердечная» Божья Сестра так старательно выполняла свою миссию, что выдернула у меня пару волосинок.

Интересно, если попросить Гамильтона сожрать ее туфли, он попросит сырный соус или откажется?

Скосив взгляд, я посмотрела на модные ботиночки сестрички — стопроцентная кожа, может и согласится!

4.5

Нас построили парами и, к вящему неудовольствию бесценной сестры, меня, а соответственно и ее, поставили в самый конец. Как же сияла леди Морей!

И я вдруг подумала, что надо бы присмотреться к остальным девушкам. В конце концов, Правитель у нас хоть и полу-, но не его в том вина! Надо подобрать ему жену получше, ибо я не хочу жить в стране, которую штормит под гнетом Морей.

«С другой стороны, Правитель и сам способен догадаться, что от лорда-предателя ждать можно только очередного качественного предательства?».

Лорд Морей и правда был хорош в этом. Ведь даже голод Окраины сошел ему с рук. Тут же нашлись и обстоятельства непреодолимой силы (запрещенные артефакты с острова Цветов), и важные обстоятельства (золото, ведь продовольствие на Окраину поставляется по сниженной цене), и еще куча свидетелей, что голода не было!

Последним, правда, неизвестные энтузиасты отрезали языки, и лорд Морей выступил с отрепетированной речью, где всячески поносил этих самых свидетелей. Скользкий мерзавец.

— Нанесите на лицо оттенок разумности, — прошипела Божья Сестра, — вы стоите перед Правителем!

А я, погрузившись в свои мысли, даже не заметила, что наша цепочка дурочка уже куда-то дошла.

Подняв глаза, я ахнула, обнаружив Правителя подозрительно близко.

— Надеюсь, леди Фоули-Штоттен не обижает вас, сестра Мирта?

— Юной леди необходимо больше смирения, — с подобострастием ответила сестра, — она прекрасный цветок, требующий должного ухода.

«Да уж, цветочек еще тот», читалось во взгляде лорда Рентийского.

И вдруг, тихий шорох, треск призываемого проклятья и я, вижу как мой щит срабатывает! А через секунду одна из одинаковых невест остается без юбки. Ее, правда, тут же затерли в гущу девиц, а после кто-то снял с ближайшего слуги ливрею... В общем, особого переполоха не вышло.

— Личная разработка, — невинно улыбнулась я, и стрельнула взглядом в стороне злобно молчащих невест, — щит «Возьми себе». Делаю амулеты, беру золотом.

— Леди Фоули-Штоттен! — раненной птицей взвыла сестра Мирта.

— Столичным Божьим Сестрам наценка в пятнадцать процентов, — тут же добавила я.

Правитель подавил смешок, а после на полном серьезе посоветовал мне почитать свод законом, касающийся нелицензированных артефактов.

— Я просто вкладываю в вещи частичку себя, — с немалой долей пафоса выдохнула я.

Лорд Рентийский кивнул и перешел к следующей невесте. И только от сестры Мирты я узнала, что он решил начать с конца нашей цепочки и мы были первые, к кому он подошел!

Зато удалось посмотреть, как это все должно было быть — Правитель встает перед крылатой невестой, улыбается. Та краснеет, бледнеет, оседает в реверансе, а после представляется. Правитель говорит, что очень польщен тем, что такая достойная леди согласилась принять участие в отборе невест. И так двадцать пять раз. Но меня, после всех этих раз, мучил один вопрос. А как же я?! Почему он моим присутствием не польщен?!

«С другой стороны, все были вынуждены представиться, а меня он по имени позвал», подумала я и чуть приосанилась.

После знакомства, Правитель пригласил нас в сад, где накрыты столы со сладостями. Ох, не жалеет он нас, не жалеет. Призвать пчелу и подсунуть ее к лицу конкурентки — не надоевшая обыденность, а золотая классика!

4.6

Уже в саду выяснилось, что Правитель у нас совсем не дурак. Или у него есть толковый советник, что тоже может быть. Но, в любом случае, над столами парили маго-идентификаторы. Каждая неосторожная искра магии будет отслежена, а виновница отмечена блёстками. Или не блёстками — тут уже все зависит от фантазии мага.

— От вашего поведения зависит то, с какого этапа вы уйдете и какие украшения принесете в семью, — змеей прошипела сестра Мирта.

— Я сирота, — с должным количеством скорби ответила я.

— Не может быть, — сощурилась сестра, — у вас есть мать и отчим.

— О, мы не родственники, — отмахнулась я и нацелилась на тарталетку с лососевым паштетом.

Но едва лишь я протянула руку, как из ближайших кустов раздался полный боли и страданий вздох. Надрывный, с протяжным «Ы-ы-ых», он был мне до ужаса знаком.

Ну конечно, видимо, у лососевого паштета отменное качество. Иначе Гамильтон не позволил бы себя обнаружить. Но... Что делать-то? Левитировать ему пару тарталеток? Так меня обсыплет блёстками, и ведь не докажу, что просто собаку подкарм...

Стоп. Я же — чудовище, верно?

Задорно улыбнувшись побледневшей Мирте, я взяла весь поднос и уверенно пошла к кустам. Кусты тряслись от предвкушения так, что с них начали облетать молоденькие клейкие листочки.

Через минуту я уже поставила опустевший, отполированный и блестящий поднос на место. И, как на заказ, мимо прошествовал донельзя гордый слуга с пирамидкой бокалов.

— Это белое Руарданское? — спросила я.

— Нет, миледи, — с искренним сожалением произнес молодой мужчина, — это фруктовое вино с острова Цветов.

— Нет, я такое не пью, — четко раздалось из кустов.

А после пошел такой треск, будто сквозь розы продирается лошадь.

— Мой компаньон увеличил свой размер, чтобы в полной мере насладиться тарталетками, — пояснила я удивленному слуге.

— Ты похоронила свою репутацию, — Мирта пыталась красиво слечь в обморок, но у слуги был поднос, у меня принципы, а остальные делали вид, что нас нет.

— По моему, со мной все было понятно еще на последнем Весеннем Балу, — фыркнула я.

— Так это была ты?! — с ужасом произнесла Мирта. — Но мне обещали, что я буду наставлять одну из...

— Ага, тебе сказали выбрать ту, что от всех отличается, — я тут же воспользовалась ее оговоркой, — но нас таких две.

— Тогда ты...

Бледная до синевы сестра Мирта не смогла выговорить «чудовище», а я не стала ей помогать. В конце концов, должна и я чего-нибудь вкусного попробовать. Вот, например, песочное тесто с полоской соленой карамели. Ум-м-м, невероятно!

— Мое почтение поварам, — проворчала я.

— Обязательно передам, — весело произнес Правитель, стоявший за моей спиной.

— Вы решили избавляться от невест радикально? — просипела я, пытаясь не закашляться.

Проклятая песочная вкуснятина застряла у меня в горле и ни туда, ни сюда.

Схватив у пробежавшего мимо слуги бокал с чем-то красным, я быстро его осушила и выдохнула — не скончалась.

— Одобряете Лицарийское выдержанное?

— Нет, — я пожала плечами, — просто крошки в горле застряли.

Ой.

Кажется, вино действительно выдержанное.

— Я слышал, что у семьи Фоули-Штоттен есть интересная особенность, вы не пьянеете, но даже от одного бокала теряете способность лгать, — он сощурился, — это так?

— Мы теряем понимание того, ради чего нужна ложь, — честно ответила я.

— Что вы думаете об отборе? — с интересом спросил Правитель.

— Вам действительно это интересно? Отбор — пустая трата времени. Ваша будущая супруга стоит во главе стола и очень обижается на то, что вы тратите свое время не на нее, — я кивнула на Морей, которую слегка перекосило. — Хотя я, конечно, не хочу жить в стране, которой правят Морей.

— С чего бы Морейам править моей страной? — насмешливо сощурился лорд Рентийский.

А я, отойдя на шаг и окинув его долгим оценивающим взглядом, хотела было сказать, что он и до женитьбы не очень-то справляется с

Советом Крылатых, вот только мне прямо на губы села крупная бабочка!

И как бы я ни отплевывалась, желая поделиться с миром своим ценным мнением, гадкое насекомое не отставало. Вот не пойму, в каких кустах прячется Тина?!

— Справа, — усмехнулся Правитель, — у вас прекрасные и верные друзья. Мое почтение.

Он чуть поклонился и ушел. Ушел к Лилиане Морей, а я, согнав-таки с губ бабочку, подхватила поднос с эклерами и ушла в кусты. Не думаю, что украшу этот вечер, если продолжу говорить присутствующим все, что я о них думаю. У оборотней, так-то, и спонтанные превращения случаются!

Глава 5

Утро следующего дня началось с подарка. Я, пораженная, заподозрила было, что мы все (или не все) прошли вчера первый этап отбора. Никто никого не проклял, пчелу не подослал — молодцы, леди, выдержка, наблюдательность и какое-никакое количество здравого смысла есть.

Вот только для ювелирного украшения коробка была великовата.

— Может, это мельничный жернов? — предположила Тина. — Вроде как, вы выбыли, пора в пруд.

— Вниз головой, — дополнил Марон.

— Жернов больше, — отмахнулась я и потянула за кончик рыже-коричневого банта.

Гамильтон, лежавший на кресле, встрепенулся и в один прыжок оказался рядом. Ведь внутри, на серебряном подносе, покоилась внушительнейшая горка тарталеток с лососевым паштетом!

— Это явно мне, — облизнулся пес, — лосось высшей пробы!

Нос у пса ходил ходуном, а потому я просто левитировала ему коробку и отошла в сторону. Нет, мой компаньон добр, где-то в глубине души. И даже щедр, если это касается золотых монет — он, как и все жители его мира, не очень хорошо понимает ценность монет. Но еда... Я бы никогда не заставила его выбирать — я или тарталетки с паштетом! Это при том, что однажды он рискнул ради меня жизнью.

— А если отравлено? — предположила я, глядя, как компаньон уничтожает то, что ему могло бы хватить на пару дней.

— Переварю, — он облизнулся и, вспомнив о манерах, с болью в голосе спросил, — хочешь?

А после, отрывая от сердца, левитировал мне в руки тарталетку. Маленькую, чуть перепеченую. Такую, как будто ее готовил ученик повара, а не он сам.

— Это вам на всех. Вы люди, вам много еды не требуется, — и Гамильтон, нервно дернув шкурой, поспешно отвернулся, возвращая свое внимание оставшимся вкусняшкам.

Мы с ребятами переглянулись и принялись делить эту несчастную тарталетку. И нет, на самом деле мы не хотели, но... Для Гамильтона этот поступок подвиг, а подвиги надо поощрять.

Поэтому тарталетка была поделена на четыре части — чтобы ему тоже досталась крошечка.

— Изысканно, — отметила Тина.

— Отменный вкус, — одобрил Марон.

— Рыба, — уверенно произнесла я и добавила, — удивительно приемлемо для рыбы.

— Точно, ты же не любишь рыбу, — горестно вздохнул пес и понюхал коробку, вдруг там что-то еще есть?

Но в коробке была лишь небольшая записка.

Летящим почерком Правитель желал нам всяческих благ и надеялся, что этот набор украсит нашу неделю. На коробке, оказывается, были кулинарные чары.

— Наивный человек, — хмыкнула я. — Где он видел собаку, способную растягивать вкусняхи на неделю?

— Не сравнивай, ик, меня с местными вырожденцами, — недовольно проворчал Гамильтон и ушел в спальню.

По мере передвижения он увеличивался и увеличивался в размерах, так что жалобный скрип кровати слышали все.

— Надо как-то заказать свежее белье, — вздохнула я.

— И чего это мы такие брезгливые? — поразилась Тина. — Как на практике лягушек на костре жарить и сокурсников угощать — так ты первая была.

— Так я же угощала, — фыркнула я, вспоминая то маленькое приключеньице. — Да нет, просто шерстинки колкие и прямо в кожу впиваются. Он ведь и правда воин, и шерсть соответствующая.

Друзья только переглянулись. На слово они мне не верили, а Гамильтон был слишком ленив, чтобы что-то кому-то доказывать. Но я-то точно знаю, что мой компаньон — превосходный боец. В своем, правда, неповторимом стиле. Тут уж приходится смиряться и брать что есть.

5.2

К слову о лени — не прошло и двух минут, как из спальни донесся раскатистый храп.

— Вот просто представьте, — хихикнула Тина, — что вместо артефактов-подглядок, комната была бы оснащена ушками-подслушками.

Храп на мгновение стих, мы переглянулись и захохотали в голос, когда мой компаньон, после краткой тишины, выдал особо пронзительную руладу!

— Меня не оставляет ощущение некоей подвешенности, — я выразительно потерла шею. — Правитель здесь, а мы сидим, в носу ковыряем. Дальше-то что?

— Ну, не все здесь в носу ковыряют, — Марон взмахнул тонкой пилкой для ногтей, — кто-то другое место гигиенит.

Быть ему битым подушками, но дверь распахнулась без единого стука и в проеме появилась сестра Мирта.

— Вас, кажется, подглядывать поставили, — недоуменно произнесла я, и бросила маленькую, но увесистую думочку на ковер.

— Не очень-то вас и жалуют, — будто не слыша моих слов, произнесла Божья Сестра. — Гостиная, спальня...

— Хр-р-хр уау, — протяжно отозвался сладко спящий Гамильтон.

— И две комнаты для сопровождающих, — продолжила запнувшаяся на мгновение сестра. — Как вы живете в таких условиях?

— Прекрасно живу, — я пожала плечами, — или вы ждете, что дочь барона и дочь герцога поселят в одинаковые комнаты?

— Но ведь на Отборе все равны? — она прищурилась, я разозлилась:

— Это очень, очень дешевая провокация. Дверь — там.

— Вы не хотите доказать все, что можете быть чем-то большим, чем просто...

Она развела руками, показывая, что ее словарный запас нищ и невыразителен.

— Станные, немного жестокие люди, — это я говорила о миледи проректоре и ректоре, — резонно заметили, что мне не нужно позориться. Достаточно быть собой.

— То есть, вы по жизни посмеш...

Она икнула, глядя на острие клинка, что сейчас холодило кончик ее носа.

— Хотите, я срежу вам нос и вы сможете убрать его в кошель. Убрать и никогда не доставать, чтобы не возникало искушения сунуть его куда не следует, — процедила я.

— Значит, сотрудничать вы не хотите, — она подозрительно быстро взяла себя в руки и, отступив на шаг, криво улыбнулась, — хорошо.

Круто развернувшись, она направилась было к выходу и я, честно говоря, предвкушала зрелище — Тине лучше всех удавалось сдвигать реальную дверь и рисовать на ее месте иллюзию...

— Посмешище, — процедила сестра Мирта и взмахом руки вернула все, как было.

— Зачем тебе все это? — крикнула я ей в спину.

Но в ответ получила только скупой непристойный жест. Что было очень некрасиво со стороны той, кого величают Божьей Сестрой! Впрочем, некоторые представители нашего пантеона еще и не то своей пастве показывают... Но нас, просвещенных и приличных, это не касается. За экзотикой — на остров Цветов.

— Знаешь, мне кажется, мы ее еще вспомним, — задумчиво произнес Марон и спрятал пилку куда-то в рукав.

— Я в любом случае не могу дать ей то, что она хочет.

— Ты — леди, — пожала плечами Тина, — могла бы присоединиться к этой гонке.

— Я — леди, — согласилась я и безжалостно уточнила, — окраинная. Могу сварить походный кулеш и выбрать червей из проклятой раны. Могу обустроить лагерь и стреножить лошадей. Или выхватить отцовский клинок и повести отряд в бой. Но... Вот это вот все — не мое. У всех свое место, знаешь ли.

— Тебе предложили развлечься, а ты мысленно отбор выиграла, — проворчала Тина.

— Потому что нет смысла вступать в борьбу одновременно настраивая себя на проигрыш, — наставительно произнесла я.

— За нами скоро придут, — встрепенулся вдруг Марон.

А мы с Тиной недоуменно на него посмотрели и потребовали подробностей. Поскольку уж в чем-чем, а в предсказаниях наш друг не силен от слова «совсем». Даже я лучше на чайниках гадаю!

— Прислушайтесь, — фыркнул друг.

В коридоре действительно что-то происходило. И, судя по накалу страстей, либо обыск на предмет непристойных картинок (было такое у нас в Академии), либо ценные указания раздают!

И раз никто не кричит и не плачет, расставаясь с самым дорогим, значит все-таки второе.

Мы, все трое, увеличили софу и сели рядом, не сводя глаз с двери.

— Как думаете, хоть кто-нибудь в этом дворце умеет стучать в дверь? — с интересом спросила я.

— Мы это узнаем, — улыбнулась Тина, — через три, два...

Дверь распахнулась и в комнату вошла драконья жрица.

— Один, — досчитала подруга. — Никто не умеет, что весьма печально.

— Хр-р-р-р-р! Уар-ра, — согласился с ней Гамильтон.

— Вы привели мужчину? — оторопела леди Илзерран, и поспешно прикрыла дверь, чтобы никто больше не услышал моего компаньона.

— Я здесь с самого начала, — обиделся Марон.

— Она про Гамильтона, — пояснила ему Тина.

— Такая маленькая собака издает столько шума? — поразилась жрица.

Уточнять, что мой пес не потерял связь со своим миром и может куда больше, чем иные компаньоны я не стала. Лишняя информация, абсолютно лишняя.

— Завтра на рассвете вас ждет Испытание Невинности.

Леди Илзерран честно пыталась быть пафосной, но повторенная в двадцатый раз фраза явно набила ей оскомину.

— А если простыми словами? — спросила я.

— Выйдете наружу босая и в белом платье, без украшений и с распущенными волосами, — драконья жрица чуть улыбнулась, — там, в присутствии Правителя и его семьи вы будете проверены на соответствие высокому званию...

— Всей семьей проверять будут? — заржал Марон и тут же зажал себе рот руками, чтобы через секунду спросить, не родственница ли леди Илзерран нашей миледи проректору.

— Она моя племянница, — любезно пояснила драконья жрица. — Проверять будет жрец, магией.

— А нас будут делить на кучки? — с интересом спросила я. — Как, знаете, крупу. Поедена жучками и не...

Ох, а у этой леди проклятья куда искристей!

— Результат объявят приватно, — процедила леди и покачала головой, — вы невыносимы, леди Фоули-Штоттен, вся в своего безумного отца!

С этими словами она резко повернулась и вышла, захлопнув за собой дверь.

5.3

— Она знала твоего отца? — ахнула Тина.

А я только плечами пожала:

— Много кто знал барона Фоули-Штоттен. Отец приезжал в столицу редко, гораздо чаще он прямо писал, что у него есть более важные дела, нежели бесполезное и бессмысленное обсуждение бесполезных и бессмысленных вещей. Он не был в опале, но и обласкан вниманием тоже не был.

— Воин, — из комнаты выполз Гамильтон, — его знали и в нашем мире.

— У него был компаньон пес? — удивился Марон. — Обычно, у детей и родителей разные компаньоны.

Мы с Гамильтоном одинаково фыркнули:

— Это если дети и родители враждуют или соревнуются друг с другом. Я росла и видела леди Ауэтари. Она, во многом, была мне большей матерью, нежели жена барона Фоули-Штоттен.

— А ты не можешь ее навестить? — тихо спросила Тина.

А я... Я могла только промычать, что мол, вот собираюсь, да все никак и вообще...

И только в этот момент до Тины дошло, что за нами наблюдают.

— Прости, — она состроила виноватое лицо, — я, как бы так сказать, не хотела давить на больное.

— Ничего, — покивала я, показывая, что все понимаю.

Но вообще, стоит озаботиться каким-то укромным уголком, где мы сможем поговорить. Право слово, ну не в туалет же набиваться!

Хотя... Он довольно просторный.

— А душевая — тоже ведь непокрыта следящими чарами? — у Марона мысли шли в том же направлении, что и у меня.

— Проверю, — зевнул Гамильтон и честно добавил, — если влезу.

И мы, помня о его чувствительное натуре, тут же уверили пса, что даже если он не влезет, это будет не его вина.

— А все потому, что кто-то слишком много ест, — одними губами сказала я.

Он, увеличившийся в размерах, так и не смог вернуться к удобному облику. И сейчас по покоям скакал пёсель размером с пони, что было не очень удобно.

— Там подслушивают, — шумно вздохнул вернувшийся Гамильтон и звучно плюхнулся на ковер, — почеси пузико, что-то мне не по себе.

Тему собачьего туалета мы, как правило, обходили. Но сейчас я все же решила тонко намекнуть:

— Быть может, паштет хочет наружу?

— Рано, — буркнул смутившийся пес.

Но уже через пару минут его живот издал многозначительное: «уру-ру» и Гамильтон, с воплем: «Пора!», сиганул в закрытое окно.

— А ведь миледи проректор как всегда права, — я подошла к окну и полюбовалась на ошеломленные лица прогуливавшихся по парку невест, — мне просто нужно быть собой.

— Чтобы быть хуже всех? — поддела меня Тина.

— Нет, — я легко улыбнулась, — чтобы получить стартовый капитал и открыть свою артефакторную лавочку.

— Ты же хотела купить домик на Окраине?

— И сейчас хочу. Леди Фоули-Штоттен я из замка выгнать не смогу, но и с ней жить пока не хочу. Значит, проживу где-нибудь и как-нибудь. И лавочку там же открою — буду чаровать возвращательные порталы для наших бойцов.

5.4

Помахав рукой невестам, я присела на корточки и стала собирать осколки.

— Твой да-а, — Марон поспешно сделал вид, что зевает.

И ему на помощь пришла Тина:

— Ты так мастерски левитировала коробку с тарталетками, мне понравилось.

После этого она сделала многозначительную паузу. А я, так же многозначительно, постучала пальцем по запястью, намекая на браслет, из которого черпаю запасенную магию, когда моя засыпает.

Хотя сейчас мой дар уже активен, я не тороплюсь колдовать на полную. Хотя, конечно, вчера...

— Мать моя собака, — выдохнула я, вспоминая леди Ауэтари, которая никогда ничего не забывала.

— Ты чего? — Марон присел рядом и тоже начал собирать редкие осколки. — Основная масса стекла ушла в траву, будем там собирать?

— Нет, — я покачала головой и встала, выронив уже собранное стекло. — Мне, может, ничего уже не понадобится.

— Ты чего? — Тина нахмурилась, — все хорошо же. Или ты внезапно вспомнила, что когда-то сделала что-то, что не даст тебе пройти Испытание невинности?

Я, признаться, не сразу поняла, что именно она завуалировала, а после только фыркнула:

— Хуже. Я вспомнила, что леди Илзерран приказала мне навестить ее.

— Да? — удивилась Тина, — не заметила.

— Не сегодня, — я криво улыбнулась, — вчера.

— Ой, — Марон потер шею, — я опоздал на лекцию к миледи проректору и у меня неделю чирьи с задницы не проходили. А они ведь родственницы.

Я мрачно посмотрела на него и, нахмурившись, произнесла похоронным тоном:

— Знаешь, ты не успокоил меня.

— Она вряд ли сильно проклянет крылатую невесту, — поспешила вставить Тина. — Хотя тебя может, ты же не совсем для отбора.

— Спасибо, дорогие друзья, — саркастично произнесла я, и хотела добавить еще несколько добрых слов, но тут в окно впрыгнул Гамильтон.

Пес был чем-то недоволен и ворчал под нос что-то про грубиянов в соломенных шляпах. И про то, что нет такого сорта роз, которые не требовали бы удобрений.

Поняв, что дело, возможно, слегка пахнет как собакой, так и проблемами, я предпочла не расслышать. В конце концов, если садовник все же придет ругаться, всегда можно послать его к устроителям отбора!

— Ты иди, ищи леди Илзерран, а мы пока окно восстановим, — жизнерадостно улыбнулась Тина.

— Правильно, — поддакнул Марон, — встретить бурю грудью!

Показав друзьям язык, я подмигнула Гамильтону и спросила, не поможет ли он мне найти леди Илзерран.

— Я — нет, но мой племянш — да, — зевнул пес и топнул передней левой лапой.

По ковру побежали полупрозрачные колдовские круги и перед нами появился очаровательный, длинноухий малыш! Он был весь такой мягкий, теплый, складочный, что я, не выдержав, рухнула на колени и принялась его наглаживать и начесывать.

Пока не услышала, что недовольно-ревнивое сопение Гамильтона переходит в тихий рык. Тут и малыш со спинки перевернулся на пузо и я убрала руки.

— Найди драконью жрицу, — сумрачно произнес Гамильтон и тоже лег, — а пока он ищет, я хочу столько же почесушек, сколько получил он.

Помолчав, мой компаньон добавил:

— Нет, вдвое больше. Чесать шею и грудь, немного за ухом и вот тут, да-да, под челюстью.

Ревнивца чесали в шесть рук — Тина и Марон тоже присоединились. На самом деле, Гамильтон редко позволяет себя именно тискать. Он ведь воин, боец, ему не пристало «увлекаться щенячьими забавами».

Малыш, взглянув на нас грустными карими глазами, только вздохнув и превратился в туманную дымку, которая втянулась в щель под дверь.

— Милтону всего двадцать зим, — уставший от почесушек Гамильтон съежился до своего обычного размера и встал, брезгливо подергивая шкурой. — Но уже сейчас он один из лучших в поиске. Его нюх — это нечто невообразимое.

В голосе моего компаньона было столько тоски, что я не нашла что ответить. А Гамильтон меж тем запрыгнул в кресло и вытащил свою трубку. По комнате поплыл аромат сладковатый табачный запах.

Едва пес успел докурить свою трубку, как вернулся Милтон и тут же оглушительно чихнул.

— Я готов сопровождать леди Фоули-Штоттен, — рыжик уже успел насмотреться на людскую моду и сейчас он создал на себе презабавнейший голубой кафтанчик.

— Мне страшно, — честно сказала я и решительно шагнула к выходу, — а значит, будет интересно!

— Истинно так, — зевнул Гамильтон и свернулся клубком, — я — спать.

5.5

Показав язык своему гладкошерстному поганцу, я подмигнула друзьям и, придав себе бодрый вид, решительно вышла из гостиной.

Милтон, забавно переваливаясь и подметая ушами пол, устремился вперед. Было видно, что наш мир ему непривычен, но он мужественно преодолевает невзгоды.

Я же, зацепившись взглядом за кружево на его кафтанчике, невольно вспомнила день, когда мы с Гамильтоном стали компаньонами. У него было несколько условий и одно из них — не спрашивать о его прошлом.

В нашу первую встречу Гамильтон создал для себя чрезмерно старомодную одежду. Такую, словно последний раз он был у нас около трех сотен лет назад.

Но он не догадался запретить спрашивать у его многочисленных племянников и племянниц. И теперь мне страшно хотелось схватить Милтона, затащить в ближайшую кладовку и спрашивать-спрашивать-спрашивать!

Вот только душевное равновесие и спокойствие Гамильтона в очередной раз победили. Хотя все равно, страшно интересно, как в нем умещаются две диаметрально-противоположные ипостаси. Увалень-сибарит и тот, кто способен за считанные секунды ускориться в пятнадцать-двадцать раз!

Гамильтон подчеркивает, что он воевал и то, что он не делится подробностями — для меня это лишнее подтверждение его честности.

«Наверное, потеря нюха сильно ударила по нему», промелькнуло у меня в голове.

Правда, эта мысль была вытеснена целым роем нецензурных ассоциаций — Милтон резко остановился и я едва не наступила ему на ухо.

Он же, приняв пролетевшую мимо угрозу весьма философски, сел и, посмотрев мне в глаза, неожиданно выдал:

— Леди Арзинойская сожалеет, что ее лучший воин стал служить человеку. Дядя не послушает меня, но я бы хотел, чтобы вы его предупредили о ее недовольстве.

— Леди Арзинойская? — переспросила я.

— Старшая су... — пёсель осекся и неуверенно спросил, — самка? Да, пожалуй, так. Она отправила дядю в запас, после того пожара.

— Пожарища? — кажется, судьба моя сегодня переспрашивать.

— Ой, — Милтон умудрился прикрыть пасть ушами, — дядя герой, но он запрещает об этом лаять! В общем, она думала, что он вернется, смирившись с некоторыми изменениями в... м-м-м, работе. А дядя ушел к людям. Потом вернулся и закрылся в своих владениях, не выходя даже на Большую Охоту. А потом он опять ушел и теперь, если он вернется домой, его могут вызвать на бой. Ходят слухи, что леди Арзинойская обещала награду тому, кто срежет с дяди уши. Это очень большой позор для пса.

— Он их сделает, — фыркнула я и едва не поперхнулась, обнаружив во взгляде Милтона знакомый по Гамильтону упрямый и злой блеск:

— Со времени его отставки появилось много сильных и злых псов. Старый генерал может проиграть. Вам сюда.

Я, поняв, что не оправдала надежд молодого пса, присела на корточки и сказала:

— Ты услышан, Милтон. Я возьму с Гамильтона слово, что он не пойдет в свой мир ни на минуточку, как минимум до конца Отбора. Но, подумай сам, у него ведь семья. Ты и твои двадцать братиков и сестричек. Он захочет вас увидеть.

Мой компаньон действительно очень любил своих родственников. И всегда с удовольствием их обсуждал — мягкость ушек, умность глазок, прохладность носиков!

— Тридцать один, — с гордостью поправил меня пёсель, — Боги были милостивы к моей матушке и она оценилась одиннадцатью славными, кондиционными щенками. Для Родерика куплено место в суч... Самочьей гвардии — его задние лапы столь мощны, что... Ох, прошу прощения, они столь милы, что я способен говорить о них часами.

— У вас это семейное, — рассмеялась я. — Гамильтон тоже любит о вас поговорить!

Точнее, теперь полюбит. Утаить от нас такую милоту!

— Мне приятно это слышать, — Милтон встал на задние лапы и поклонился, после чего под ним появились колдовские круги и он провалился в свой мир.

Я же, не давая себе время на испуг, решительно подошла к двери и громко, уверенно постучала.

Открыли мне буквально через несколько секунд.

— Право слово, леди Фоули-Штоттен, вы стучите так, будто вам чего-то недодали и вы пришли требовать своё, — недовольно произнесла леди Илзерран и потеряла красноватые глаза.

— Вы спали? — удивилась я и тут же поспешно произнесла, — прошу прощения, вы приказали явиться к вам, но...

— Но вы забыли, — припечатала драконья жрица. — Вас сопровождал один из племянников вашего компаньона?

Тут я посмотрела за спину жрицы и увидела огромное зеркало, в котором отражался коридор и не отражались мы.

— Д-да, — я судорожно соображала, все ли компаньоны могут призывать своих родственников?

Гамильтон и сам этого не знал, поскольку и в прошлый раз его призывали через кровь.

— Он знаменит, если его сестра по стае позволяет ему вызывать её детей, — леди Илзерран отступила назад и махнула в сторону кресел, — я хочу задать вам несколько вопросов. Это может показаться вам неуместным, но...

— Я с честью пройду предстоящее Испытание, — с раздражением произнесла я. — Теперь точно понятно, что вы с леди проректором родственники.

— Я не это хотела спросить, — усмехнулась драконья жрица, — но спасибо за уточнение.

Сев в кресло, я принялась рассматривать покои леди Илзерран. И все отчетливей понимала, что она живет своей работой — кругом только диаграммы, изображения невест, папки с личными делами (я просто опознала ту самую папку, которую поглаживал ректор) и артефакты. Бесчисленное количество артефактов и сцепленных с ними зеркал, в которых отражались комнаты невест.

«Теперь понятно, отчего у нее глаза как у бешеного кролика», хмыкнула я про себя и позволила себе удивиться вслух:

— Но разве не сестры должны следить за нами?

— Сестры хоть и зовутся Божьими, но ничто золотonosное им не чуждо, — усмехнулась леди Илзерран, — учитывая то, что я собираюсь сделать, то, во-первых, предлагаю перейти на «ты». А во-вторых, ты выпьешь кофе с ликером сама или тебя заставить?

* * *

Уважаемые читатели, в ближайшее время на этот роман будет открыта подписка. График выкладки станет регулярным — каждый день недели за исключением понедельника и четверга.

Ваш автор

5.6

— Прекрасное предложение, только к чему же портить напиток? Вначале кофе, а ликер потом, — ровным голосом проговорила я.

А затем украдкой осмотрелась — бежать было некуда. Если не смогу выбраться отсюда, то как предупредить Гамильтона?!

"Будь проклят мой дурацкий дар, вытворяющий с организмом такие ненормальности!", с отчаянием подумала я и с улыбкой приняла крошечную кофейную чашечку от леди Илзерран.

— Твой отец страшно любил кофе, — тонко усмехнулась драконья жрица. — Видимо, ты пошла в него.

Я сделала глоток и кивнула сама себе — Илзерран не обманула и ликерная сладость не забивала терпкий вкус кофе.

— Ты хорошо его знала? — спросила я, оттягивая время и делая новый глоток. — Очень обидно, что в кафе девушкам подают только чай и сладкое какао.

Драконья жрица усмехнулась:

— Мне уже не рискуют предлагать какао. А что касается твоего отца...

Я вновь отпила чудеснейший напиток и отметила, что осталось еще на один глоток. Какие маленькие чашки.

— Я могла бы быть твоей матерью, — Илзерран только усмехнулась, когда я раскашлялась. — Ну-ну. Неужели отец никогда не рассказывал обо мне.

— Он обмолвился, что в столице потерял любовь всей своей жизни. А потому женился на моей матери — она хотела быть баронессой, а он хотел сына.

Леди Илзерран прикрыла глаза и закусил губу, как будто ей было больно. Но уже через мгновение она встрепенулась, взяла себя в руки и спокойно сказала:

— Моя семья не захотела отдать дочь Окраинному барону.

Так я попала в ученицы к последней драконьей жрице.

— А разве не ты...

— Теперь — я, — она усмехнулась, — эти чашки ровно на три глотка. А ты изображаешь уже четвертый.

— Люблю гущу, — нервно ответила я.

Леди Илзерран проигнорировала мое вранье и просто выставила на стол две хрустальные рюмки. Затем магией призвала тяжелую квадратную бутыль.

— Зеленый Даррен, никогда еще меня не подводил, — леди Илзерран неприятно улыбнулась, — что в день посвящения в жрицы, что в день похорон твоего отца.

В этот момент я поняла, что мне никуда не деться. Может быть, она хочет выдать нас с Гамильтоном просто чтобы отомстить за свою порушенную жизнь? Но я ведь не виновата!

— Пей, — оно подтолкнула ко мне одну из рюмок.

Вторую же она оставила для себя.

Зеленый Даррен по пищеводу полз неохотно — чувствовал, что ему не рады. Но... Несмотря на чрезмерно еловый вкус, почему я так не хотела его пить? Боялась, что не смогу соврать? Какая глупость, ложь бессмысленна, кому придет в голову сознательно исказить истину? Частое вранье приводит к снижению колдовского дара и...

— Как умер барон Фоули-Штоттен, при каких обстоятельствах, кто был рядом с ним?

Я, крутившая в пальцах стопку, подняла на драконью жрицу недоуменный взгляд:

— Это дело окраин, леди.

— Ты не можешь мне солгать, — сощурилась она.

— Я и не лгу, — оставив в покое стопку, я спокойно посмотрела ей в глаза, — Совет Крылатых отказал нам в помощи и мы справились своими силами. Это были маги-ренегаты, миледи. Барон, истощенный после закрытия очередного разрыва, наткнулся на них, собравшихся вокруг туши мертвой твари мертвого мира. Вам ли не знать, что на основе этих тварей можно приготовить очень много смертоносных вещей. Отец погиб в бою, леди Илзерран. Он не смог пройти мимо, понимая, его равнодушие приведет к чужим смертям. Он погиб как герой и унес с собой всю десятку ренегатов.

Она закрыла глаза. Сжав губы в нитку, Илзерран пыталась взять себя в руки. Но ее выдавали трепещущие ресницы и одна-единственная слезинка, скатившаяся по гладкой щеке.

— Коллегия артефакторов отправила Совету Крылатых открытое письмо. Они просят внести коррективу в список запрещенных к использованию вещей, — хрипло произнесла она, — обойдутся. Пока я жива они такого разрешения не получают. Раздевайся.

Вздвогнув, я недоуменно посмотрела на драконью жрицу, после чего осторожно произнесла:

— Мне не жарко, спасибо.

— Оголи печать, — сердито произнесла леди Илзерран, — или ты думаешь, что вас только на девственность проверять будут? Позапрошлый Правитель намотал на род несколько проклятий, от которых пришлось долго и нудно избавляться. Так что твою кровную связь с чужим миром быстро обнаружат. Вам с Гамильтоном придется уходить боем, а я знаю что такое Псовий Генерал. И видеть это еще раз не хочу!

Я моргнула. Где-то в подсознании билась заполошенная мысль — соврать. Немедленно соврать! Выдать нелепую историю о том, как к моим ногам выпал окровавленный пес и...

— Хорошо, — кивнула я и встала, — вам придется расшнуровать меня.

— Печати, как правило, на руках, — осторожно произнесла драконья жрица.

Покачав головой, я пояснила:

— Печать ставится на рану и как бы запечатывает ее. Я умирала, и Гамильтон спас меня. Поэтому теперь у меня печать под левой грудью.

— Под левой грудью, — эхом повторила леди Илзерран. — Позвольте предположить, что на охоте вы напоролесь на сук.

Я рассмеялась и покачала головой:

— Нет, леди, это был стилет, а после полет с замковой башни. Мне повезло, и утром незадачливый убийца отправился на каторгу.

— Вот как? не слышала о подобном, — медленно произнесла драконья жрица.

— О, вы знаете, окраины столь опасны — монстры напали на отряд и убийца не уцелел, — я практически дословно процитировала слова старого отцовского друга. — Он не дожил до правосудия, но мне не жаль.

Старый друг отца не стал бы мне врать. Он прекрасно знает, как мы, Фоули-Штоттен, относимся ко вранью.

— Нет, сорочку снимать не надо. Она тонкая. мои чары пройдут сквозь нее, — сейчас леди Илзерран говорила со мной, так будто я столь хрупка, что могу разбиться от любого неосторожного слова.

Но я ведь выжила, а мой убийца нет. И я в безопасности с Гамильтоном. Правда, при разрыве связи печать исчезает, а рана возвращается, но нам с компаньоном это не грозит!

И стоило лишь подумать о печати, как она, никогда прежде не доставлявшая неудобств, нагрелась, затем заледенела и вновь нагрелась. А

потом начала страшно чесаться!

— Вот и все, — драконья жрица вдруг посмотрела мне в глаза, — почему ты не задаешь мне вопросы?

— А что спрашивать? — заинтересовалась я.

Тихий скрип и чуть более громкое ругательство заставили меня подпрыгнуть и обернуться.

В дверях замер наш Правитель. Он, вскинув брови, с недоумением смотрел на нас — драконью жрицу, что держала левую ладонь над моей грудью и меня, прижимавшую к себе сползшее платье.

— Одну минуту, — спокойно произнесла леди Илзерран и одним заклятьем привела меня в порядок. — Вы можете быть свободны, леди Фоули-Штоттен.

— Благодарю, до свидания, — я присела перед Правителем в глубоком реверансе и отметила, что он не сводит взгляд с моего декольте. — Очень некультурно, очень.

Дверь уже закрывалась, когда я услышала полный недоумения голос Правителя:

— Вы пили Зеленого Даррена? В такое время?

Сдавленно хихикнув, я прошептала:

— Время-то уже к обеду, самое-то для умеренного приема ликера.

Хотя если судить по одnogруппникам, то время для возлияний — вечер. Так-то при дворе могут быть и другие порядки. Папин друг говорил: «Оружие с утра начистил и весь день свободен», а тут может с утра Зеленого Даррена и тоже, того, весь день свободен!

Вернувшись в комнату, я с легкой улыбкой поделилась радостью с друзьями:

— Леди Илзерран не сердится на нас. Она хотела узнать про моего отца и, заодно, прикрыла нашу с Гамильтоном связь.

Мой компаньон подскочил и шумно втянул носом воздух:

— Ничего не чую.

— Мина, ты пила? — страшным шепотом спросил Марон.

На что я честно ответила:

— Драконья жрица дала мне выбор — выпью ли я сама или же она меня заставит.

— И что это было? — Тина вытащила из кармана листик с карандашом.

— Зеленый Даррен. Слишком еловый, на мой вкус.

Марон потрясенно присвистнул:

— Двадцать золотых за бутылку! Я видел его у матери в шкафу, она, кажется, собирается его сестре в приданое положить.

Тина что-то высчитывала на листочке, потом бросила в меня несколько заклинаний-диагностов, после чего постановила:

— Раздевайся и ложись, я погружу тебя в лечебный сон. Через час сорок твой организм освободится от воздействия ликера, а через три часа твоя магия перестанет на тебя воздействовать.

— Но со мной все в порядке, — запротестовала я.

— Я — будущий целитель, — припечатала Тина и указала на дверь в спальню, — у тебя пять минут. Потом приду я и усыплю тебя там, где застану.

Спорить с настолько сердитой подругой я не стала, только попросила ее и вечером меня усыпить. Увы, если я посплю днем хоть чуточку, то потом полночи буду ворочаться. И в итоге попаду в замкнутый круг —

днем спишь потому что ночью не выспался, ночью не спишь, потому что днем поспал.

— Когда я тебя подводила? — возмутилась подруга и тут же закрыла мне рот ладонью, — на риторический вопрос отвечать не нужно.

Я кивнула и пошла переодеваться. Через несколько минут вошла Тина и с недоумением подняла с кровати длинную тонкую иглу:

— Это что?!

Я, взяв у нее из рук иголку, фыркнула:

— Ты не опознаешь шерсть нашего генерала?

— Этим можно убивать, — потрясенно выдохнула подруга.

— Чем он и занимается, — улыбнулась я и отработанным жестом метнула иголку в дверь.

— Мамочки, — выдохнула Тина и потрогала пальцем шерстинку, что до половины вошла в дверь, — мамочки.

— Вот поэтому я не очень хочу спать там, где спал Гамильтон в полубоевой форме.

— Полубоевой?! Так, нет, я не хочу ничего об этом знать.

Мы встряхнули покрывало и я, привычно потянув силу из браслета, заклинанием собрала все шерстинки в пучок.

— Заколдую их на самонаведение.

— Мы на отборе, — округлила глаза Тина, и я согласилась:

— Вот именно!

Но подруга покачала головой:

— Яд, Мина, нужен яд. Чтобы добавлять его в крема и притирания, чтобы конкурентки шли пятнами и чтобы кожа у них отслаивалась. Ты что, не читала последние выпуски журналов? Они там сделали подборку самых продуманных каверз!

— Боги меня миловали от такого чтения, — честно сказала я и легла в постель.

Я успела только прикрыть глаза, а дальше — чернота и пустота, как и всегда, когда мага погружают в целебный сон.

Нет, магистры разума могут навоображать себе целый кабинет, в котором будут все-все прочитанные ими книги. И тогда время целебного сна пройдет с пользой. Но я — не то что не магистр, у меня вообще склонности к этому специфичному направлению нет. Поэтому просто поплаваю в темноте, пока не посветлеет.

Точнее, пока меня не выдернет из сна — увы, Тина только учится и после академии ей еще пару лет подвизаться принеси-подай в лечебнице.

— Тут такое дело, — щеки моей подруги лихорадочно горели, — тут такое дело!

— Какое?!

Я попыталась сесть, но вдруг поняла, что не могу — что-то меня придавливает к кровати.

Не что-то. Кто-то.

С десятков очаровательнейших щенков-бассетов.

— К Гамильтону племянники пришли, — с восторгом произнесла Тина и тут же обеспокоенно добавила, — но мы их посчитать не можем.

5.6

Сдвинув с себя малышей, я села, спустила ноги на пол и взбодрила себя охлаждающим заклатьем.

— Так, Милтон говорил, что к двадцати старшим прибавилось одиннадцать младших.

Мы синхронно перевели взгляды на мою постель, где как раз сопели младшие щенята.

— Десять, — севшим голосом произнесла Тина.

— Одиннадцать, — поправила ее я и показала на троих щенков, — смотри, из-под них четвертый хвостик торчит.

— Ага, хорошо, — покивала подруга, — я просто боюсь, что они уйдут гулять по дворцу и их кто-нибудь обидит.

Я потерла кончик носа и с тяжким вздохом произнесла:

— Теперь и я боюсь.

— Что их кто-нибудь обидит?

— Что они с кем-нибудь поиграют. Звери, что магические, что обычные, взрослеют быстрее людей. А уж колдовские расы миров-сателлитов, — я покачала головой, — поверь, каждый из этих малышей может за себя постоять.

Приведя себя в порядок, я, вместе с Тиной, вышла в гостиную. Гамильтон, ощерившись в довольной улыбке, возлежал в кресле и наблюдал, как его племянники и племянницы издеваются над Мароном.

Тот все еще пытался их посчитать.

— Приветствуйте компаньона, — рявкнул Гамильтон.

И я, сцепив зубы, натянула на лицо улыбку. А щенки-подростки, уместив попы на ковер, разом завыли. И еще. И еще. Три приветственные песни, от которых многострадальное стекло пошло мелкой трещинкой.

— Что за шум? — нахмурился Марон и встал с колен.

— За той стеной что-то упало, — махнул лапой Гамильтон и с обидой добавил, — что? Со слухом у меня все в порядке.

В три руки мы пересчитали подростков, почесали пузики и расцеловали носы. Все были на месте. Хотя... Вот эти рыжие веснушки на носу я вижу второй раз!

— Гамильтон, у нас побег, — я нахмурилась, — ну-ка взбодри благородную свору!

Мой компаньон, не меняя позы, рыкнул так, что Марон побледнел. И тут же щенки принялись оправдываться. Мол, пришел Милтон, рассказал что дядя в мире людей, что дядя серьезно занят и не придет на праздник Первой Луны.

— А еще он сказал, что тут можно поменять жесткие кругляшки на вкусную еду, — застенчиво проговорила малышка, с трогательным розовым ободком. — Мы собрали кругляшки и отдали Эштону. Он меняет кругляшки на еду и принесет.

— Мы подевимся, — прошепелявил самый пухлый из псовых мальчишек.

— Почему Эштону, он же разгильдяй?! — возмутился Гамильтон.

— Он говорит хорошо. Я когда вижу чужих людей все время сбиваюсь на родную речь, — малышка с ободком вздохнула, — меня из-за этого в Школу Теней не приняли. Через месяц будет новый набор, я ав-ав-ау!

Малышка растяфкалась, поняла, что опять перешла на родной лай, расстроилась и тоненько заскулила. А я подумала, подумала, а после аккуратно спросила:

— А может дело в том, что ты мало слов знаешь? Торопишься и, не найдя в памяти нужного человеческого слова, переходишь на родной язык?

— Может быть, — она перестала скулить, — я подумаю об этом.

— Это все хорошо, — Тина нервно заломила руки, — но маленький, одинокий ребенок сейчас плутает в недрах этого гадкого места!

И тут мы поняли, что не сможем просто сесть и подождать, пока вернется Эштон. Подруга сведет нас с ума, а после и сама двинется.

— Хочешь, я вырасту и стану твоим компаньоном? — серьезно спросила малышка с розовым ободком. — Буду следить за тем, чтобы ты правильно оценивала людей и нелюдей.

— Спасибо, милая, но у меня не хватит сил на печать, — с толикой грусти ответила Тина.

— Все может измениться, — философски заметила малышка и почесала лапой за ухом.

Подруга же уперла кулаки в бедра и грозно выгнула бровь. Мы, грустно вздыхая, принялись оправлять одежду и готовятся к выходу в люди.

— Марон, ты что, со мной не согласен? — Тина ткнула в нашу с Гамильтоном сторону:

— Эти двое никогда не были особенно заботливыми! Они действительно могут верить, что ребенок справится! Но ты-то должен

понимать, как отреагируют повара на говорящего щенка?!

Тут Тина замерла, ее большие серые глаза наполнились слезами и она со всхлипом выдохнула:

— Его могли ошпарить кипящим маслом... Малы-ыш!

— Она знает, что наша шерсть — наша броня? — тихонечко спросил Гамильтон.

Я же кивнула на дверь в спальню, из которой торчал самый кончик иглы-шерстинки, пробившей тонкое дерево насквозь:

— Я не просто сказала, я показала.

— Значит, спорить бесполезно, — уныло вздохнул пес и поплелся к выходу.

Зато Марон, услышав предположение о кипящем масле, тоже преисполнился спасательного рвения и теперь шел так же быстро, как и Тина.

— Из них получится хорошая пара, — с кошачьим акцентом промурлыкал мой пес.

— Если родственники не вмешаются. Они так активно их сватают, что ребята чуть не поклялись никогда не жениться. Магией!

Мы прошли жилую часть дворца невест, вышли к огромной пафосной лестнице — кажется, именно по ней невесты отправляются в последний путь. То есть, на выход с отбора. А после, по этой же лестнице, но в компании Правителя, невеста пройдет к алтарю. Забавно.

— Нам сюда, — деловито произнес Марон и с трудом успел отскочить в сторону.

Его едва не сшиб с ног высокий кряжистый мужчина в поварской одежде. В руках он сжимал огромную сковороду. Сковороду, от которой кто-то откусил нехилый такой кусок!

— Где он?! — взревел повар и потряс сковородой, — где этот шельмец?! Это была моя любимая сковорода!

— Кто-то еще хочет спасти бедного ребенка? — себе под нос пробормотала я. И бросила в Тину и Марона заклятье немоты.

— Мы никого не видели, — зевнул Гамильтон и мы поспешно пошли к выходу в парковую зону.

— М-м-м! Му-мы-мы! — Тина свирепо вращала глазами, Марон же, прищурившись, сосредоточенно ломал мое проклятье.

— Мы должны найти ребенка раньше этого изверга со сковородой, — друг справился с проклятьем достаточно быстро и освободил Тину:

— Малыш мог повредить молочные зубки!

— Но у нас не бывает молочных зубов, — возразил Гамильтон.

Да только кто бы его слушал!

— Тишина в аудитории, — хрипло процедила я, подражая миледи проректору.

Друзья, вздрогнув, принялись озираться.

— Мы не можем сейчас прийти на кухню и поискать щенка, — я взяла друзей за руки, — но мы придем ночью. Эштон не дурак и будет прятаться и ждать подмоги.

Хотя я уверена, что подросток уже обследовал кладовые и сейчас активно таскает еду братьям и сестрам. Но... Моих друзей редко заносит, однако, когда это все-таки случается, их не остановить.

— А если...

— Он откусил половину сковороды, — я ткнула Тине пальцем в лоб, — ты так можешь?

Подруга задумалась, принялась перебирать заклатья, я же в это время прикидывала, как бы так все проверить, чтобы потом не проспать Испытание. Оно ведь на рассвете! Или на закате?!

Да нет, нет, на рассвете. Конечно же на рассвете — и пафоса больше, и невесты будут страдать от недосыпа. А, как говорят при дворе, толика страданий идет леди только на пользу!

Прогуляться по парковым дорожкам у нас не получилось. Нет, мы не разучились ходить, просто Тина и Марон продолжали страдать и мы с Гамильтоном, переглянувшись, повернули в сторону дворца невест.

Хотя мне, если честно, хотелось скинуть туфельки и забраться на то огромное, раскидистое дерево. Оно росло близко к узорной ограде, разграничивавшей парк невест от остального дворцового комплекса. И с него, как мне кажется, можно было рассмотреть дворец Правителя.

Эта темная громада нависала над городом, сверкала острыми шпильями, слепила отраженным от стекол светом и...

— Ты можешь идти быстрее? — с отчаянием спросила Тина.

И я пошла быстрее. Но дерево уже примечено и... Ха. У меня как раз будет свободное время после испытания. Рассвет наверняка раскрасит дворец яркими красками. Вот и посмотрю.

Признаться честно, мне нравилось происходящее. Диплом уже у меня, знания тоже при мне. А еще есть временная, зато высокооплачиваемая работа. Все, что нужно, чтобы дотянуть до тридцати лет и возглавить баронство!

— О, змеи к солнышку потянулись, — хмыкнул Гамильтон.

Поперхнувшись смехом, я растянула губы в глупой улыбке и поприветствовала леди Лириану Морей.

— Прогуливаетесь? — она чуть прищурилась, изображая ласковую улыбку, — ходьба полезна для бедер.

«И правда змея», подумала и я пропела:

— Складки юбки укрывают бедра, так что лучше дружить с портным. А вот грудь... Ее не скрыть под складками.

Тут я попыталась сама себя пристыдить, чтобы щеки заалели. Но, увы, краснеть по заказу у меня никогда не получалось, поэтому я предпочла прямой удар:

— Как хорошо, что Правитель уже оценил мои формы.

Леди Морей вспыхнула, а я, подарив ей еще одну улыбку, проплыла мимо.

И тут Тина очень удачно спросила:

— Это когда это было?

— Когда меня вызвала леди Илзерран. Она хотела осмотреть печать компаньонов и тут вошел наш Правитель. Признаюсь, он не отвел взгляд.

Я точно знала, что каждое слово достигло цели. Было ли мне стыдно? Нисколько. Держать невест в тонусе моя забота.

Хотя если так подумать, то как раз наоборот, но... Это Морей, она отряхнется и дальше пойдет!

Пройдя по пустым коридорам, мы вошли в выделенные нам покои и замерли.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — щенков нет. Ни одного!

Признаюсь, подурнело даже мне.

— Вызови своего нюхача, — проскрипела я, падая в кресло.

Разом охрипший Гамильтон помотал башкой и пояснил:

— Я не могу вызвать Милтона, он уже был здесь сегодня. И я не могу вызвать Эштона, потому что он *уже* здесь.

Подруга всхлипнула и рухнула на руки Марону. Прикрыв ладонью глаза, она обреченно выдохнула:

— Их найдет то чудовище со сковородой и забьет до смерти!

Казалось бы, Тина была едва ли не при смерти, но не успели мы проникнуться нарисованной картиной, как она встрепенулась и рявкнула как заправской сержант:

— Мы не можем ждать ночи!

Встав, я подошла к ней и, приобняв за плечи, подвела к двери в спальню:

— Милая, это торчит кончик шерстинки Гамилбтона. Они такие же, как он, только маленькие. Родерику уже купили место в королевской гвардии! Потому что его задние лапы феноменально крепки и сильны!

— Они дворец развлят, — Гамильтон призвал свою трубку, — а мы будем оправдываться. Вот это — пугает. А то, что с ними что-то может произойти — нет.

Он мрачно запыхтел и в этот раз дым его трубки пах как-то особенно скорбно.

— Это дети твоей сестры, — напомнил ему Марон, — неужели сердце не дрожит?

— Очень дрожит, — равнодушно бросил пес, — аж в желудок упало.

Друзья, обозвав нас черствыми и бездушными, вымелись в коридор. Я, плюхнувшись обратно в кресло, скинула туфельки и подобрала под себя ноги.

— Как думаешь, найдут?

Гамильтон выпустил клуб сизого дыма и покачал головой:

— Не-а, пф-ф, они затаились и ночью разграбят кладовые. Там мы их и поймает. Мне приятна твоя вера в силу псов.

Я улыбнулась и кивнула. А затем, спохватившись, произнесла:

— Ты же понимаешь, что Тина и Марон не пытаются оскорбить щенков? И твою сестру?

— Их беспокойство забавно, — зевнул Гамильтон.

А я перевела дух, ведь мой компаньон мог и оскорбиться. А все дело в том, что слабых из родного мира не выпускают. Только сильные, находчивые и смелые могут проскользнуть в межмировую щель. И решить, что щенков может пристукнуть повар — очень сильно усомниться в чадолюбии их матери, которая дала им разрешение на перемещение.

До вечера мы Тину с Мароном не видели.

Зато точно поняли, что щенки где-то в районе кухни — ужин был сразу и пересолен, и местами сожжен. А в теплом салате обнаружилась игольно-острая шерстинка и не обнаружилась жареная курица. Да и сливочного соуса было маловато.

— Поганцы, — добродушно усмехнулся Гамильтон.

А я, посмотрев на тарелки, отодвинула их от себя и поняла, что, прежде чем ругать щенков, надо будет и самой чего-нибудь съедобного найти.

5.8

На дворец невест опустилась чернильная мгла. В коридорах зажглись светильники, что высветили лишь центр, оставив вдоль стен глубочайшие тени.

По этим-то теням мы с Гамильтоном и скользили. Сильно позади нас шли с Тина с Мароном — им было трудно прятаться, а потому они просто шли напролом.

Но дворец был тих и пустынен — невесты спали, или...

— Уа-у-у-у, — по коридору разнесся тоскливый вой.

Или не спали. Хотя, может это щенки? Я повернулась к компаньону, но спросить ничего не успела, он меня опередил и опередил весьма уверенно:

— Не наш.

— Видимо, кто-то из оборотниц страдает, — вздохнула я и пригладила выбившийся из тугой косы локон.

— У-у-у-у-у-у, — вой стал еще тоскливей.

Гамильтон остановился, повернулся к источнику звука и замер. Я же поспешила ему напомнить, что невзирая на второй облик, он не может ответить на призыв самки. Пусть, чисто технически это и возможно, но та нетерпеливая оборотница — чужая невеста!

Мой компаньон очень укоризненно на меня посмотрел и покачал головой:

— Она на помощь зовет, застряла между человеком и волком.

— В каком смысле?! — ахнул подошедший к нам Марон.

— В смысле, что застряла в момент перевоплощения, — фыркнула Тина, — какой еще может быть смысл?!

Договорив, подруга медленно покраснела — кажется, до нее дошла непристойная мысль Марона.

Гамильтон вздохнул, прислушался, но больше никто не выл.

Стоя под дверью, мы чувствовали себя очень глупо. А все из-за Марона!

— Я не знаю, — рассеянно произнес пес. — Зайдем?

— Не надо, — из-за обсуждаемой двери выглянула высокая рыжекосая девушка, — я вас как услышала, так и человеком стала. От негодования!

Мы честно смутились, но извиниться не успели — оборотнице хватило наших виноватых лиц. А потому, решив, что конфликт исчерпан, я спросила:

— А почему ты рыжая?! Вы же все каштановые.

Оборотница же фыркнула:

— Во-первых, не вы, а мы — ты, вообще-то, невеста. А во-вторых, какой-то нехороший господин пустил слухок, что Правитель будет подбирать жену, чтобы была похожа на его покойную мать. Никогда еще старые портреты не пользовались такой популярностью.

Тут оборотница вздохнула и закончила:

— Я — сопротивлялась, но мать сильнее. Заломала и в салон, там-то меня и окрасили. Думаю, у остальных было так же. Ну а кто-то просто по жизни каштановый.

— Ясно, — хмыкнула я. — Шутка в стиле рода Морей.

— Да, они многим поперек глотки, — согласилась оборотница и вышла из-за двери полностью.

Марон стал густо-малиновым и отвел взгляд, я же поразились тому, что ей не холодно! Ночью, на голом мраморе, босиком, в одной полупрозрачной рубашке — истинная оборотница.

— Мы — туда, — я ткнула пальцем в сторону выхода к центральной лестнице.

— А я — Габриэль Долтаран, и я иду на кухню. От еды сегодня разило иномирными псами, и ладно запах — щенки играют, это нормально. Но мясо-то где?!

— Оборотням недодали мяса, — хихикнула я. — Получается, нам по пути. Я — Мина, она — Тина, он — Марон, а он — Гамильтон.

— Если не знать, кто из вас кто, — хихикнула Эйра, — то он звучит как милорд, а вы — как его левретки. Тина, Мина и Марон — призовой осеменитель.

— Ну спасибо, — фыркнула я.

Впрочем, беспардонность волчиц давно всем известна. Я бы даже сказала анекдотично известна.

— Мы идем? — поторопила нас Тина.

И мы пошли. И Марона вперед вытолкнули, а то ему дышать тяжело становилось.

Правда, в тених мы уже не скрывались — Эйра не умела быть тихой. Она то что-то роняла — в абсолютно пустом коридоре находились какие-то мелочи, то запинаясь, то не замечала дверей.

— Мама говорит, что я детство не переросла. Когда в волчьем виде охочусь, подтягиваю как щенка, но сама этого не замечаю, — она развела руками, — вот и отправили меня сюда. Ясно-понятно, что оборотнице замуж за Правителя не выйти, но кто-то ж должен лояльность к власти проявить? Вот я тут и того, проявляю изо всех сил.

Я только плечами пожала — были в истории нашей страны венценосные оборотницы. Рано старели и быстро умирали, потому что свадебный ритуал убивал их второй облик. Да и дети рождались с неизбывной тоской по чему-то, чего они и сами толком понять не могли. Магия может все, захочет маг и научится превращаться в птицу. Только оборотнем он от этого не станет. Собственно, именно эти принцы и принцессы и продвигали науку метаморфизма.

— Мы на месте, — с изрядной долей пафоса провозгласила Тина и раздраженно покосилась на Эйру, чьи голые ноги вновь притянули взгляд Марона.

Но двери кухни оказались насмерть запечатаны! Да сокровищницы так не закрывают! Да у нас на Окраинах хранилище со спиртом не так сокрыто было! А уж на него охотников было куда больше.

— Вот так, придешь перекусить, а тебе вот, — оборотница скрутила из пальцев лесную фигу.

— Они там, объелись и плачут, не могут выйти, — доложил Гамильтон.

И я поняла, что вновь пришло время для отцовского меча. В Академии мне уже приходилось срезать клинком дверные петли, а тут... Тут, наверное проще по замку рубануть.

— Украинная сталь, — выдохнула оборотница. — Что ты забыла на отборе?! Будь у меня такой клинок и умение им пользоваться, никто бы меня сюда не притащил.

— Мне заплатили, — коротко ответила я и, примерившись, ударила ровно в центр заклатья.

Пробить с первого раза не вышло, но прежде чем я успела освободить клинок, моя пробудившаяся магия просочилась сквозь ладони и, скользнув по лезвию, хлынула прямо на рисунок заклатья!

Ой.

Двери оплавилась подобно свече. Просто стекли на пол струйками и превратились в стеклянные лужицы.

— Так и было задумано? — тихо спросила Эйра.

— Разумеется, — уверенно соврала я и шагнула вперед.

— Потрясающе. — восхищенно выдохнула Эйра.

В кухонном зале загорелся свет и мы, ошеломленные, замерли.

Щенки были повсюду. Пушистые попы торчали из погрызенных кастрюль и котлов, кто-то свисал с массивной люстры, кто-то спал прямо на огромной плите. Кто-то нашел себе прибежище на полке буфета!

— Сколько их?! — ахнула Эйра.

— Тридцать один, — с искренней любовью произнес Гамильтон, — шалуны.

— Берем шалунов и валим, — нервно выдохнула Тина, — в этот раз нас точно сожгут!

«Или побьют оголодавшие невесты», подумала я, понимая, что готовить поварам и негде, и не на чем, и не в чем, и не из чего! От кухни осталось только помещение. И мусор, который раньше был кухонной утварью.

— Они съели всю еду, а после понакусывали все, что пахнет едой, — медленно произнесла я, рассматривая обглоданную плиту, перекушенные столовые приборы, уничтоженные котлы и сковороды.

— Ты говорил, что они плачут, — тихо-тихо проговорила Тина.

— Кажется, я перепутал икоту с плачем, — не смутился Гамильтон и решительно вышел из кухни.

— Ты куда?! — у меня даже голос сел. — Мы их не унесем!

Но мой компаньон вернулся с огромным полотнищем плотной ткани:

— Сложим их сюда и завяжем в узелок. Так и дотащим. Волоком.

— Если нас и после этого не сожгут, — Тина осторожно перекладывала спящих щенков на полотно, — то я не знаю, наверное, нам можно будет все.

— Знаете, а я с вами останусь, — оборотница где-то нашла черствый хлеб и теперь задорно им хрустела. — С вами хоть и страшно, зато весело.

5.9

— Страшно весело, — вздохнула я, — будет проволакивать щенков в ванную комнату.

— Их не будет тошнить, — уверенно произнесла оборотница, — колдовские звери превращают пищу в чистую энергию.

— То-то розы под нашими окнами так разрослись, — хихикнула Тина.

— На данный момент я — часть этого мира, — оскорбился Гамильтон, — и да, я слежу за тем, чтобы кусты были хорошо удобрены. Местные садовники недооценивают мощь и силу псовьего...

— Давайте не будем про помёт, — взмолилась Тина. — Щенкам холодно на мраморе!

Гамильтон хотел было вывернуться, но подруга бесстрашно его перебила:

— Да, теперь я своими глазами убедилась, что твои юные племянники способны разнести дворец. Но то, что они *могут* лежать на холодном мраморе, не значит, что они *должны* это делать. Какими бы сильными и тренированными они ни были, они остаются детьми, о которых мы, взрослые, должны заботиться!

На это никто не возразил и мы потащили щенков к нашим покоям.

Но Гамильтон, оскорбленный в лучших чувствах, все же проворчал укладкой:

— Помёт — у птиц.

Я же шла и думала только о том, стоит ли огорчать друзей тем фактом, что драконья жрица наблюдает и за коридором? С другой стороны, она отслеживала свой собственный коридор. И к счастью, пока что никто не научился записывать изображение.

Однако я не удивлюсь, если доставшаяся мне божья сестра жадно следит за каждым моим шагом, забыв о сне и пище. Но, опять же, вряд ли им доверили следить за всем дворцом. По нему, так-то, и Правитель ходит!

— Можно запустить дым в комнату, — предложила Эйра. — Черный-черный и густой. Вы же малышей обратно отправлять будете?

— Им вначале нужно переварить съеденное, — проворчал Гамильтон, — маленькие еще, чтобы в себе проносить частички иного мира. Утром будем переправлять.

По моим ощущениям, утро должно было наступить уже через пару часов. А у меня даже рубашка не приготовлена!

— Можешь мою взять, — щедро предложил Марон, — у меня все отглажены и накрахмалены!

— Мне кажется, прийти на Испытание Невинности в чужой рубашке мужского кроя будет немного неуважительно, — задумчиво произнесла Эйра. — Но, быть может, мне это только кажется. В столице так много странных запретов. Представляете, нельзя прыгать по крышам. От стражи убежать тоже нельзя. Но я думала, что мы играем.

— Штраф? — с сочувствием спросила я.

— Штраф, — вздохнула Эйра и оживилась, — я запускаю черноту, вы проносите малышей. Я убираю черноту и мы сидим, пьем чай в окружении щенком. Это будет готовое алиби — типа, полвечера болтали, малыши были при нас. Все равно все знают и про твоего компаньона и про его родичей.

Так и сделали. Правда чай пришлось готовить тоже в темноте — иначе бы не получилось притвориться, будто мы уже давно так сидим.

— А у вас старательная сестра, — Эйра повела плечом, — чувствую чужой взгляд. Как мурашки по коже.

— О, так вот что это, — оживился Гамильтон, — а я на блох грешил.

Он возлежал возле сладко сопящей щенячьей кучки, из-под которой выглядывал краешек портьеры, которую сорвал Гамильтон. Или не портьеры? Я, признаться, не рассматривала, что именно он притащил, но... Откуда на портьере столь богатое золотое шитье?!

Прикрыв глаза, я принялась восстанавливать в памяти интерьер дворца невест. Мы входим сквозь центральные двери и попадаем в огромный пустой зал. Напротив дверей широкая мраморная лестница с просторной площадкой, от которой вправо и влево идут две другие лестницы. Направо — комнаты невест, налево — музыкальная гостиная, библиотека и что-то еще. Портьеры висят либо розовые, либо белые. Весь дворец выполнен именно в этой гамме. Что же притащил Гами...

Там, на возвышении, между двух лестниц висит ростовой портрет экс-Правителя и огромное полотнище государственного флага. А под портретом стоит стеклянная витрина, внутри которой покоится брачный венец. Этаким сыр в мышеловке, ведь победительница отбора будет одарена именно им.

— Ладно, — Эйра хлопнула в ладоши, — хочу спать. Увидимся через пару часов.

Она легко поднялась и выпорхнула из комнаты. Я же, мрачно глядя на краешек богато украшенного флага, не знала, как сказать друзьям, что мы в глубокой... Что мы влипли.

— Мне пришел в голову эскиз бального платья, — я протянула руку, — Тина, дай, пожалуйста, твой блокнот.

— *Тебе* пришел в голову эскиз? — оторопел Марон.

Но едва лишь я коротко и емко описала нашу ситуацию в двух карандашным предложениях, он кашлянул и слабым голосом произнес:

— Будем шить.

У Тины дергался глаз. Если за кухню мы можем просто выплатить штраф — причем штраф придет в баронство и леди Фоули-Штоттен не будет возможности не оплатить его, то за порчу государственного флага нам полагаются работы на благо общества. А за злостную порчу — тюремное заключение. И вот вопрос, оторвать флаг от стены, сгрузить на него спящих щенков чужого мира и протащить их на нем сквозь пол дворца — это злостная порча или так, облегченная?!

— Надо ложиться спать, — я показала Гамильтону запись и он виновато вздохнул.

Уйдя в свою спальню, я оставила дверь открытой. Так что мой беспокойный сон был прерван слабым призрачным светом. А после в спальню вошел Гамильтон:

— Эштон благодарит тебя за подарок — твой плед они повесят в своей игровой комнате. Им очень приятно, что ты вышила их для него.

Спросонья я не сразу сообразила, о чем он говорит и какой плед я кому вышила. После, поняв, что следы преступления переправлены в мир-сателлит, я медленно выдохнула и спросила:

— А ты не надорвался?

— Немного, — честно признался Гамильтон, — ты вложила в него очень много сигнальной магии.

— Я просто хотела, чтобы никто не смог его украсть, — на ходу соврала я.

— А я чуть не помер, пока переправил подарок. В любом случае, сейчас по мне блохи не бегают, — это он добавил особенным тоном. После чего зевнул и вяло проговорил, — я спать. А ты вставай, через полчаса рассвет.

Вставала я так, будто мне не почти двадцать, а не менее ста восьмидесяти и магия уже покинула дряхлое тело — поясница ныла, шею заклинило, на ноги не наступить, да еще и плечом о косяк ударилась.

— Надеюсь, это худшее, что со мной случится за этот день, — проворчала я.

И вытащила несколько сорочек, из тех, что надеваются под платье. Под требования подошли только две и именно они были измяты!

— О, ты уже встала? — моя сонная подруга заглянула из гостиной в спальню, — выбираешь? Марон со вчера тебе рубашку оставил. На всякий случай. А то эти все мятые, а у него воротничок стоит и кружева есть.

— И пуговицы, — напомнила я, — а ничего нельзя. Я могу погладить вещи. Могу.

Тина нахмурилась, я взмахнула руками и...

— Мать моя собака, — прошипела я и крикнула, — Тина! Воду!

Сорочка задорно горела, мы метались вокруг нее, а на кровати мерно храпел Гамильтон. Достойное начало дня, как по мне.

— Так пойду, — решительно произнесла я. — А то мало ли кто-то расстроен, а тут я в мятом.

— Если бы у меня были проблемы с невинностью, то чужая мятая сорочка не сделала бы меня счастливой, — с сомнением произнесла Тина.

— Потому что ты — нормальный приличный человек, — зевнула я и подошла к окну.

За окном было холодно, а на траве поблескивала роса.

— Так, где-то у меня был халат.

Папин тяжелый лохматый полосатый халат. Очень теплый. И его же тапки.

— Ты не думаешь, что это тоже самое, как прийти в мужской рубашке? — спросила подруга.

— Не, это ж папин халат. И потом, к проверяющим я выйду как положено — босиком и в сорочке, — отмахнулась я. — Пойдешь со мной? А то жалко халат на землю бросать.

— Куда ж я денусь, — философски вздохнула подруга. — Дай только оденусь, а то и правда прохладно.

5.10

Прежде чем уйти, я заглянула в спальню. Гамильтон сильно уменьшился в размерах, его шерсть потускнела, а на простыне, рядом с носом, было несколько капель крови.

Присев рядом, я осторожно провела рукой по впалому боку. Все будет хорошо. Жаль, что моя магия не подходит ни для кого живого.

Выскользнув из спальни, я наметила себе смотаться в город. Дар проснулся, а значит можно натащить страдающему компаньону гору вкусняшек.

Так что, когда за нами явилась сестра Мирта, я уже чуть ли не подпрыгивала от нетерпения.

— Вы идете так? — обреченно уточнила она.

— Разумеется, — отрезала я и подпихнула ее к выходу, — давайте-давайте, раньше начнем раньше закончим! Доброе утро, Эйра.

— До-оброе, — оборотница зевнула. — А ты чего, мерзнешь?

— Мерзну, — вздохнула я.

— Грустно, — посочувствовала мне оборотница.

Она шла босая, простоволосая и в настолько крошечной сорочке, что покраснели даже Божьи Сестры, сопровождавшие остальных невест.

— Ты кого-то хочешь соблазнить? — спросила я и дернула ее за укороченный подол.

Мне, к слову, даже нагибаться для этого не пришлось.

— Та не, — отмахнулась Эйра, — сказано без украшений, рюш, магии — а откуда у меня такая пакость?! Нет, чтобы предупредить заранее.

— Просто кто-то думает, а кто-то нет, — пропела Лилиана Морей и обошла нас.

Мы же с Тиной синхронно выдохнули:

— Скандальненько.

Все давно привыкли к тому, что у оборотниц своя мода. Но что дозволено двуликим девушкам, никогда не будет позволено остальным. А тут...

Нет, Морей не рискнула играть с длиной. Но прозрачность ее приталенной ночной сорочки была все оборотнические рекорды.

— Интересно, как она выглядит спереди? — тихо спросила Тина, — я не успела рассмотреть.

— Морей! — рявкнула Эйра, — твоя заколка?!

Леди Морей резко повернулась и прищурилась:

— Что за бред?!

— А, нет, это шишка, — оборотница отбросила в сторону какую-то подобранную с земли мелочевку, — прости, показалось, что это твое.

— Самое интимное не просвечивает, — Тина почесала кончик носа, — она думает, что Правитель настолько изголодался по женскому телу, что бросится на первую же доступную леди?

Волна смешком долетела до идущей впереди Лилианы, но сама фраза осталась для нее секретом. Пока секретом. Наверняка найдется доброжелатель, который передаст первой претендентке слова Тины.

— Думаю, это моя вина, — призналась я. — Леди Илзерран исследовала нашу с Гамильтоном печать, через сорочку, разумеется. И вошел Правитель. Получилась довольно смущающая ситуация, а после я слегка подколола этим Лилиану.

— Вот она и решила показать, что ее *яблочки* не хуже твоих? — хохотнула оборотница, — так и я могу показать!

Я скосила взгляд на свои яблочки, потом на Эйру и пожала плечами:

— Ты и в одежде выигрываешь.

Оборотница довольно приосанилась и чуть вздернула подбородок:

— Это у меня от маменьки. Вот гады, такую полянку испортили!

Проследив за взглядом Эйры, я сочувственно вздохнула. Для ее расы невозможно видеть траву превращенную в камень!

В центре окаменённой поляны ярко полыхали три жаровни, от которых ввысь стремился сизый дымок.

— Первое Испытание девяносто восьмого отбора невест начинается, — четко произнесла леди Илзерран.

Она, как и остальные невесты, была одета лишь в белую рубашку. Ее тоже будут проверять?!

— Курировать отбор может лишь чистая душой и телом женщина, — шепнула Эйра, видя, что я никак не могу отвести глаз от драконьей жрицы. — Не представляю, как она живет.

Я поежилась, и плотнее закуталась в папин халат. Спишу холодок, скользнувший по спине, на ветерок. Не буду думать о том, насколько сильно род Илзерран презирал окраинную аристократия.

«Подумать только, обречь дочь на одиноч... Не думай об этом, Вильгельмина», я цыкнула сама на себя.

— Вильгельмина Фоули-Штоттен, — первой вызвали меня. — Имеется печать связи с компаньоном из мира-сателлита и привязка

артефактного клинка.

Вздрогнув, я сделала первый шаг. Ну, будем надеяться, что подол они мне заворачивать не будут. А то могу и клинок призвать!

5.11

Скинув с плеч тяжелый халат, я вышагнула из теплых тапочек и шагнула вперед. Окамененная трава неприятно покалывала ступни и я, недовольно нахмурившись, ускорила шаг.

— Встаньте здесь, — прошелестел жрец.

Он, в отличии от невест и леди Илзерран был нормально одет. И обут.

Вот только... Где же правящая семья? Озираться по сторонам как-то глупо, да и какая разница, здесь они или нет.

Переместившись туда, куда указал жрец, я боковым зрением заметила Правителя. Он смотрел прямо на меня и чему-то улыбался.

Немного подумав, я перебросила тяжелую копну волос вперед, на грудь. Не уверена, что он что-то видит, но пусть уж гарантировано ничего не видит!

Жрец начал бормотать привычные славословия в сторону Богов, а через мгновение ко мне потянулись дымные струи.

Звяк! Бздыннь! Ш-шурх-х!

— Леди Фоули-Штоттен! — раненной волчицей взвыла леди Илзерран, — что это?!

— Моя вещи, — я пожала плечами, — ножны клинка находятся в Безвременье, вот я к ним пару мешочков и привязала. Очень удобно.

На самом деле было очень неудобно — поверх всех моих вещей вольготно расположился зеленый от плесени хлеб и початая бутылка вина. Причем я никак не могла вспомнить, откуда она у меня взялась. С моими-то взаимоотношениями с алкоголем!

Блеснул свет и мне удалось прочитать витиеватую надпись. Руарданское. Точно, Гамильтон настойчиво утверждал, что у нас должна быть еще одна бутылка!

— Девушка невинна, — глубокомысленно изрек жрец и добавил, — превосходный выбор. А вот хлеб советую выкинуть.

— Вы не должны объявлять это вслух, — прошипела драконья жрица.

— Благодарю, — я чуть поклонилась и одним движением загнала вещи обратно в Безвременье. — Я должна остаться или могу уйти?

— Идите, леди Фоули-Штоттен, — леди Илзерран устало махнула рукой, — идите, куда хотите.

— А можно я следующая?! — выкрикнула Эйра, стоило мне только отойти от центра полянки, — я тоже хочу пойти куда хочу!

Скоренько впригнув в тапки и завернувшись в теплый халат, я поспешила ко дворцу. Во-первых, меня ждет кусочек тепленькой постельки. А во-вторых... А ну-как передумают?! И стоять зевать до конца досмотра! А мне, между прочим, не очень-то и интересно.

— Правитель не сводил с тебя глаз, — на ходу прошептала подруга, — а Морей не сводила глаз с него.

— Ждала, пока он ее яблочки увидеть, — прыснула я.

— Да крыжовничек там, — отмахнулась Тина, — что я, работу мага-косметолога не отличу? Это же моя мечта, надувай людям все, что надувается и сдувай то, что сдувается. И для хлебушка всегда будет масло, колбаска и белое Руарданское.

— Не думаю, что там все так просто, — хмыкнула я, — но идея хороша.

— Ну конечно не просто, — вздохнула Тина, — это я просто не выспавшаяся и злая, вот и ворчу. Так-то очень хорошая профессия. Скольким воинам она жизнь улучшила? Я бы хотела заниматься сведением шрамов. А то красивое делать еще более красивым скучно.

Мы добрались до покоев и разошлись по комнатам. Гамильтон так и не увеличился в размере, так что я, хоть и не без опаски, легла рядом. Потрогала нос, почесала за ухом и поцеловала в лоб.

— Рано, — сонно проворчал он, — рано.

Фыркнув, я провалилась в короткий сон без сновидений, чтобы встать уже через три часа. Увы, отбор начался и больше не получится отсиживаться в своих покоях!

Но, как выяснилось, я зря настраивала будильные чары — одновременно с ними в комнату влетела леди Илзерран. Она бросила на кофейный столик увесистый холщовый мешок и умчалась, левитируя еще несколько десятков таких же.

— Никуда не выходить!

В мешке обнаружился каравай белого хлеба и круг чесночной колбасы.

— Я это все, конечно, люблю, — задумчиво произнесла я, — но, кажется, от невесты не должен исходить колбасно-чесночный дух?

— На тебе крест поставили, — прочавкала Тина и выразительно поворачивала глазами.

— Я догадалась, — в тон ей отозвалась я.

Понятно, что это все последствия ночных шалостей щенков. Но... чеснок, серьезно?

А паника, тем временем, нарастала. К нам забежала Эйра и, сверкая глазами, поделилась подслушанным — неизвестный вандал уничтожил кухню и украл государственный флаг, украшавший площадку центральной лестницы. В процессе хищения флага пострадал портрет экс-Правителя страны.

— Рама расколота, — возбужденно шептала оборотница, — и четыре рваные полосы через все полотно!

Я нервно кашлянула:

— Какой кошмар.

— Да-а, — протянула Эйра, — эх, если бы мы вчера не сидели у тебя, то могли бы что-нибудь увидеть!

— И получить четыре полосы через все полотно, — возмутился Марон, — если вандал не пожалел портрет и флаг, то нас и вовсе мог уничтожить.

Тина же, побледнев, явно представляла себе кострище. Я же была абсолютно спокойна. Было бы нас за что казнить-изгонять, уже бы пришли и казнили, и изгнали. Или чихран бы собирать отправили.

— Может нас переселят в основной дворец? — размечталась Эйра, — там такие оружейные залы! А уж тренировочный полигон, м-м-м, мечта.

— Главное, чтобы отбор не отложили, а то зависнем в статусе недо-невест, — вздохнула я.

И оборотница поморщилась:

— Тебе тоже колбасу с чесноком принесли?

— Прости, — я смутилась.

— Да ничего, — она плечами пожала и аккуратно пересела. — Ничего.

5.12

Ушла Эйра так же быстро и неожиданно, как и пришла. Я в этом виню чесночный дух — тонкому обонянию оборотня, вероятно, было непросто это выдержать.

Через несколько минут из спальни вышел Гамильтон. Не могу сказать, что выглядел он так же превосходно, как и всегда, увы. Однако он мог ходить, зевать и...

— Сейчас бы бокал вина.

И требовать выпивки.

— Белое руарданское, — пафосно провозгласила я и выдернула из Безвременья плесневелый хлеб.

— Спасибо, — грустно сказал пес, — премного благодарен. Но, пожалуй, все-таки откажусь.

И он медленно опустился на пол, укладываясь точно по центру ковра. Так, чтобы никто не мог его обойти и чтобы все перешагивали.

— Извини, — смутилась я и вновь потянулась к Безвременью. — Вот, держи.

— Они лежали рядом? — подозрительно спросил приободрившийся пес, — я думал, Безвременье потому и Безвременье, что там нет времени. Но...

А я, тяжело вздохнув, призналась:

— Я его туда таким и засунула. Когда объявили внезапную проверку комнат в общежитии. Там где-то еще должен быть куриный скелетик и мышиный. У меня был план сотворить новую химеру, но проверка сбила все планы.

— А после проверки? — удивился пес и потребовал немедленно налить ему вина в бокал.

— А после я забыла.

Сотворив бокал, я взялась было за пробку, но Гамильтон, понутив голову, робко заметил, что он как бы не придирается, но почему у бокала ножка такая некрасивая?

В общем, удовлетворил его только пятый бокал.

— А трубочку? — обиженно спросил мой компаньон, а я, сдержанно улыбнувшись, сотворила ему требуемое и вежливо уведомила привереду:

— Если что-то не нравится, можешь свернуть себе ухо в трубочку и пить через него.

— Легко обидеть больного пса, — посетовал он и присосался к вину.

Я же думала о том, что стоило бы и правда открыть переход на рынок. И погуляем, и комнату проветрим, и провиантом запасемся. Сухомяткой питаться неохота, но если грамотно подойти к вопросу, то в парке можно сварить походную кашу. Я видела как обрезают кусты, значит, будет что зачаровать на долгое горение.

Но моим осторожным планам не дано было свершиться. В дверь, без стука, вломилась сестра Мирта и, зло сверкая глазами, сообщила:

— Я знаю, что это ваших рук дело! Немедленно идите и признайтесь!

— В чем? — удивилась я.

— В том, что это вы украли флаг и искалечили портрет.

— Не мы, — уверенно произнесла я.

Сестра Мирта обвела нас взглядом и запнулась на Гамильтоне:

— Он что, еще и пьет?!

— А что я, не человек что ли? — возмутился мой компаньон, — к тому же, это не абы что, а белое руарданское. Того самого урожая, если вы способны понять о чем я.

Сестра Мирта смутилась, а Гамильтон торжествующе усмехнулся. На его выразительной морде эта ухмылка смотрелась особенно обидно.

— Из-за вас все переезжают в закрытое крыло основного замка, — прошипела Божья сестра самым не божественным образом. — А оно, между прочим, закрыто с того самого момента, как умерла супруга экс-Правителя!

— С того самого момента, как экс-Правитель стал экс-Правителем, — занудным тоном поправила ее Тина, — потому что экс-Правитель дошел до того, что в покоях супруги поселил веселую девицу из столичного кабака. И дозволил ей носить платья почившей леди.

Божья Сестра дернула плечом:

— Это было в один временной промежуток. Плюс-минус пара-тройка месяцев.

— Вы не способны сопереживать, верно? — с горечью спросила я. — Вы не способны даже представить каково это, видеть вещи родного отца на чужом, мерзком мужике!

Сестра Мирта недоуменно моргнула:

— А причем здесь чужой мужчина? Впрочем, не важно. Важно то, что одни вы в этом виноваты. И вам и ответ держать! Остальные считают, что во дворец проникли порождения иного мира. Мертвого мира!

— Сестра Мирта, — я устало на нее посмотрела, — пожалуйста, идите туда, откуда пришли. Вас, кажется, подсматривать поставили, а вы

общаться лезете. Не надо так.

Она гневно фыркнула, пожелала мне проиграть самым позорным способом и вышла, преизядно хлопнув дверью.

— Деревенщина, — фыркнул Гамильтон и особенно мерзко хлюпнул вином, — долейте несчастному псу.

Долив ему вина, я задумалась над тем, чтобы и правда сходить к драконьей жрице. Она не выдала нас с Гамильтоном и, быть может, стоит ей намекнуть на то, что порождений мертвого мира здесь не было?

Просто, помимо обыкновенной честности и порядочности, если сюда притащат настоящих спецов и потом выяснится, что вместо тварей мертвых миров были вполне себе живые щенки... Не хочется мне встретиться с огорчением настоящих боевых магов!

— Вечно тебе твоя больная совесть жить спокойно не дает, — зевнул Гамильтон, правильно прочитавший выражение моего лица.

— Я просто очень хорошо понимаю, что сейчас чувствует Правитель. Одно дело открыть закрытое для жены — это традиция, никуда от этого не деться. И совсем другое дело пустить туда целую толпу девиц.

Одернув платье, я решительно вышла в коридор. Нужно идти сейчас, если промедлю — передумаю.

Но чем ближе я подбиралась к комнате драконьей жрицы, тем страшнее становилось. Все-таки осквернение государственного флага, это...

"Это можно списать на помощь существам из дружественного мира-сателлита", успокоила я саму себя и решительно постучала в дверь.

— Войдите, — рявкнули с той стороны, — сколько можно стучать?! Вы так весь день будете...

— Здравствуйте, — робко произнесла я, глядя, на всклокоченную леди, — а я первый раз пришла.

— Вы — да, а бестолковые безмозглые придворные маги — нет, — вызверилась она. — Чем могу помочь?

Глубоко вдохнув, я медленно выдохнула и осторожно произнесла:

— А если я точно знаю, что порождений мертвого мира...

— Были, — перебила меня леди, — не в кухне. И не на лестнице. Просто эти факторы оказались очень удобным прикрытием.

— Уф, — я выдохнула.

— Вы могли погибнуть, — серьезно добавила леди Илзерран, — попробуйте думать, прежде чем делать.

— Я думала, — горячо произнесла я, — очень сильно думала.

— Тогда попробуйте не думать, — усмехнулась драконья жрица и добавила, — идите. И... Я впечатлена вашей честностью.

— Сп-пасибо, — я выскочила за дверь и услышала невнятный мужской голос.

Интересно, кто там был?

"Вот бы и леди Илзерран обрела личное счастье" пожелала я, не думая о том, хочет ли драконья жрица что-либо обретать.

5.13

Вернувшись в покои, я немедленно открыла портал в окрестности лесного домика и объявила, что Гамильтон хочет гулять.

Пес, дососавший вино, грустно вздохнул и без энтузиазма подтвердил, что да, он хочет гулять.

— И не в этот ваш парк, где ухоженная травка ласкает лапки, а куда-нибудь в лес. Где валежник, камни, грубые еловые иглы, — он трагично вздохнул и, поднявшись, дернул шкурой, — загоню и завалю какого-нибудь зайца.

— Отлично, — я хлопнула в ладоши. — Нарушать правила отбора очень плохо и у меня сердце кровью обливается, но раз мой компаньон хочет гулять, то все пойдут гулять!

И я начала выпихивать друзей через портал. Тина только руками всплеснула, попыталась что-то сказать, но слушать ее я не стала.

И уже в лесу узнала, что она босиком.

— Мы не надолго, — утешила я подругу. — Во дворец проникла настоящая тварь.

— Мы это и так знали, — Марон закатил глаза, — я так точно леди Морей заметил еще в музыкальной гостиной.

Тина хихикнула, а я очень укоризненно на них посмотрела:

— Вообще-то я про настоящую тварь мертвого мира. Мы чудом разминулись с ней той ночью. Наши выкрутасы известны драконьей жрице и она им даже несколько рада — никто не заметил реальных следов.

— Тварь в сердце страны?! — вытаращилась на меня Тина. — Может, это просто чья-то дурная шутка?

— Леди пришли побеждать, — напомнила я, — на кону власть, богатство и...

— Вкусная еда, — подсказал Гамильтон.

— Вкусная еда, — повторила я за ним. — Если бы кто-то убил одну из невест — логично. Если бы кто-то под покровом ночи изуродовал самых симпатичных — тоже нормально. Но тварь... Договориться с ними нереально, только взять под тотальный контроль. И то она вырваться может.

— Ну, взять тварь под контроль и отправить ее крошить невест направо и налево, — неуверенно предположил Марон.

— Ну-у, не знаю, — я потерла висок, — это может быть только сообщник, а не сама невеста.

— Почему? — удивился Марон и на его вопрос тут же ответила Тина:

— Потому что эманации мертвого мира остаются на маге. Пусть их сложно различить, но на рассвете невест проверяли на невинность. Про нашу Мину сразу предупредили — есть печать и есть привязка клинка.

— И все вещи на траву высыпались, — добавила я. — Вряд ли в подручных крылатой невесты будет ходить настолько сильный маг.

— Вот ведь репутация у рода Морей, — хохотнул вдруг Марон, — признавайтесь, все на Лилиану подумали?

Я только вздохнула. Подумала. Мимолетом, но ее образ возник перед внутренним взглядом. Вот только если на Лилиану падет хотя бы тень подобного подозрения... Дорога к трону будет закрыта. Что открывает простор для другой теории — некий недоброжелатель копает под леди Морей.

— Так, — решительно произнесла я, — не будем вдаваться в подробности. Мы знаем, что есть вероятность встретиться с тварью. Что это значит? Это значит, что ты, Гамильтон, призовешь Милтона и через него передашь свой запрет на перемещение к нам щенков.

Пес кивнул.

— А ты, Марон, перестанешь в одиночку по дворцу слоняться. Мы сюда не выигрывать прибыли, — я покосилась на домик, — зайдем? Или оставим ее в покое?

— Зайдем, — улыбнулась Тина, — нас ведь с окошка видно. Некрасиво получится, если постоим-постоим и молча уйдем.

5.14

Мы поднялись по крылечку и Тина с удивлением отметила, что оно не скрипит. Постучали и, получив приглашение, вошли.

— А тут все изменилось, — выдавила я, глядя на обновленную избушку.

— Мне помогли, — Делия встала из-за стола и мне оставалось только восхищенно присвистнуть: изнеженная принцесса исчезла, уступив место уверенной в себе окраинной колдунье.

— Как?!

— Я выбралась в город пополнить припасы, — Делия сноровисто готовила чай, — и наткнулась на немолодого мага, что искал себе молодых магов. Ему нужен был парень, чтобы заряжать настенные орудия и девицы, из которых он решил создать передвижной лекарский отряд.

— Дядька Митар, — восхищенно выдохнула я.

— Господин Митар Дардари, — кивнула Делия, — он расписывал прелести жизни на Окраинах так, что я соблазнилась. Все равно нужно искать свое место в жизни.

— А я думал, что ты хлебнешь самостоятельности и вернешься в Империю Штормов, — зевнул Гамильтон и пояснил, — видел такое у молодых с-самок.

— Так бы и было, — Делия поставила перед нами чашки с горячим чаем, — если бы было куда возвращаться. Видишь ли, мало того, что я не хочу замуж за темного герцога. Еще и он не хочет незаконнорожденную принцессу. Ему обещали мою сестру, сокровище рода рожденное в честном браке. А после того, как он выполнил свою часть уговора, наш отец воспользовался лазейкой и отдал ему меня.

— Я так понимаю, там не в любви дело, — Тина сочувственно посмотрела на Делию.

— Да какая уж там любовь, — отмахнулась та, — одна сплошная выгода. Неважно. Господин Дардари помог мне здесь и через неделю я уезжаю с его отрядом и еще тремя девчонками. Подмастерье он не нашел, но может я смогу его убедить, что мне лучше орудия заряжать.

Я с сомнением посмотрела на тонкую черноглазую имперку и честно сказала:

— Во-первых, тебя окутают таким количеством клятв, что у тебя язык устанет их произносить. А во-вторых, орудия требует очень много силы.

Мой отец за один день мог зарядить все, но после этого он неделю кашлял кровью. Я могу их заряжать по одному в день, а после еще две недели лежу в постели.

— Императорский род славится своими магами, что женщинами, что мужчинами, — Делия криво улыбнулась, — я подходила герцогу по всем статьям, кроме происхождения. Он счел, что жениться на диком овсе недостойно. А вот сказать это моему отцу в лицо не смог.

— Он бы отыгрался на тебе, — проронил Марон, — ты правильно сделала.

А я, задавив внутреннюю жабу, отсыпала Делии десяток золотых.

— У меня есть деньги, — запротестовала она.

— Оставь их дочерям на приданое, — посоветовала я. — Пойдешь менять имперские монеты — привлечешь к себе внимание.

— Почему? — удивилась она, — это ведь столица!

— И что имперцам делать в нашей столице? — с интересом спросила я. — Иль-доратан огромный рынок, где твои монеты никого не удивят. Но здесь... Здесь не каждый меняла согласится взять их.

Она сгребла монеты:

— Спасибо. Я верну, как только смогу.

— Заряжай орудия, пока меня нет, — фыркнула я. — Дядька Митар наш главный маг, он привезет тебя в мое баронство.

— Женщина может возглавить баронство? — поразилась Делия.

— Когда ей исполнится тридцать, — кивнула я. — Никто, наверное, не подгонял годы так, как я. Удачи тебе, Корделия Мортифера. Пусть Окраина примет тебя как родную.

Поставив опустевшую чашку, я поднялась из-за стола. Было немного завидно. Хотелось бросить все, сбежать к дядьке. Готовить по дороге кашу, слушать байки боевых магов и предвкушать свое возвращение.

Только некуда мне пока возвращаться. Надо закончить дела в столице, а там может и Тину смогу с собой сманить. Светилу лекарской науки надо ведь на ком-то руку набивать!

Глава 6

А во дворце невест нас ждал поспешный переезд. Сумрачные, деловитые слуги собрали все наши вещи и теперь дожидались нас.

— Там, снаружи, кареты, — Марон сбегал в свою комнату, окна которой выходили на подъездную аллею, — как будто нас совсем выселяют.

— До замка идти несколько часов, — буркнул один из слуг, — леди столько не пройдут.

— Это смотря какая леди, — хмыкнула я, вспоминая свое детство и долгие пешие переходы с отрядом отца.

Гамильтон, шумно сопя, пошел проверять оставляемые нами комнаты. И, учитывая, что нюха у него нет, он явно шел по оставленным заначкам. Увы, у нашего Генерала некоторые замашки были типично псовыми. Только вот прятал он еду хоть и в собачьей манере, но с использованием по-человечески острого разума. А потому, даже когда сокрытое начинало гнить и вонять, найти схрон не удавалось. Тогда мы либо проветривали, либо кололи пса. А колоть его трудно — сопротивляется допросу профессионально!

Так или иначе, а уже через час мы осматривали новые покои. И немного посмеивались — из-за Марона мои покои больше, чем у Лилианы Морей. А все потому что у меня у одной мужчины в свите.

— Два мужчины, — сердито поправил меня Гамильтон и зевнул, — мебель фуфло.

С трудом сдержав смешок, я порадовалась, что никого нет рядом. Увы, для моего компаньона все, что имеет изящно-резной стиль является пресловутым «фуфлом». А все оттого, что когда под ним сложился прекраснейший тиармиранский стул.

Вот и эту гостиную, нежно-зеленую с вкрадчивой цветочной розовинкой, он забраковал сразу. Ведь стулья были тонконого-изящны, а на софу и вовсе присесть страшно, так она изогнута, так много на ней резьбы.

Да и стеклянный столик на витой ноге не внушает доверия. Псу, не мне.

— Ваши платья превратились в бусины, — из моей спальни вышла невысокая девушка.

Так я поняла, что наш разговор все же кто-то слышал.

— Ничего, раскрою их назад, — я пожала плечами. — А вы...

— Я Тиссия, подай-принеси, — она пожала плечами, — нанята на время отбора. Если желаете, можете оставить меня при вашей комнате.

— А ты еду носить умеешь? — облизнулся пес.

— Носить еду, гладить и чистить одежду, топить камин.

Мы все перевели взгляд на маленький, покрытый эмалью камин. Эта крошка горит?!

— Туфли могу начистить, — она продолжала перечислять свои умения. — Всем.

— А к чему это уточнение? — прищурилась я.

— Так платят только за крылатую невесту, — честно ответила она. — Но надбавка такая, что можно и когти компаньону алмазной пилкой подровнять.

Тина уперла кулаки в бока, потом вспомнила, что не хочет походить на свою мать, и убрала руки за спину:

— И где гарантия, что ты не подослана никем?

Тиссию же это не смутило:

— Все слуги давали клятвы не злоумышлять против крылатых невест. Опыт прошлых отборов создает правила для последующих.

— Что ж, добро пожаловать. Нам нужно не так и много, обувь мы чистим магией. А вот камин и вечерний перекус — святое.

— Вот этот колокольчик, — она кивнула на фарфоровую безделушку, стоявшую на каминной полке, — передает сигнал на мой браслет. Браслет снимется либо после отбора, либо после моей смерти. Или вашей. Да. Это я к чему? А! Это я к тому, что услышу вас в любое время дня и ночи.

А я подумала, что колокольчик надо прибрать, иначе Гамильтон загоняет девицу. Он у нас такой, немного привередливый.

— Вот хвостом чую, что ты опять плохо обо мне думаешь, — фыркнул пес.

— Не думаю, — я улыбнулась, — просто пусть при мне будет. Так, у нас свободный день сегодня, как я понимаю.

— Да мы и до этого не напрягались, — усмехнулся Марон.

Конец дискуссии положила Тиссия:

— Как это? Через сорок минут все собираются Митуарской гостиной. Чаепитие в присутствии Правителя, а после жребий — кто будет первым проходить второе Испытание.

— Зато скучно не будет.

— Я потому и переживала за ваши платья. Надо же скорее переодеваться, — Тиссия выразительно посмотрела на подол моего

платья.

А что с ним? Немного пыли, немного земли и пара травинок. Щелчок пальцами и платье вновь первозданно чисто!

— Великолепно, — выдохнула Тиссия, — и ткань даже пятнами не пошла. Ваш наряд шили без магии, леди Фоули-Штоттен. За сколько же лет вы начали готовиться к Отбору?

— Я... Мне повезло.

— Вы не знаете?! — Тиссия выглядела шокированной, — к платьям, созданным с помощью магии, нельзя применять никаких заклятий. Могут швы разойтись, или цвет поплыть или вышивка отслоится.

— Она с окраины, там вся одежда шьется вручную, а после надежно зачаровывается, — усмехнулся Марон. — На чистоту, на крепость, на самоподгон.

— А-а, — протянула Тиссия, — даже не знаю, желать ли вам победы? У меня бабушка с Окраины. Так она в итоге деда бросила и назад вернулась, не понравилось ей в столице. Я пока маленькая была постоянно к ней ездила.

— А потом? — рассеянno поинтересовалась я, не зная, как отделаться от болтушки.

— А потом она погибла от голода, — бесхитростно ответила Тиссия. — Мама проклинала себя за то, что ничего не сделала. В других ведь провинциях люди еду собирали и телепортами отправляли.

А я смотрела на нее и не знала, как сказать, что тот провиант не дошел до окраин. Никто не стал переправлять пищу через порталы. Никто не верил. Ник...

— Это прошлое, — хрипло произнесла я. — Надо отпустить.

Тиссия, будто что-то поняв, пискнула, что зайдет за нами. И выскользнула за дверь.

— Мина?

— Я в порядке. Надо отпустить.

Проведя ладонью по платью, я все же решилась переодеться. Надо как-то привести себя в порядок, иначе на чаепитии я сотворю что-нибудь нехорошее.

_____ апд _____

Я приношу свои искренние извинения за то, что в роман был по ошибке добавлен кусочек от другого романа. И я бы рада объяснить, как это произошло, но не могу — в воспоминаниях все четко, открыла, загрузила, закрыла, открыла второй роман, загрузила, картинку добавила, закрыла.

6.2

Войдя в свою новую спальню, я вскользь оценила убранство — очень достойно, прежде мне в таких местах ночевать не доводилось — и подошла к горстке бусин. Выбрав одну из них, наугад, я вытащила из нее наряд. И поразилась тому, насколько он перекликается с моим настроением.

Серебристая парча, черно-золотая вышивка и несколько десятков хрустальных бусин, загадочно сверкающих мрачной ткани.

Вырез, правда, глубоковат. Там широко приоткрывать себя миру мне еще не доводилось, но... Приемлемо. Пупок не виден — уже хорошо.

Волосы я собрала в замысловатую косу и наколдовала себе несколько шпилек. Даже если прическа рассыплется, окружающие решат, что так и было задумано.

Не хватает украшений, но к этому платью не подойдет ничего, из того, что у меня есть. А драгоценные ленты уже использованы для косы.

— Ты идешь убивать? — это было первое, что спросила Тина, едва я вышла из спальни.

— Н-нет, — опешила я.

— Зря, — Тина потеряла кончик носа. — Это явно не просто платье, а Платье-для-свершений. У него есть характер, так что...

Я провела ладонью по ткани и спокойно сказала:

— Значит, мы друг другу прекрасно подходим.

— У меня есть браслет, — отмер Марон. — Простое черное серебро, надевается в три витка. Ты можешь использовать его вместо цепочки.

Гамильтон, подошедший к нам совершенно бесшумно, левитировал мне под нос подвеску.

— Получил по окончании последней войны, — бросил он небрежно, — тогда было можно украшать хвосты.

— Я не могу...

— Я ее не ценю, — пес смотрел в сторону, — пусть послужит чему-то хорошему.

Отказаться не получилось, да и не хотелось. Так и пошла я — с браслетом вместо цепочки и украшением для хвоста вместо подвеса. Вышло, кстати, очень красиво. Хотя и немного странно — черные алмазы подвешены на простое серебро.

За дверью меня ожидала Тиссия. Увидев меня, служанка забавно округлила глаза и выпалила:

— Ничего себе! Я думала вы другая.

— Это всего лишь платье, — усмехнулась я.

— Следуйте за мной, — она поклонилась и устремилась вперед.

Я же, вспомнив наставления леди Ауэтари, заставила себя идти неспешно.

«Вслушайся, как звучит твоя поступь. Избегай чрезмерного шума, но и не крадись. Ты — это ты, не вор, но и не цирковой артист. Леди сопровождает едва различимый перезвон драгоценностей и слабый отзвук соприкосновения когтей с поверхностью».

Я смеялась, но все равно следовала ее наставления. И сейчас, идя по коридорам совершенно чужого, незнакомого мне замка, меня сопровождал приятный шелест тяжелой, богато расшитой юбки и мягкий перестук каблуков. Кто бы ни творил обувь для Делии, он использовал смягченный сплав для набоек. А это еще только входит в моду.

Тиссия распахнула двери и громким, на удивление приятным голосом объявила:

— Шестнадцатая крылатая невеста, леди Вильгельмина Фоули-Штоттен!

— Это было обязательно? — спросила я, едва размыкая губы.

— Вы так великолепны, что мне захотелось похвастаться такой красивой госпожой, — Тиссия присела в глубоком поклоне.

А ко мне подскочил высокий мужчина в цветах правящего дома. Он, рассыпаясь в комплиментах, проводил меня к столику, за которым уже сидело две невесты, одна из которых была Лилианой Морей, а вторая ее очередной прилипалой-подпевалой. К сожалению, Эйра была далеко и за ее столом не было ни единого свободного стула.

— Нас разбавили чудинкой, — льстиво пропела неизвестная мне брюнетка. — Серое на черном, чтобы подчеркнуть вашу яркость.

Лилиана тонко улыбнулась, но свою подружку все же немного осадила:

— Добро пожаловать, леди Фоули-Штоттен. Не слушайте Мириам, она сегодня на всех сердита.

Мне полагалось ответить что-то витиеватое, что-то такое, что мол и не думала обижаться. Но я, сохраняя ровную осанку, просто отвернулась от них. Приветливо кивнула Эйре, рассмотрела зал и только после этого перевела взгляд на леди Морей:

— Леди Мириам стоило бы смирить свой норов, она одна из крылатых. И если Правитель падет жертвой ее красоты, то в анналы истории она рискует войти как... Например, «Несдержанка».

Насладившись тишиной, что возникла после моих слов, я добавила:

— Вы же помните, что у супруги Правителя нет статуса правительницы? Просто леди до свадьбы и после свадьбы. И только народная молва выделит ее как-нибудь по-своему. Мать нашего Правителя прозвали в народе Кроткой, а вот бабушку — Лживой. Причем в случае с последней, Правитель даже пытался штрафовать за использование этого прозвища.

— Мы не глупее вас, — выпалила Мириам, сверкнув на меня глазами.

— Мириам, — одернула ее Лилиана Морей, — благодарю за историческую сводку, леди Фоули-Штоттен.

— Обращайтесь, — улыбнулась я, — помогу, чем смогу.

6.3

Отвернувшись от них, я нашла взглядом стол, подготовленный для Правителя. Украшен он был точно так же, как и остальные столики — живые цветы, белоснежная скатерть и несколько хрустальных статуэток. Но было и отличие. Этот стол находился на небольшом возвышении, так что все мы как на ладони. Интересно, когда именно появится...

— Кристоф Ландеберт Рентийский, Правитель Азайи, — громогласно разнеслось по залу.

И, следом, чуть тише:

— С семьей.

«Обожаю наши традиции. Как только снял с головы корону — все, ты просто лорд со своей леди. Дулю тебе с маком, а не почести и славословия», хмыкнула я про себя.

И ядовито улыбнулась, поймав ошеломленный взгляд Его Незаконнорожденного Высочества. Интересно, у него заглохло в штанах?

Хотя на самом деле он мне был совершенно не интересен. Каюсь, я даже не уверена в том, что его зовут Индир Ландеберт. Гораздо интереснее, кто именно скользит рядом с Правителем. Тонкая женская фигурка окутана таким количеством скрывающих чар, что браслет на моей левой руке вот-вот оторвет мне кисть! И это при том, что сигналы о чарах неприметности я получаю постоянно и уже привыкла к этому отвратному ощущению.

— Добро пожаловать ко двору Азайи, — голосом Правителя можно было замораживать пламя.

«А его манерами можно напугать волка-оборотня», весело подумала я, глядя на вытянувшееся лицо Лилианы.

Почему она так удивилась? О, потому что лорд Рентийский просто сел и махнул рукой. Мол, начинайте. Кажется, Правитель откровенно пренебрег своими крылатыми невестами. Мне бы книжку, чтобы ответить тем же. Но, чего нет, того нет.

Однако же к чашке я так и не прикоснулась. Мне, в целом, понятно настроение Правителя. Равно как и ясно, что не мне с ним характерами меряться. Однако же я сижу к нему боком и вряд ли он смотрит на меня столь пристально, что...

— Вам не нравится этот сорт, леди Фоули-Штоттен?

А вот брату Правителя явно нечем заняться, и он глазеет по сторонам.

— Или этот чай недостаточно изыскан? Что пьют на Окраинах? — он продолжал, и его мерзкий голос разносился по всему залу.

Игнорировать его будет себе дороже. А потому я, поправив ушко чайной чашечки так, чтобы оно встало параллельно краю стола, кротко ответила:

— Спирт.

И осторожно, из-под ресниц, посмотрела на стол Правителя, откуда донесся полузадушенный смешок. Кажется, я развеселила всех, кроме принца-бастарда. Он выглядит озадаченным, что выдает его неосведомленность.

Те, кто знают специфику нашего края, поймут, что в «спирте» нет и капли алкоголя. Это спиртовые настойки полезных трав, из которых перед распитием магией извлекают градус. Это позволяет полностью и полноценно сохранить всю пользу от колдовских трав и, при этом, травники не трясутся над каждым пучочком, вывешенным в тени для просушки. С обычными травами, к сожалению, этот способ не работает.

Что интересно, с ответом принц-бастард не нашелся. А через несколько минут лорд Рентийский объявил вручение даров.

Неприметные слуги в серо-черных ливреях, цветах правящего дома, разносили футляры. Каждый из которых был именным и надежно зачарованным.

Свой я вскрывать не стала. Во-первых, леди Ауэтари вбила в мою голову, что вскрывать подарок при дарителе неприлично. А во-вторых, взгляд леди Морей был слишком жаждущим, она, мельком оценив свое украшение, не отводила глаз от моего футляра.

Понимая, что я не стану открывать без принуждения, Лилиана коснулась ладони своей подружки-прилипалы. И та, верно расценив намек, спросила:

— Вам не любопытно, леди Фоули-Штоттен?

— Умираю от любопытства, — равнодушно бросила я.

И вновь коснулась чашки. Скучно. Сидела бы с Эйрой, могли бы потравить забавные истории. Я когда-то развлекалась тем, что придумывала анекдоты про принца-бастарда. Говорят, некоторые ушли в народ и до глубины души оскорбили незаконнорожденного Рентийского.

— Так откройте же и оцените щедрость нашего Правителя, — проворковала Лилиана.

— Я верю в нашего Правителя без материального подтверждения, — отбрила я.

— Говорят, что чье-то украшение каждый раз будет особенным, — Мириам открыла свой футляр. — Именно так милорд Правитель будет выделять тех, кто ему особенно приглянулся.

И выяснилось, что у них с Лилианой подвески абсолютно идентичны — розовая жемчужина на белом золоте, окруженная бриллиантовой крошкой. Желание открывать футляр исчезло — не мои цвета.

— А вы не слушайте, — посоветовала я ей. — Не вам ли говорили, что следует волосы выкрасить в темный цвет? И как, понравилось?

И я выразительно окинула взглядом прическу Мириам. Сквозь ложный каштан пробивался ее родной русый, что превращало молодую девушку в старуху.

— Вы так сопротивляетесь, — прищурилась вспыхнувшая Мириам, — что это наводит на подозрение. Говорят, вы показали грудь Правителю. Не потому ли вы скрываете свой подарок? Рассчитываете на награждение?

Я смирила Мириам долгим взглядом, а после растянула губы в своей лучшей улыбке:

— Хотите на чайниках погадаю?

И, прежде чем идиотка успела ответить, я резко перевернула чашку, разбрызгивая ароматный напиток на нас троих:

— Чайники говорят, что вас ждет утомительное переодевание.

После чего я одним жестом очистила себя и скатерть от пятен чая и чинно сложила руки на коленях.

— Как ты собираешься жить после отбора? — с бессильной ненавистью прошипела Лилиана Морей.

— Прекрасно, — я пожала плечами и сунула проходящему мимо слуге опустевшую чашку, — Морей не всеильны, если дело касается Окраин. Мы помним. И не простим.

6.4

Думаю, леди Морей было что сказать. И я бы даже могла послушать, вот только за столом Правителя начало что-то происходить.

Прежде чем отвлечься, я взяла футляр с украшением и пихнула его в Безвременье.

Вначале был звук — нарастающий перезвон колокольчиков, весенняя капель, журчание лесного ручейка. Незатейливая мелодия набирала силу и оборвалась. Резко, неожиданно и... Следом появился цветной туман. Прямо над столом Правителя кто-то создал бутон чайной розы. Бутон такой большой, что внутри мог бы поместиться человек!

Бутон шевелился, как будто дышал, а через мгновение цветок расцвел и внутри действительно оказался человек! Или оборотень, тут непонятно.

Юная девушка соскользнула с лепестков прямо на стол и звонко представилась:

— Любимая сестра любимого брата, Адалинда Миртара, незаконнорожденная принцесса!

Лорд Рентийский встал, подал ей руку и помог слезть со стола. Девушка села, а он обратился к нам:

— Испытание Знакомством — вы должны представить себя так, как вам только что показала моя драгоценная сестра. Конечно, вы можете заготовить огромный список из ста пунктов и зачитать его нам, но... Наивысшую оценку получит тот, кто найдет для себя короткое и емкое предложение.

— Жаль, что других нельзя представить, — раздался мечтательный голос Эйры.

Ее утешила принцесса:

— Каждая уходящая леди оставляет свой след в альбомах с пожеланиями. Эти альбомы хранятся у леди Илзерран. Там же пишут всякие приятности ваши Божественные Сестры. И другие моменты, кто как прошел испытание. И, когда вы покинете нас, именно в альбоме будет написано почему было принято такое решение.

«О, представляю, что у меня написано», подумала я и улыбнулась, скорей бы прочитать.

Правитель распустил нас и я поспешила к друзьям. Повеселю их альбомом и озадачу представлением себя.

Здесь, в этом Испытании, я не могу пустить все на самотек. Как бы я сейчас ни веселилась, но есть вещи, которые дома понять и принять не смогут. Я могу выхватить клинок и сунуть его между ног зарвавшегося мерзавцу — мои люди только похвалят меня за это. Я могу проклясть половину Академии — мои люди скажут: «Сильный дар, надо подождать пока в разум войдет».

Но вот если я опозорю себя настоящую, свой род, свой край, свое имя — этого никто понять не сможет.

Рассказав все друзьям, я рухнула в кресло и прикрыла глаза.

— Хотелось бы видеть лицо Лилианы Морей, когда ты облила ее чаем, — восхищенно выдохнула Тина.

— Технически, я облила чаем всех и даже себя, — поправила я подругу, — никто не сможет сказать, что я сделала это специально. Все случайно — хотела погадать на чайинках, и забыла, что еще не выпила чай. Смутилась от высочайшего внимания принца-бастарда.

— Слу-ушай, а это же ты запустила ту шутку, — вспомнил вдруг Марон, — как там было? «Знаете, почему Индир Рентийский редко выходит в город? Потому что его постоянно забирает стража, ведь он незаконный!».

Фыркнув, я покачала головой:

— Нет, это кто-то другой постарался. Я уже не помню, что со злости навывдумывала, но точно не это. Ой.

— Что? — Тина подскочила, — тебя опять куда-то звали, а ты забыла?

— Нет, — я помотала головой, — Тиссия говорила, что мы будем тянуть жребий. Но нас распустили без объявления очередности!

Марон пожал плечами:

— Плохо себе представляю вытягивание жребия толпой девиц. Может вам в футляры записки сунули?

Вспомнив про украшение, я вытянула футляр и, чуть потрудившись, все же смогла его открыть.

— Ты говорила про розовый жемчуг, — медленно произнесла Тина.

А я смотрела на черный овал акронита, колдовского камня, на котором покоилась изящная серебряная туфелька.

— Ты у него с обувью ассоциируешься, — протянул Марон, — странно это.

Вот только эта туфелька по форме была один в один как та обувка, что он создал специально для меня.

Мы все дружно рванули в мою спальню, искать наколдованные туфли. И да, во-первых, они все еще не растаяли, а во-вторых, это были именно они.

— Знаешь, главное, чтобы он не вспомнил, как ты его обратно в Ильдоратан пихнула, — медленно произнесла Тина.

Марон же в это время потрошил футляр и, найдя там что-то, усмехнулся:

— А он уже. Наша Мина выступает первой. Завтра.

6.5

Подскочив, я выхватила из рук Марона злосчастный листок и вчиталась в летящий почерк.

— Ты не ошибся, — констатировала я и с отвращением отбросила письмо.

— Да, — Марон всплеснул руками, — представь себе, за пять лет обучения меня не только надрессировали колдовать, но еще и читать научили! А еще, вспыхивая ты наша, обрати внимание, что чернила не магические. Не иначе, как секретарь Правительства лично ручками писал, а не заклинанием бланки заполнял.

Тина прижала руки к груди и прерывающимся голосом предположила:

— А что если это сам Правитель писал?

Она тут же бросилась поднимать листок, бережно разглаживать заломы и причитать:

— И теперь он страдает от неразделенной любви. И от того, что не сможет жениться по любви. И...

— Что она последним читала? — шепотом спросила я, наблюдая за всей этой суетой круглыми глазами.

Марон нахмурился, вспоминая, и неуверенно ответил:

— Несравненная Иветта и тайный лорд?

— Тайны лорда Дербиора и маленькая леди Роуз, — отчеканила Тина, — и это прекрасный роман, в котором нашлось место и любви, и приключениям! А вы все — бесчувственные насмешники.

— Меня-то за что, — удивилась я, — мы с тобой одну библиотеку на двоих собираем.

Подруга чуть смутилась:

— Извини. Просто... Помните, в газетах опубликовали изображение указа, написанное лично Правителем? Это был его первый указ, тот самый, который невозможно отменить. Я его вырезала и храню. И вот почерк там один-в-один, как на этой записке. А первый указ Правитель всегда пишет сам, полностью.

Я же в этот момент судорожно пыталась вспомнить, когда это было и что это был за указ. Наш Правитель взшел на престол при весьма туманных обстоятельствах и, одновременно с этим, Совет Крылатых

получил ряд привилегий. Что и привело к целой волне насмешек и прозвищу полу-Правитель. А вот указ...

— Про развод, — Тина закатила глаза, — раньше только мужчина мог подать на развод, а женщина нет.

— Неправда, — возмутилась я.

— Ты свои Окраины со всей страной не путай, вы же присоединялись почти добровольно и ваши «окраинные уложения» перешли в категорию «культурные традиции, охраняемые законом». Действуют они только у вас, — терпеливо напомнил Марон. — А в остальной части страны все немного иначе. И в Иль-доратане, кстати, есть свои «культурные традиции». Там муж может привести домой любовницу, и жена будет обязана принять ее как дорогую гостью. Почести оказать.

— Какие конкретно? — заинтересовалась я, — проклятья и переломы?

— По-моему, она должна будет омыть женщине ноги и расчесать волосы, — Марон нахмурился, — но это не точно. Там все сложно, любовница не может постоянно жить в доме женатого мужчины и... Не помню я, правда. У меня же бабушка оттуда. Она в свое время сняла с себя все золото, все артефакты, распустила волосы и ушла босой. Если женщина в течение трех дней не возвращается в дом мужа, она считается разведенной.

Мы немного помолчали, а после Тина хмыкнула:

— Ну вот, даже в Иль-доратане женщина может подать на развод. Хотя способ, конечно, эпический.

А я, глядя на листок, который подруга так и прижимала к груди, вдруг поняла:

— Хочу кофе с розовым перцем. И ту странную конструкцию из разрезанной надвое булочки, сыра, соуса и мяса.

— Штормбур, — облизнулся Гамильтон и застучал хвостом по ковру, — уличная еда, пришедшая к нам из Империи Штормов. Недостойная, но вкусная, вкуснейшая пища.

— Кофе — напиток мужчин. Они же прямо-таки отказываются его готовить для женщин, — вздохнула Тина.

А я ткнула пальцем в Марона:

— А он нам для чего?

— Не знаю, — на секунду растерялась подруга, — мы же просто так дружим...

— Спасибо, — дурашливо поклонился Марон, — хоть кто-то дружит со мной просто так, а не в расчете на чашку кофе.

Тина, убрав отвлекавшее ее письмо в карман, встряхнулась и исправилась:

— Но кофе я тоже буду.

— Жестоко, — цокнул Марон.

— Какао с лавандовыми цветочками и облачной помадкой подают только девушкам, — напонила я.

— Вот поэтому я с вами и дружу, — засиял улыбкой Марон, — и, заметьте, я — умнее. Я выбрал двух подруг, что значит вдвое больше какао. А у вас только один я — что значит только одна чашка кофе.

— Два раза сходишь, — хором припечатали мы.

— Давайте уже пойдем?! — возмутился Гамильтон и облизнулся, — раздражили и стоят болтают!

— Нет уж, — возмутилась я, — дайте мне хоть переодеться. Это платье платком не прикроешь!

И, закрыв за собой дверь, я вдруг вспомнила Делию и ее окраинный наряд. А ведь и у меня есть такая одежда. Пусть уже пять лет мне не приходилось доставать тот уменьшенный тючок, но... Сегодня можно.

Легкая рубашка, темный корсет с крючками для скрытого ношения артефактов, облегающие брюки и приталенный удлиненный жакет без рукавов. Все надежно зачаровано и пропитано укрепляющими зельями. Эту одежду покупают раз и на пять-шесть лет, а не как столичные тряпки — пять раз вышла в люди и все, на перешив или и вовсе в лавку старьевщика.

Толкнув дверь, я вышла к друзьям. Марон и Тина тоже успели сменить наряды. Даже Гамильтон перекрасил узор на своем жилете. Но это он скорее поддавшись общему настроению.

— Вау, — выдохнула Тина, — мы тебя такую никогда не видели.

Сжав в пальцах порталную заготовку, я просто спросила:

— Все готовы?

— Жги! То есть, открывай, — рявкнул Гамильтон.

И через мгновение вокруг нас шумел столичный рынок. Гамильтон встал на задние лапы и принялся осматриваться. Штормбуры он очень уважал, особенно, если я вытаскивала оттуда листья зеленого салата. Увы, наш Генерал не любит растительную пищу.

— Пшел!

В воздухе свистнула плеть и мы все с немой шоком уставились на покорного пегаса, что тащил за собой груженую повозку. Тащил и покорно принимал все удары, сыпавшиеся на кремовую шкуру. Шкуру, что сейчас была испещрена ссадинами.

— Пшел, скотина! Быстрей!

Мужичонка, правивший повозкой, вскинул руку, свистнула опускающаяся плеть и я зашипела от острой боли. Щит не выдержал и плеть рассекла до крови мою подставленную под удар руку.

Секундная тишина и передо мной, оказавшейся у самой телеги, вырастает Гамильтон. Он увеличился в размерах и просто смотрит. Исполдбья смотрит.

И мужичонка бледнеем, лепечет невнятно:

— Ты чего, а? А они чего?

А мне не нужно оборачиваться, чтобы понять — Тина лечит пегаса, а Марон заговаривает ему зубы, чтобы он меньше чувствовал боль.

— Он ведь живой, разумный. Он ведь тебе лучший помощник — словами объяснишь и он поймет. К чему эта жестокость?

«И почему он это терпит», но об этом я спрашивать не стала.

— Мы все, — отрапортовала Тина и я, сбросив с руки окровавленную плеть, подошла к морде пегаса.

Он шумно вздохнул, обдав меня теплым дыханием.

А мужичок, немного расслабившийся, бросил мне в спину:

— Если ему что-то не нравится — пусть уходит. Другую лошадь найду.

Я провела рукой по гладкой кремовой шкуре. Минуту назад здесь цвели кровавые рубцы. И, готова поспорить, они расцветут вновь.

— Наш мир умирает, — проговорил пегас.

— Знаю, — я досадливо сморщилась.

— Мы вынуждены хвататься за любую работу, чтобы найти безопасное место для своих жеребят.

— Во-во, в моем сарае их трое топчется, — крикнул мужик.

Я обернулась на него, смерила долгим взглядом и задумчиво произнесла:

— У каждого из нас есть выбор, оставаться человеком или стать властолюбивой тварью. Вижу, вы свой выбор сделали.

Мужик поперхнулся воздухом, а я, коснувшись на прощание пегасей шеи, пошла вперед.

— Кто это? — услышала я за спиной.

— Одна из крылатых невест, — небрежно бросил Марон.

Пегас звонко заржал и в этом ржании я услышала обещание прийти, если позову.

Но звать мне их было некуда. Если бы я только могла найти для них безопасное место!

О. Великие. Боги.

— Штормбуры и кофе — потом, — я с прищуром посмотрела вслед повозке, — нам нужен привал.

— Да вроде не устали, — оторопела Тина.

— Таверна «Привал», — уточнила я.

6.6

Марон скептически на меня посмотрел и въедливо уточнил:

— Та, которая находится на Кожевенной улице? Я бы даже сказал, в конце Кожевенной улицы, да?

— Она самая, — кивнула я и ойкнула, когда Тина принялась врачевать мою руку. — Это же бесполезно, ты ведь помнишь?

— Хотя бы кровь течь не будет, — буркнула подруга и зашипела, когда одна из ссадин вновь начала кровить, — как вы вообще выживаете?!

— Девочки в роду Фоули-Штоттен большая редкость, — я чуть поморщилась от неприятных ощущений, — но при этом мы весьма живучи.

Очень. И порой наши «непрямые родственники» этому сильно огорчаются.

— Давайте вернемся к «Привалу», — Марон продолжал нудеть, — я хочу напомнить, что в этой таверне ошиваются безработные боевые маги!

— Я бы сказала, что там можно взять заказ на, — я замолчала, подыскивая правильные слова, — в общем, там можно подработать. Дядька Митар всегда там останавливается.

— Почему?! — возопил Марон.

— Чтобы парни могли лишней золотой заработать, — я пожала плечами, — тут такие заказы, что им и напрягаться сильно не приходится.

— Марон, — Тина туго перебинтовала мою руку, — ты что, боишься?

— Да, — ничуть не смутился наш друг, — я давно уже перестал выпендриваться не по делу. Примерно с того момента, как страх признаться в собственном страхе привел меня ночью на закрытое кладбище. Мало того, что я едва не поседел, так под утро меня поймала стража и я еще неделю подметал улицы нашей прекрасной столицы. С тех пор я не боюсь признаваться в том, что боюсь. Чего и вам советую.

Мы с Тиной переглянулись и в унисон выдохнули:

— Но мы не боимся.

А я добавила:

— Там остановился отряд бывалых воинов, магов. Как принято говорить в столице — элитные бойцы. Хотя наши, конечно, больше похожи на косматых медведей, чем на лощенную столичную элиту. Зато если визжат, то басом.

— Сомневаюсь, что окраинные маги умеют, как ты выразилась, визжать, — буркнул Марон.

— Однажды Деррек на спор сел голым задом в муравейник, — я почесала кончик носа, — именно тот звук, который он издал, я называю «визжать басом». Дядбка Митар сказал, что он ревел как отродье мертвого мира. Но я-то слышала отчаяние в том звуке.

— Дай угадаю, его теперь кличут Деррек Муравей? — уныло предположил Марон, а Тина захихикала.

Гамильтон же поправил нашего друга:

— Бери выше, он теперь Деррек Гроза Леса.

— Погодите, — Марон замер, — тот самый Деррек Гроза Леса?! Я думал, он получил свое потрясающее прозвище другим путем...

Мы с Гамильтоном чуть не умерли со смеху, глядя на то, как рушится мир в глазах Марона. Отсмеявшись, я утешила друга:

— Вся его история абсолютно правдива. Он действительно в одиночку закрыл прорыв, и держал щит над целой деревней несколько суток. И вообще он очень сильный и талантливый маг. Но... Ему было семнадцать и он не умел отступать. Сейчас ему двадцать четыре и он серьезный бывалый воин.

Тина тяжело вздохнула:

— Как страшно это звучит. У меня двоюродный брат в двадцать четыре года дурачок с дипломом, который не знает чем заняться.

Мне было нечего на это ответить. И я просто достала порталную заготовку.

— Готовы? Прямо к таверне я нас вывести не могу — боевые маги там столько начаровали, что всех на уши поднимем. Ну все, Мар, хватит, не кисни. Что может случиться в таверне?

— В таверне — ничего, но вот за дорогу к ней я очень переживаю, — проворчал Марон.

Я случайно поймала взгляд Тины, направленный на него и вдруг отчетливо поняла, что не будет у леди Таргери-Дойлерн столь желанной невестки. Зато в моем баронстве будет свой потрясающий целитель, что не может не радовать.

— Ты можешь вернуться во дворец, — бросила Тина.

— Я? — удивился Марон, — так а я-то что? Я ж за вас боюсь, а не за себя. За себя я еще на том кладбище отбоялся.

Так или иначе, а через портал мы все же прошли. Правда, из-за особенностей улочки мне вновь пришлось брать Гамильтона на руки. И в

этот раз он уменьшился себя едва ли не до щенячьего размера, но раненную руку все равно прострелило болью.

Зато по дороге к таверне мы никого не встретили. Марон переживал зря, на этой улице живут наблюдательные и осторожные люди. И нападать среди бела дня на группу магов, среди которых окраинная девица и явно иномирный пес — дураков не нашлось.

Я толкнула дверь таверны и сощурилась, высматривая в полумраке своих.

— Мышка!

Дядька Митар заметил меня первой. Заметил, подлетел за секунды и сгреб в сокрушающие объятия.

— Мышка, — прогудел он сквозь окладистую бороду и весело засверкал глазами, — крылатая невеста, а? Оценили столичные лордики окраинную леди!

Звонко чмокнув дядьку в кончик носа (ибо на щеках тоже росла борода), я фыркнула:

— Что-то вроде этого.

Дядька подвел нас к столу и я пропала в шуме и хохоте старых надежных друзей. Тех, на чьих сильных плечах держится все баронство.

— Мы не знали, как тебя выцепить, — дядька махнул рукой и приказал подать несколько кувшинов пива. — Значит, тот мелкий стражник все же передал тебе весточку.

— Не-а, — я покачала головой, — не передал. Ты мне его опиши, дядь Митар, и я ему сама весточку передам.

— От мерзавец, — огорчился господин Дардари. — Тогда как же ты тут оказалась? Делию навещала?

— Именно, — кивнула я и честно призналась, — мне нужна твоя помощь. И всего твоего отряда.

— Что скажешь, то и сделаем, — спокойно сказал дядька Митар. — Я уж наслышан, как ты бастардика укротила на Весеннем Балу. Хвалю. Не обижает больше?

— Другого рода помощь, — я создала над нами тишину.

И, пока я объясняла свою мысль, глаза старого воина становились все больше и больше. Тина же просто прикрыла лицо руками и тихо стонала, что это конец. Вот просто конец.

Я же была уверена как никогда.

— Завтра, значит, — дядька Митар допил свое пиво и оттер усы с бородой от пены, — что ж, дело непростое, возьму только добровольцев.

Добровольцами сказались все.

— Что ж, допьем и пойдем, — решительно произнес дядька, — познакомимся, для начала. Хотя идея богатая. Если дело выгорит, то...

— Баронство под властью влюбленной женщины, — напомнила я.

— Баронство под властью баронства, — отрезал Митар. — Допиваем и выдвигаемся.

На выходе из таверны Марон улучил момент, чтобы спросить:

— Как тебе это в голову пришло?

— Я просто верю в лучшее, — уверенно произнесла я. — Потому на кровь пришел Гамильтон. И потому все получится сегодня, а уж завтра и вовсе будет идеально!

6.7

— И, так как я верю в лучшее, — продолжила я свою мысль, — сейчас на нас свалится безработная швея, которой очень-очень нужен срочный заказ!

Не свалилась. И, получая отказ за отказом, я очень остро сожалела, что крылатым невестам не дают никаких дипломов или свитков.

— Или хотя бы метку какую, — ворчала я, когда мне в очередной раз не поверили.

— Ага, клеймо на лоб, — хрюкнула Тина и откусила яблоко.

— Тавро на шею и кольца в нос, как быку, — зафыркал Марон, — крылатые невесты не могут покидать отбор самовольно. Их запрещено через ворота выпускать. И обычные, нормальные маги, из основного дворца порталы открывать не могут.

— А, так вот почему мне потребовались порталные заготовки, — глубокомысленно произнесла я.

Что самое интересное, я ведь даже не пыталась просто открыть портал, нет. Я сразу взялась за заготовку, просто потому что на тот момент это казалось стопроцентно правильным поступком. И необъяснимым.

— Слушай, а что ты хочешь? — уже даже Тина устала закатывать глаза, выслушивая конский ценник.

— Мне нужен брючный костюм с юбкой, которая позади меня — есть, а спереди — нет. И чтобы с одной стороны длиннее, и складки красиво, а с другой короче.

— Так пошли вон, смотри, лавка готовой одежды, мужской. Возьмем тебе там брюки, а потом к старьевщику и там посмотрим ткань. Отрежем от юбки и приметаем к штанам.

Мимо нас проходил мальчишка и, услышав слова моей подруги, он чуть было не споткнулся.

— Знаешь, — осторожно сказала я, — у меня нет плана, как бы опозориться посильнее. Мне нужно выйти и представить себя Правителю, а не потерять недо-шлейф вместе со штанами.

— Знаешь, — в тон мне отозвалась Тина, — скоро солнце сядет.

— На крайний случай я выйду в том, в чем сейчас одета. Вот, последняя лавка и все, во дворец.

В последней лавке нам тоже отказали. Тина горестно вздохнула, Гамильтон, которому не досталось штормбура зевнул и вяло махнул

хвостом и только Марон еще пытался что-то кому-то доказать.

— Дед, а помнишь, ты говорил, что позволишь мне выбрать первого клиента? — подал голос совсем молоденький парень, практически мальчишк...

Стоп, так это же он проходил мимо, когда мы собирались с силами на последний заход.

— И ты хочешь выбрать эту, — старик-портной пожевал губами, пытаясь придумать мне такой эпитет, который покажет всю глубину его негодования и при этом не даст мне повода проклясть его. — Эту леди?

Вот и правильно, держите свои бранные слова при себе.

— Я ей верю, — твердо произнес парень и честно добавил, — потому что случайно подслушал.

— И что же вам нужно? Бальное платье, а платит корона?

— Штаны с хвостом, — отрезала я, — плачу я. Сейчас набросаю эскиз.

— Нет! — вскричал Марон и забрал у старика бумагу и карандаш, — эскиз набросаю я.

В целях конспирации, друг набросал пегаса не полностью, а только лошадиный круп.

— Ножки, понимаете, нужно обтянуть так, чтобы прям ах! И при это кожа и металл, надо подчеркнуть, что леди не просто леди, а та, что ходила в рейды и закрывала прорывы.

Ну, закрывала прорыв я всего один раз и под присмотром отца, но... Спорить не буду. Это же не вранье, а просто умалчивание, верно?

— Вы мне только кровоток не перекройте, — я посмотрела на эскиз, — мои ноги до таких спичек не сжать.

— Погуляй-те, — хором произнесли Марон и старик.

— Но это должна была стать моя модель, разве нет? — возмутился мальчишка.

— Ножницы будешь подавать, — отмахнулся от него старик. — Никогда такого не шил.

А я поняла, что извинений ждать не придется.

— Штормбуры на всех брать? — коротко спросила я и, получив утвердительный ответ, отправилась за провиантом.

И улыбнулась — швею мы все же нашли. Пусть ноги гудят, да и настроение было подпорчено, но... Людей тоже можно понять. Вваливается окраинная ведь, глаза дикие, одежда старая, рука перебинтована и местами кровь пробивается — ну как такой поверить?

6.8

Едва я вернулась, старик тут же разворчался, что опять внук будет есть «одну эту заморскую пакость». Однако ж и сам с удовольствием отведал сочной закуски.

А после я долго и упорно воевала с чудо-выдумщиками и доказывала, что петли для скрытого ношения артефактов должны быть, вот сюрприз, скрыты! А не торчать напоказ.

— Ты ничего не понимаешь в красоте, — закатил глаза Марон.

— Зато я неплохо понимаю в безопасности, — фыркнула я и честно добавила, — но выглядит действительно впечатляюще. Просто тут стоит вопрос быть или казаться.

В лавке мы в итоге задержались до поздней ночи. Наряд получился фиолетовым, с черным шитьем и действительно скрытыми петлями. В таком наряде и на лошади скакать можно, и в драку ввязаться и даже за леди сойти. В профиль или со спины.

— Можно добавить кружево, — негромко произнес старик, подкравшись со спины.

Я же продолжала молча рассматривать себя в зеркале. Тугой корсет обтянутый кожей фиолетового ардана, черное шитье с опаловыми чешуйками, кипенно-белая рубашка и черные брюки, обтянувшие ноги не хуже чулок. От корсета вниз спускается ткань. Темная, плотная, она немного прикрывает брючные пуговицы и тяжелыми складками расходится в сторону, спускаясь до земли только за спиной.

На бедрах плотно сидит перевязь для парных ножей. Но, боюсь, что от нее придется отказаться — в присутствии Правителя нельзя носить оружие, а представлять себя с пустыми ножнами... Это как-то глупо, разве нет?

— Черное кружево на шею и повесить к нему... У меня есть что повесить, — усмехнулась я, вспоминая про подарок лорда Рентийского.

За этот наряд я заплатила двадцать золотых. Двадцать. Я отдала дом за платье. Даже не за платье, которое можно было бы носить пару лет (я не из тех, что выводит наряд в свет только два-три раза), а за костюм, который пригодится всего единожды!

— Тебя душит жаба? — сочувственно спросил Гамильтон.

— Душит, — вздохнула я. — Но если все получится, то эти деньги не зря потрачены.

— Я так понимаю, что ты нам не все рассказала? — прищурилась Тина.

На что я уклончиво ответила:

— Мне не известно, законно ли то, что я задумала. Там такой скользкий момент, что оно вроде как можно, а вроде как нельзя. Все зависит от того, кто будет решать.

Попрощавшись с портным и пообещав вернуться, мы переместились во дворец. Гамильтон вновь путешествовал у меня на руках и это было очень болезненно.

Несмотря на всю авантюренность затеи, ночь я проспала совершенно спокойно. И даже утром сохраняла доброе расположение духа. Пока не пришла пора менять примочки на руке.

— Терпи, — строго сказала Тина, — никто не виноват, что у тебя такой дар.

Сцепив зубы, я крепко зажмурилась и дышала на счет. А подруга, помогая себе магией, отдирала присохшие тампоны.

— Вы же раньше отмачивали такими пластиночками, мягко-склизкими, — с дрожью в голосе произнес Марон.

— Я их не заготовила, — проворчала Тина. — Кто мог представить, что на отборе невест Мина может покалечиться?

— Я, — в голос произнесли Марон и Гамильтон.

— А что молчали? — напустилась на них подруга.

— А мы думали, что за годы дружбы ты уже перестала питать иллюзии насчет Вильгельмины, — зевнул Гамильтон. — Я, например, точно знаю, что если что-то может случиться, то оно обязательно произойдет.

Тина наложила свежую порцию густой мази и туго забинтовала руку.

— После представления займемся тобой по-серьезному, — пообещала она. — Мы, как я понимаю, не можем выйти посмотреть?

— Увы, — я развела руками и магией согнала с лица следы слез.

— Я присмотрел нам чудное оконце, с которого все будет видно, — по-кошачьи мурлыкнул Гамильтон.

А я, поблагодарив друзей за добрые пожелания, открыла портал. Пора седлать пегасов.

6.9

Вот только на выходе из портала меня ждал сюрприз — были зеваки, были напряженные гвардейцы и был отряд дядьки Митара. Последние были в полном боевом облачении и в парадных плащах. Черное с серебром эффектно смотрелось на широких плечах моих людей, но... Где же все-таки летающая часть?!

«И я надеюсь, столкновения не произойдет», подумала я, бросив взгляд на дворцовую стражу. Они обязаны защищать Правителя и всю его семью, но сейчас по ним явственно видно, что вступать в конфликт они не хотят.

— Ну не мог, не мог я войти во дворец невест, — простонал один из стражников, — и деньги ваши я вам обратно пихнул! Зачем так-то?!

— Успокойся, — прогудел дядька Митар, — не по твою душу. От красота-то какая!

Дардари улыбнулся мне и только в этот момент меня заметили стражники, один из которых воскликнул:

— Куда?!

— Так испытание сегодня, — я улыбнулась, — нужно представиться Правителю, кто такая, откуда, чем живу.

И, отвернувшись от стражников, я задала самый животрепещущий вопрос:

— А где *они*?

— Будут с минуты на минуту, — улыбнулся Деррек Гроза Леса. — Мы никогда не думали о пегасах, как жителях соседнего мира. Они казались каким-то элементом роскоши, красивой конячкой, которая тянет карету. А то, что у них есть колдовские крылья и скорость они развивают невероятную — об этом не думалось. Ну а теперь мы забрали всех, кто захотел служить в окраинных отрядах. И их семьи. Так что часть летунов пристроена.

«А там может и другие бароны посмотрят в сторону пегасов. Так и оставшихся пристроим», пронеслось у меня в голове.

— Леди, — свистящим шепотом выдал один из стражников, — леди, вы юбку забыли!

— Все в порядке, — усмехнулась я. — Так и должно быть. И вообще, не стоит смотреть туда, куда смотреть может только...

Шум десятка пар крыльев заставил меня оборвать фразу и вскинуть голову. Приземляющиеся пегасы были великолепны, особенно, если учесть, что упряжи на них не было.

— Мы решили, что станем добрыми друзьями, — Деррек положил ладонь на шею одного из пегасов, — а друзьям не рвут губы в кровь. Не стягивают шею и уж тем более, не бьют шпорами в бока.

— Ты абсолютно прав, — кивнула я. — Кто станет моим спутников на сегодня?

От пегасов отделился высокий, мощный жеребец. Его кремовая шкура отливала серебром, а грива спускалась до самых копыт. Он склонил голову, я, тут же, поклонилась в ответ и одним движением вспорхнула на подставленную спину. Одновременно со мной это сделали все бойцы.

— Пора, — выдохнула я.

И под пораженно-нецензурный вопль стражников мы взмыли в небо.

Так высоко в небо, что стало трудно дышать! Не то от ужаса, не то от восхищения.

"Я открыла новое чувство "рахсторг", страх и восторг слитые воедино и доведенные до высшей точки", пронеслось у меня в голове.

И тут пегасы устремились к земле. И я не в силах объяснить, каким чудом мне удалось сохранить рот закрытым, а спину ровной.

Шум крыльев сменился тишиной. Пегасы приземлились чисто, не взметнув ни пылинки, не потревожив ни единой травинки. Только хлопнул мой шлейф, красивыми волнами укрывший круп пегаса.

Вдох-выдох. Я — острое клина, за мной весь отряд. И я уверена в каждом.

А перед нами трибуна, за которой сидит лорд Рентийский, его сестра, брат и отец. И на лицах трех последних — чистое изумление и щепоть страха.

Правитель же задумчив и как будто чем-то раздосадован.

Не доводя паузу до откровенной грубости, я заговорила ровным, спокойным голосом:

— Вильгельмина Фоули-Штоттен, кровь от крови Окраин. Дочь, колдунья, воин.

И, когда я произнесла «воин» мои люди одновременно ударили кулаками по пустым ножнам клинков. Несмотря на отсутствие оружия (мы ведь не хотим обострения отношений с Правителем), лязг получился впечатляющий.

Сейчас я как никогда чувствовала гордость за то, кем являюсь. Мой ядовитый дар пел в моих жилах и все, чего мне хотелось, так это вновь

подняться в небеса, чтобы приземлится уже в баронстве. Летать в рейды, закрывать прорывы — моя сила идеален для этого. И ждать, пока мне наконец-то исполнится тридцать.

— Это возмут...

Правитель взмахом руки оборвал своего брата и коротко спросил:

— Как я понимаю, пегасы теперь принадлежат баронству?

Я ласково провела ладонью по напряженной шее:

— Друзей не держат силой. Пусть мы пока лишь добрые знакомые, но я бы доверила этому пегасу свою жизнь. Хотя я не знаю его имени — не было времени познакомиться.

— Мое имя Ройер, и я сохраню доверенное, — услышала я его голос.

— Мы пригласили народ Ройера на общую войну, — продолжила я.

— Прорывов все больше, ведь останки тварей на черном рынке все дороже.

— А по особому уложению, все Окраинные баронства имеют право призвать себе на помощь любых жителей любых живых миров, — медленно произнес экс-Правитель, — хитро.

— Если падет Окраина, — я посмотрела на старика, — что будет с центром страны?

— Вам свойственно преувеличивать свои заслуги, — бросил экс-Правитель.

Это было больно. Неожиданно и больно. На языке крутилось с десяток едких фраз, но... Я не успела. Вместо меня ответил лорд Рентийский:

— Не стоит говорить о том, в чем не разбираетесь. Моя армия ни разу не оставалась без своего генерала. На наших границах идет непрерывная война и конца ей не видно. Однако сейчас мы заняты другим, менее интересным процессом. Благодарю за представление, леди Фоули-Штоттен. Я впечатлен.

— Благ...

Очевидно, что пегасы не знают некоторых важных правил. Например, мне нужно было еще хоть минуты три, чтобы сказать что-нибудь вежливое, после чего можно было бы улетать. Но чего нет, того нет. Мы уже высоко в небесах, откуда дворцовый комплекс лишь живописное пятно зелени и строений.

"Куда мы летим?!" именно это я жестами показала дядьке Митару. И его ответ сигнал: "Домой", заставил меня оторопеть и вцепиться пальцами в роскошную гриву Ройера.

"С твоим даром, ты могла навещать нас каждые выходные", эту фразу он нарисовал в воздухе. "Сейчас не отвертись".

Надеюсь, Тина с Мароном догадаются, что я вернусь. Надеюсь, они не поднимут панику...

6.10

Шум крыльев стал нестерпим, по глазам ударило ярким светом и... Это двор дядьки Митара?! А эта румяная красавица — его супруга, но... Как?!

— Магия, — фыркнул Ройер.

И тут я поняла, что меня насторожило:

— Почему вы говорите вслух?!

— Потому что мы обрели дом, — спокойно ответил Ройер, — теперь у нас достаточно сил, чтобы магия озвучивала то, что мы хотим сказать. В остальном наш речевой аппарат не изменился.

И со всех сторон раздалось весьма и весьма ехидное ржание.

— Мина, девочка, — позвала меня госпожа Дардари, — как же долго ты к нам шла.

Я позволила ей обнять себя, а через мгновение и сама крепко-крепко обхватила ее руками. Дядька Митар и тетушка Тария были моим спасением после смерти отца. Суждено мне стать баронессой или вмешается иная сила, но они навсегда останутся моими бесценными дядюшкой и тетушкой.

— За стол. Все за стол, — тетушка потащила меня в дом, — какая ты молодец. Наши летающие друзья развивают такую скорость, что... Ох, девонька, ты хоть представляешь, что это значит для Окраин?

Меньше похорон, меньше траура, меньше слез. Больше вовремя закрытых разрывов, больше вернувшихся домой мужей, сыновей и братьев. Больше мирной жизни, которую заслужил каждый из нас.

— И главный вопрос, — крикнул дядька Митар, садясь за стол, — почему никто не подумал об этом раньше?

— Мы не спешили покидать свой мир, — Ройер просунул голову в открытое настеж окно. — Редко кто приходил к вам и тянул кареты.

— А для чего вы это делали? — тихо спросила я.

— Ваше золото служит... Служило подпиткой нашим артефактам. То золото, которое походило по рукам, впитало в себя эмоции, чувства, — Ройер вздохнул, — не понимаю, что сгубило наш мир. Игры ли высших магов с пространством или просто нелепая случайность?

— Как все произошло? — тетушка Тария поставила перед пегасей мордой высокий стул, а на него ведро с какой-то похлебкой.

— Один из высших магов изучал разрывы, он хотел избавиться от них раз и навсегда. И, желая изучить проблему, один из маленьких разрывов он закрывать не стал. Через несколько лет на месте дома этого высшего оказалась огромная воронка из которой во все стороны хлестала грязная, мертвая магия.

Ройер наклонился, шумно обнюхал похлебку и как-то неуверенно произнес:

— Благодарю, но я бы хотел отнести это скачущей рядом и нашим детям.

— Отнесли уже, — с сочувствием произнесла тетушка, — окраины усвоили урок и голодать у нас больше никто не будет. Пироги вы, как я помню, не едите?

— Ничего мясного, — мягко произнес пегас.

И начал есть. А я прикусила губу — для столь величественного и красивого существа, ел он слишком шумно. Слишком торопливо и жадно. Правда, осознав все причины его поведения, смеяться мне перехотелось.

— Тетушка, — позвала я, — мне бы пироги не на тарелку, а в коризну. Гамильтон не простит, если я вернусь с пустыми руками.

— А то я не знаю, — рассмеялась она и потрепала меня по голове, — до чего же ты красивая выросла. И волосы твои тебя только красят, даром что посветлели так рано.

Я кивала, жевала пирог и... Посветлели так рано?! Я же с рождения такая!

— Тетушка, — я отложила надкушенный пирог, — а можно подробнее про мои волосы?

— Ой, — сказала тетушка, — а вот не надо так надолго пропадать! Тогда бы я тайны в порыве чувств не разбалтывала!

6.11

Деррек, сидевший справа от меня, дернул меня за выбившийся локон и проворчал:

— Не все ли равно? Главное что? Главное, что не выпали.

Мне подурнело, пирог запросился наружу, но я, могучим усилием воли, удержала его в себе. После чего потребовала объяснений! В ультимативной, но вежливой форме.

— Ох, да это было еще до... До голода. Твой отец дружил с мастером Дейтором, а тот, не имея своих детей, позволял тебе играть везде, где тебе захочется. Вот ты и поиграла в его лаборатории. Или кузнице — тут уж, прости, никто не знает. На его подворье ведь до сих пор никто зайти не может.

— А как же... Были ведь похороны, — дрогнувшим голосом произнесла я.

— Были, — кивнула тетушка, — он ведь за ворота вышел. Может за помощью шел, может еще что. Но он упал и больше не поднялся.

Аппетит пропал окончательно, но я все равно подобрала надкушенный кусок пирога и принялась его уныло жевать.

— Отец твой долгое время боялся, что волосы вылезут. Мои просто это обсуждали, — Деррек, бывший старше меня, открыто улыбнулся, — мать тогда отцу не дала шкуру арстыги продать. У нее же мех длинный, густой. Они решили, что если что, то шкуру тебе подарят, будешь ее носить вместо своих волос.

Я поперхнулась и сдавленно поблагодарила Деррека. А сама никак не могла отделаться от дивного образа.

— Кстати, после этого ты все равно ходила к мастеру, — улыбнулась тетушка, — но, надеюсь, в опасные места тебя больше не пускали.

Я пожала плечами:

— Мне нравилось возиться с заготовками. Где-то края загогулины, где-то красивые звонкие трубочки, стружка металлическая... Кузница мастера была переполнена интересностями.

Доев, я поблагодарила тетушку и пообещала телепортироваться чаще.

— Мне было тяжело решиться в первый раз, — сказала я, — но... Ой! Дядька Митар, а как же Делия?

Господин Дардари удивленно на меня посмотрел:

— А что ей делать на испытании? Пегасы полетели своих устраивать и ее с собой взяли. И юнцов желторотых тоже домой доставили. Представлять баронессу достойные лучшие из лучших, а не все, кто невовремя под рукой оказался. Так-то. Ты, если хочешь, сходи ее навести. Домов пустующих достаточно, она как раз за домом мастера Дейтора поселена.

Подумав, я кивнула и попросила тетушку сразу отдать пирог.

— Все-таки невестам запрещено покидать дворец, — пояснила я, — попробую хотя вернуться до ночи.

Убрав в Безвременье увесистый сверток, я вышла на улицу. Здесь, у нас, гораздо холоднее чем в столице. Весна, солнышко, но воздух холоден и недобр.

Улица за улицей, я шла будто возвращалась в детство. Здесь, в глубокой канаве, мы ловили водяных ящерок, и здесь же нам за это знатно нагорело. Всем уши надрали, и старшим, и младшим. Невзирая на сословия и колдовской дар.

А тут продавались медовые пряники. Теперь дом смотрит на мир темными окнами, но... Надеюсь, пегасы помогут Окраине вновь расцвести.

Поворот и вот он, дом мастера Дейтора. Накрытый куполом, он выглядит так, будто вот-вот оживет. Там будто время остановлено — трава не затянула ухоженный двор, цветы не выродились, да и яблони все так же хороши.

Не удержавшись, я подошла ближе и погладила упругую преграду кончиками пальцев. Большая часть моих артефактов — отсюда. Отец оплачивал только расходники, остальное мастер делал бесплатно.

От моих пальцев по преграде пошла радужная рябь, на мгновение показалось, что щит вот-вот рухнет. Но нет, все успокоилось. Вот только... Я не смогу доказать, но я точно слышала разочарованное «Рано», прозвучавшее на самой границе слышимости.

Это так меня поразило, что я поспешила уйти. Совсем уйти. К Делии я всегда успею попасть, благо, что порталы мне покупать не нужно!

В комнате, наблюдая за дележкой пирога (половина лично Гамильтону), я думала о мастере. Почему он так благоволил мне? Почему позволял играть в своей кузнице? И что значила эта рябь на щите?

О послышавшемся мне «рано» я старалась не думать. Оно ведь могло и показаться, а может это кто-то где-то кому-то сказал, а до меня ветер донес.

«Могу ли я быть мастером ледяной окраинной стали? Но это ведь не дар, а умение, передававшееся от наставника к ученику», думала я. «Моей силой, конечно, сталь плавить самое то, но... Глупости. Глупости и бесплодные надежды».

Коллекционеры стремились приобрести изделия из ледяной стали, из-за этого появилась целая гильдия перекупов, которая больше похожа на воров и мошенников. В итоге клинки уже и не найти, а они необходимы на границе, там, где кишат твари мертвого мира! Вместо этого благородное оружие пылится в оружейных или висит на стенах.

— Пройдусь, — бросила я друзьям и, отмахнувшись от всех предложений, вышла.

Уже потом я сообразила, что стоило бы переодеться, но это было потом.

Выйдя в парк, я пошла вдоль одной из дорожек. Здесь, вокруг основного дворца, растительность была одинаково-скучной. Поэтому не было никакой разницы, куда идти.

— Надо же, ты все-таки ходишь одна, — протянул смутно знакомый голос, едва я зашла за высокий куст.

Бросив взгляд на принца-бастарда, я молча пошла дальше. Все равно никто не узнает, что я оскорбила его тишиной. Сам-то он вряд ли кому-то пожалуется.

— Откуда столько спеси в окраинной крестьянке? Ты же ничем от простолюдинки не отличаешься, — не унимался он, шагая рядом со мной.

А я все пыталась вспомнить, как же его зовут. Подсознание подсказывало: «Индир», но что-то мешало в это поверить.

— Что ты молчишь?! — взъярился принц-бастард, правда, хватать меня не рискнул, видимо, прошлого раза хватило. — Или язык прикусила? Оно и немудрено, оседлать смертельно-опасную тварь. Нормальный маг бы отказался.

— Лишь трус откажется от неба, — проронила я, и свернула с дорожки к фонтану.

В каменной чаше плакала каменная дева. Из-под ее ресниц стекали голубоватые струйки насыщенной магией воды. Воистину, дворцовый комплекс построен на одном из самых сильных источников магии.

— Ты непочтительна, — проинформировал меня принц-бастард, — и тебе придется об этом пожалеть.

Я опустила кончики пальцев в воду и, обернувшись на него, спокойно ответила:

— Не страшно.

6.12

— Докучаешь моей невесте?

Я резко вскинула голову и увидела Правителя. Он вышел к фонтану с другой стороны и... Стоп, он что, шел через кусты?!

— Одной из множества, — отозвался принц-бастард.

По его тону можно было догадаться, что присутствие лорда Рентийского ему неприятно.

«Как странно, от так откровенно показывает свою ненависть», пронеслось у меня в голове, «Может ведь и на ссылку нарваться. Ну, точнее, на преподнесенные в дар уголья, которые требуют пристального хозяйского внимания».

— Мелкий укол, — отмахнулся лорд Рентийский, — леди Фоули-Штоттен, составите мне компанию?

— С превеликим удовольствием, милорд, — я стряхнула с пальцев капли воды и направилась к Правителю.

Спину прожигал взгляд принца-бастарда. Обжигал так сильно, что хотелось завести руку назад и проверить ткань — цела ли?

— Удобный наряд, леди Вильгельмина, — бросил принц, — что ни делай, а юбка не помнется.

Скабрзность я распознала сразу, растерялась, разозлилась и, забывшись, круто повернулась и предложила:

— Для меня большая неожиданность, что вы так высоко оценили мой наряд. Дать вам адрес портного? Уверена, на вас будет смотреться ничуть не хуже.

Смешок лорда Рентийского заставил принца-бастарда побагроветь. Однако же он взял себя в руки и, поклонившись, отказался:

— Оставляю это для вас. Доброго дня, брат, леди Вильгельмина.

Развернувшись, он вернулся на дорожку, а Правитель задумчиво произнес:

— Ходили слухи о вашем тесном знакомстве.

— Мой клинок тесно познакомился с его... Клинком, — хмыкнула я.
— Тесно, но не до фатальной близости.

Мы покинули лужайку с фонтаном и направились куда-то вглубь парка. Я шла чуть в стороне и, искоса посмотрев на лорда Рентийского, вдруг отметила, что шириной плеч он ничуть не уступает нашим боевым магам.

— Куда вы дели принцессу Империи Штормов?

— Привлекательные мужчины никогда не зовут меня гулять просто так, — расстроено вздохнула я, — всегда по делу. А принцессы больше нет, увы.

— Да, мои амулеты это отметили, — он посмотрел на меня, — будет плохо, если труп всплывет.

— Не всплывет, — уверенно произнесла я и тут же возмущенно добавила, — она жива! Просто теперь у нее другая жизнь.

— Хорошо и плохо, — отозвался Правитель.

Помолчав, я все же не сдержала любопытства:

— Почему хорошо и плохо?

— Потому что с точки зрения политики, я должен был выдать беглянку ее семье. Что лично мне — претило. Так что если она изменила имя на более глубинном уровне, то найти ее никто не сможет и мне не придется переступить через себя в очередной раз. Плохо — потому что нас ждет ухудшение отношений со Штормовой Империей.

— А это тянет за собой подорожание артефактных слитков, — вздохнула я, — они-то своих мастеров стали не потеряли.

— Но и они не способны повторить ледяную сталь, — возразил Правитель.

— Зато у них есть лунное серебро, — с толикой грусти отозвалась я. — Мне довелось держать слиток в руках лишь единожды и это были ни с чем не сравнимые впечатления.

— А вы полны сюрпризов, — хмыкнул лорд Рентийский, — я держал слиток лунного серебра лишь раз в жизни — когда укладывал его в сокровищницу после коронации!

— Он был в синенькой бумажке?

— Да.

— Это я заворачивала, — с гордостью произнесла я. — Мастер Дейтор доверил мне это важное дело! И бантики тоже я завязывала.

— Узелки, — поправил меня Правитель.

— Мне было шесть, — возмутилась я. — А что случилось с первым слитком? Ну, он же был, а потом заказали новый.

— Никто не знает, — лорд потер подбородок, — и это меня печалит. Как и ваши узелки, леди Фоули-Штоттен, мне пришлось очень трудно, ведь в сокровищнице не работает магия. И оружие туда проносить нельзя...

— Вы грызли нитки? — с восторгом спросила я.

И получила в ответ укоризненный взгляд и скупое:

— Не скажу.

— Грызли-грызли, — хихикнула я и тут же вспомнила, с кем разговариваю, — простите за...

— За то что вы, это вы? — он усмехнулся, — подарите мне милость, Вильгельмина и обращайтесь ко мне просто...

— Кристоф? — предположила я.

— Кхм, да, просто Кристоф, — с долей скепсиса согласился он.

О, возможно, он хотел, чтобы я звала его Ландеберт?

— Вильгельмина сокращается до Вилли и Мины, а отец звал меня Геллой, — я пожала плечами, — выбирайте то, что больше нравится.

— Пока что ваше имя мне нравится целиком, — поспешно сказал Кристоф. — Это вас с собакой ищут?

Я проследила за его взглядом и увидела Гамильтона, уткнувшегося носом в траву.

— Полагаю, меня, — удивилась я. — Но метод неожиданный, нюх у моего компаньона все так же отсутствует.

— Не заставляйте друзей ждать, — мягко произнес Кристоф, — развлекайтесь.

— Спасибо, приятного вечера, — откликнулась я и поспешила найтись, а то с них станется опять химеру пробудить!

Глава 7

Как выяснилось, разыскивать меня вышли из-за оперативности леди Илзерран — драконья жрица лично принесла мне украшение. И оставила его в комнате.

Вот только футляр был зачарован так хитро, так тщательно, что без жертв не обошлось — по моим сконфуженным друзьям ползали цифры и буквы.

— Хитрая охранка, — проворчал Гамильтон и яростно поскреб себя лапой, — ощущается, как стая муравьев, ползающая по коже.

— У нас оно чешется только если пальцем под одежду загнать, — Тина продемонстрировала, как она прижимает метку и перетягивает ее под рукав платья. — И чем дольше не позволяешь ей вылезти, тем сильнее чешется.

Мы неспешно двигались в сторону одного из малых входов во дворец. Мне было лень открывать портал, да и не хотелось делать это на глазах у всех. Хотя я и не скрываю своих умений, а разумная предосторожность не помешает.

— Я до крови расчесал, — Марон показал руку.

— Но зачем вы туда полезли?! — это мне было совершенно непонятно.

— Колдовское притяжение, — зевнул Гамильтон. — Я его чувствовал, понимал, осознавал, но оно не несло в себе ни смерти, ни серьезных повреждений, а потому мне не удалось сбросить путы.

Тина, почесав ладонь, вытащила из складок юбки небольшой свиток со свисающими лентами сургучно-колдовской печати.

Ох, нет, не свиток — футляр. Сломав печать, я вытянула туго притертую пробку и вытряхнула на ладонь украшение вместе со скрученным посланием. Блестяшку я сунула в карман и вчиталась в инструкцию.

Ого, кто-то сильно разозлил устроителей отбора! Такое коварство не может не восхищать.

Поднявшись по ступеням, я отошла с дороги и поманила к себе Гамильтона. Присев, взяла его за лапу и торжественно произнесла:

— Прощаю тебе твою вопиющую невоспитанность и разрешаю взглянуть на подаренное мною украшение.

Вытянув из кармана подарок, я показала его псу и сунула обратно. Кстати, если бы я не дала разрешение, то метки задержались бы до самой полуночи.

Повторив то же самое с Тиной и Мароном, я протянула им украшение. Правда, совершенно не понятно, почему оно досталось мне — зачарованный стеклянный шар, изображающий луну и, вокруг, тонкие, причудливо переплетенные серебряные нити. Они изображали пышное облачко, из которого и выглядывала красавица-луна. Прелесть прелестная, но такие вещи, как правило, предпочитают оборотни! Видишь человека, увешанного изображениями луны и облаков — перед тобой двуликий, однозначно.

— Хм, ты умеешь покрываться шерстью и вставать на четыре лапы, — Тина хитро улыбнулась, — а нам ни разу не показывала?

Хмыкнув, я только отмахнулась и подбросила украшение на ладони. Луна-то полая, а значит, внутрь можно что-то добавить. Вопрос в том, что — зелье или заклинание? Вечером посмотрю, что за магия внутри этой блестяшки.

Мы свернули направо, прошли сквозь портретную галерею и оказались перед входом в крыло невест. И... Что это?! Коридор затянут тонкой, подозрительно поблескивающей паутиной!

— Это же стальные нити, — медленно произнесла я. — Нас хотят убить? Я в парк вышла всего на пару минут, а уже такие изменения!

— Ты вышла порталом, — напомнил Гамильтон, — а это появилось после обеда. Официально — потому что кого-то из оборотниц застали в пикантной обеденной ситуации.

— Вовсе нет, — обиделась я, — не порталом, а ногами!

— Значит, ты ее не заметила, — развел руками Марон, — но есть и хорошие новости — за нами не следят, дворец слишком хорошо защищен и Правитель запретил ломать охранку ради отбора.

Тина же, вздохнув, прошептала:

— Меня больше пугает причина нашего переселения. Вдруг паутина призвана защитить нас от тварей?

— Вряд ли, — честно сказала я. — Слишком тонкая, пока она одну на части режет, остальная масса ее собой продавит.

— Спасибо, я буду спать крепко и спокойно, — похоронным тоном произнесла подруга.

— Мне больше интересно, долго ли нам так стоять, — проворчала я. — Или нужно капнуть кровью или... О, оно само?

— Да, нужно просто остановиться и дать охранке время, — Марон скривился, — оно оставляет на одежде колдовской след и сменить цвет рубашки или штанов становится невозможно.

Я сочувственно вздохнула. У Марона настоящий дар выискивать информацию и то, что он не может подогнать цвет под одеяния прислуги... Думаю, его это сильно задевает.

— Я слышал, — Марон понизил голос, — что паутинка не пропустила принца-бастарда. Он был очень огорчен тем, что может ходить не по всему дворцу.

А впрочем, он, кажется, и так справляется!

— А, так вот почему он пытался сорвать на мне свое плохое настроение, — хмыкнула я. — В итоге нарвался на собственного старшего брата. Эйра!

Увидев оборотницу, я окликнула ее и помахала рукой. Она, обернувшись, широко улыбнулась и поспешила нам навстречу.

— Пегасы — это было нечто невероятное, — возбужденно произнесла она, — и нечто совершенно прекрасное. В них появилась какая-то неудержимая мощь и сила!

— У них появилась условная свобода, — пояснила я. — А ты что приготовила? Не говори, если секрет.

Оборотница плутовато улыбнулась и спросила, не хочу ли я пригласить ее на чай. На что я ответила, что, конечно же, очень хочу. И вообще, без ее, Эйры, присутствия, все напитки теряют свой вкус!

Тина и Марон активно кивали — они тоже предчувствовали нечто интересное. И, самую чуточку, скандальное.

— Я скрывать свою затею не собираюсь, — промурлыкала оборотница, — потому что ты показала мне, что можно быть собой!

Ох, ну, наверное, я могу собой гордиться? Я, вроде как, справляюсь со своей задачей? Или нет...

7.2

Едва войдя в нашу комнату, Эйра принялась и с недоумением сообщила:

— Пахнет кровью.

— Это я, — тут же отозвалась я и стянула с забинтованной руки перчатку, — небольшая травма.

— Надо сменить повязку, — тут же встрепелась Тина, но я наотрез отказалась.

— На ночь сменишь, давайте лучше найдем чай.

Как выяснилось, с запасами заварки у нас все плохо — хватить хватило, но на следующий раз угощать гостью будет уже нечем.

— Значит, вы ко мне придете, — улыбнулась Эйра, — а я присмотрела одного симпатичного мага в свите Правителя. Так что выйду я с покрывалом и браслетами!

В общем, хорошо, что я предпочитаю остывший чай. А то Тина поперхнулась, у Марона напиток носом пошел. А вот Гамильтону пришлось объяснять:

— Танцовщица снимает всю одежду, надевает много-много тонких звенящих браслетов и укутывается в шелковое покрывало. Она танцует так быстро и ловко, что никто не видит и вот такусенького кусочка обнаженной кожи. Но если правильно расположить излучающий свет кристаллы, то наблюдающих за танцем мужчин можно будет выносить пачками, — обстоятельно пояснила я.

И поймала себя на каком-то непонятном, но неприятном чувстве. Мне отчего-то не хотелось, чтобы Эйра выступала с покрывалом.

Правда объяснить себе это нежелание я не смогла и потому постаралась изжить это неприятное ощущение.

— Я как раз провезла с собой свое любимое покрывало, — оборотница облизнула губы, — золотистое, вышитое по краю медовым-медовым янтарем!

— Но ведь не каждая танцовщица имеет право на вышивку, — нахмурилась Тина.

— О да, но я — лучшая, — гордо приосанилась Эйра и тут же сдулась, — правда, дома почему-то никто не обрадовался такому моему достижению.

И мы прекрасно понимали, почему — покрывало и браслеты — развлечение для высокородных оборотней. Вот только развлекают их двуликие девы из бедных или потерявших влияние семей. Семья Эйры должна быть о-очень влиятельна, чтобы без последствий оправиться от такого «достижения».

— Кстати, я присмотрела для вас кусты, — уже куда веселей добавила оборотница, — сверху за танцем наблюдать бессмысленно, а вот сбоку — очень даже хорошо. Вы же придете?

— Придем, — выдохнули мы дружно, а Гамильтон деловито спросил:

— Когда? Мне, как исследователю, очень интересно посмотреть.

— Мы получили письма с датами и сладостями, — Эйра весело сверкнула глазами, — завтра выступает Морей, после нее еще одна девица и вечером — я.

— А сегодня? — тихо спросила Тина.

— Сегодня только Вильгельмина, — оборотница усмехнулась, — будет у нас окраинная первая леди, вот весело-то будет!

— Не будет, — я криво улыбнулась, — и я не хочу развивать эту тему.

Настроение рухнуло куда-то вниз и Эйра, сверкнув глазами, понятливо перевела тему:

— Вот смеху-то было с доставкой писем! Леди Илзерран пришлось самой туда-сюда бегать, потому что слуг не пропускала новая охранка! Уж и обозлилась леди — у меня чуть спонтанный оборот не случился, когда я ее эмоции ощутила. А все почему? Все потому что наш Правитель ненавидит своего отца и младшего брата. И они — его.

— Да ну, — усомнилась я, — не может быть. Они же семья. Конечно, сложности бывают...

Тут я вспомнила свою мать, ее нового возлюбленного, себя, истекающую кровью у подножия башни и с куда меньшей уверенностью продолжила:

— Сложности бывают разные, но ведь не ненависть же?

Эйра недоверчиво на меня посмотрела:

— Эти сплетни так хорошо протухли, что стали классикой. Ты правда не знаешь?

Мы с Тиной переглянулись и я ответила:

— Там были какие-то сложности со свадьбой, но в итоге все вышло хорошо, разве нет?

— О-о, — оборотница мечтательно закатила глаза, — позвольте же мне ввести вас в дивный мир старых, дурнопахнущих секретов.

7.3

Гамильтон, даром что благородный бассет, а уши у него встали практически вертикально. Тина с Мароном придвинулись ближе, а я осторожно уточнила:

— Может, не стоит?

— Мина, — возмущенно выдохнула любопытствующая общественность и Эйра рассмеялась:

— Да на самом деле там нет и не было ничего сверх выдающегося. Просто то, что это произошло в семье Правителя — вот что было скандально.

— Если кому-то не интересно, — Марон сверкнул глазами, — то парк все еще прекрасен!

Я подняла руки:

— Сдаюсь.

Эйра чуть приосанилась, откашлялась и замурлыкала низким, вкрадчивым тоном:

— Вы не можете не понимать, что иногда мужчины совершают ну очень глупые поступки. Вот любит он одну-единственную, а огуливает многих. Дева из рода Торнери-Довард уверенно лидировала в отборе невест. Ей доставались украшения, сделанные специально для нее, Правитель приглашал ее на прогулки... В общем, Торнери-Доварды уже всю радувались и гордились, что их дочь станет следующей супругой Правителя, его Первой Леди.

Оборотница взяла паузу, грустно посмотрела на дно опустевшей чайной чашки и, отставив ее в сторону, продолжила:

— И надо же было такому случиться, что леди Аншая-Ронтари привлекла внимание нашего экс-Правителя. Леди Аншая-Ронтари была хорошо образованна, красива и обладала невероятным колдовским даром — как и все крылатые невесты. А еще у нее были дивные глаза, на дне которых зажигались крохотные искорки, когда на радужку попадал солнечный свет. И так Правителю понравился этот эффект, что к концу отбора леди Аншая-Ронтари была в тягости.

Тина ахнула, а я, догадавшаяся ранее, только кивнула. Что еще могло бы заставить Правителя жениться не на той, кого он выбрал?

— Все могло бы пойти иначе, — Эйра вздохнула, — но леди Аншая-Ронтари не захотела стать изгоем. Еще больше она не хотела такой судьбы

сыну. Она не сказала ничего Правителю — как я уже сказала, леди была образованна. Она хорошо знала законы, а потому обратилась сразу к храмовникам. И выиграла отбор, а вместе с ним и вечную ненависть супруга, который в день свадьбы ушел с пира с новой фавориткой, той самой, которой весь отбор дарил украшения и всячески ухаживал.

— Вот в который раз убеждаюсь, что все беды от неводержанности, — Гамильтон сокрушенно вздохнул, — если любишь, держи хвост при себе. А если не любишь... Все равно лучше не расплываться. Потом щенки, ответственность...

Он так тяжело вздохнул, как будто в родном мире у него с десятков детей. Хотя я точно знаю, что отцом он так и не стал.

— Супруга Правителя не имеет собственного статуса и практически во всем зависит от мужа, — Эйра погрустнела. — Жизнь леди Рентийской нельзя назвать счастливой. Она быстро постарела и рано ушла. Ее муж приносил ей своих новых детей, а она пыталась их воспитывать. Все, что она делала — все ради сына.

— Позволь я дальше попробую предположить, — с горькой усмешкой произнесла я, — так как сын от нелюбимой женщины, да еще и ее беременность причина свадьбы — экс-Правитель своего первенца невзлюбил. И, с самой свадьбы, активно искал утешения в объятиях фаворитки. Да так активно, что через полгода после рождения наследника, у него родился бастард.

— Которого он ввел в семью по всем правилам, — подчеркнула Эйра, — вообще, именно сейчас самое опасное время — младший лорд Рентийский может присоединиться к отбору невест в качестве жениха. Если вызовет старшего брата на бой.

Я, представив страну под властью принца-бастарда, вздрогнула и помотала головой:

— Для этого нужно весомое основание. В стране должно что-то идти сильно не так — голод, бунт или эпидемия. Что-то, в чем можно обвинить Правителя. Да и кто его поддержит, он же трусливый дурак?! Ему не победить человека, чье магическое преобразование держит насильственную форму уже больше десяти дней!

Эйра чуть смутилась:

— Да понятно. Хотя было бы забавно, тогда победительница отбора еще сорок дней не знала бы, от кого будет детей рожать — поединок-то происходит после отбора.

— Но если жениха два, — у Гамильтона картинка не сложилась, — то они могут выбрать разных девушек.

— Выбирает Правитель, — вздохнула я, — а дальше уже как боги решат. Победитель получает и страну, и женщину.

— Брр, — Тина передернулась, — читала я одну такую книжку. Думала, сказка про любовь, а оказалось — реальное жизнеописание. Ничего приятного.

И мы рассмеялись, сбрасывая с себя напряжение. У нас в стране, к счастью, ничего сверхординарного не происходит. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

Сладко зевнув, Эйра попрощалась с нами и, потрепав Гамильтона за ухом, еще раз пригласила в присмотренные кусты.

— Я там ленту повязала, мимо не пройдете, — она подмигнула, — если не придете — обижусь. Я мало что умею настолько хорошо!

Выпорхнув в коридор, она тут же с кем-то завела разговор. Я даже немного ей позавидовала — мне не хватало академического веселья и своих, понятных только студентам шуток-самосмеек.

— Ничего, — Тина шмыгнула носом, — дипломы все равно все вместе будем отмечать.

— Мысли мои читаешь, — вздохнули мы с Мароном в унисон.

Мы повздыхали и разошлись отдыхать. А утром, после завтрака, не смогли сказать решительное «нет» активной Эйре.

— Да ладно вам, — пыхла оборотница, выталкивая Гамильтона с кресла, — неужели неинтересно, как выступит Морей?

— Подло, — фыркнул Марон.

— Богато, — закатила глаза Тина.

А я все это объединила:

— В традициях своего рода — пройдет по всем граням, где-то кого-то заденет, но обвинить ее никто ни в чем не сможет.

— Не будьте скучными, — возмутилась Эйра, — я уже даже места для нас выбрала! Лилиана выбрала для себя главную замковую лестницу, копия которой была во дворце Невест. И там, под самым потолком, маленький балкончик. На него раньше можно было выйти из потайного коридора, но проход заложили камнями.

— Предлагаешь взлететь туда? — Эйра была так воодушевлена, что я поневоле заинтересовалась.

— Да, — кивнула оборотница, — потому что кладку не проковырять, я пробовала.

И нам был продемонстрирован обломанный ноготь. Посочувствовав, мы все же согласились посмотреть. Правда, Гамильтон все так же притворялся спящим, а посему его было решено оставить.

Через несколько минут выяснилось, что балкончик действительно есть. И он действительно маленький — трем взрослым людям и одной оборотнице ну очень тесно.

— Надеюсь, зрелище того стоит, — вздохнула Тина.

Дальше было скучно — пришли-то мы заранее, чтобы никто ничего не заметил. Так что мы посмотрели, как собирают трибуну, как слуги снуют туда-сюда расставляя по холлу цветы. Потом увидели Морей. Она поднялась до первой, центральной площадки, которая делит лестницу на две чуть меньшие. Посоветовавшись о чем-то с сопровождающими, она поднялась по правой лестнице. И если нам ее видно, то Правитель не увидит ничего. Пока она не начнет спускаться.

— Грязно играет, — с искренним осуждением прошипела Эйра.

— Почему? — шепотом спросила Тина.

Но на этот вопрос могла ответить и я:

— На ней платье в цветах матери нашего Правителя.

Пусть портреты, созданные нашим единственным художником не слишком соответствовали историческим личностям, но цвета были переданы верно.

— Не просто цвета, — шепнула Эйра, — полная копия, с учетом слегка изменившегося кроя.

— Понравиться сыну, используя образ матери, — Марон хмыкнул, — в стиле семьи Морей.

— Начинается, — выдохнула Тина. — А, нет, показалось.

А я вдруг поняла, что леди Морей планирует потренировать свой будущий триумфальный спуск. Стало как-то противно — разве можно вести себя так самоуверенно?

Внизу появился Правитель, в сопровождении всей своей семьи, включая принца и принцессу бастардов. И, усаживаясь, Кристоф как-то очень ехидно он посмотрел на наш балкончик...

— Мне кажется, Правитель знает, что мы здесь, — негромко произнес Марон. — Он столь многозначительно на нас посматривает.

— Может, он случайно? — неуверенно предположила Эйра.

— Ага, — хмыкнула я, — случайно задирает голову вверх. Лорд Рентийский сильный маг, он не может не чувствовать наше присутствие. Да и потом, мы же не прячемся. Просто случайно оказались на балконе.

И вот, на широком, основном пролете главной лестницы замка появились первые фигуры. Четыре девушки в страшно похожих платьях.

— А фрейлины ведь носят платья одного цвета, да? И одного фасона, свобода только в вышивке? — спросила Тина.

— В точку. И леди Морей уже обзавелась прилипалами, — фыркнула я. — То есть, простите, приближенными.

Девушки присели в глубоких реверансах и, наконец, появилась Лилиана.

Алое платье с крупной серебряной вышивкой, синие ленты на корсаже и крупные рубины — наряд смотрелся великолепно. Вот только Морей он не слишком-то подходил. Или я придираюсь?

Следом за ней вышло несколько боевых магов. Элитных в худшем смысле этого слова — красивые, лощенные, она красовались. Кисти рук манерно изгибались, как будто на пальцах вот-вот расцветет смертельное проклятье, как будто леди угрожает опасность, как будто они готовы защищать ее до последней капли крови. Но я готова поспорить, что им просто заплатили за привлекательную картинку.

— Надо же, — хмыкнула Эйра, — какой схожий выход, и какой разный посыл. Если ты возглавляешь своих людей, то она... Она хрупкая драгоценность, которую все должны защищать.

— Посыл читается легко, да, — согласилась я. — Но в чем схожесть?

— Она окружена приближенными, — усмехнулась оборотница, — как и ты была среди своих. Просто *свои* у вас разные.

Спорить я не стала, тем более, что следом за элитными магами появились флейтисты и... Если отбросить в сторону личную неприязнь, то придется признать — красиво. Выход леди Морей был впечатляющ и очень, очень органичен. Так могла бы идти супруга Правителя.

Прикусив губу, я отвела взгляд. Смотреть на это все было неприятно. Что-то внутри ворочалось, кололо острыми иголками, травило ядом.

Но я никогда не шла на поводу у своих негативных эмоций. А потому — взгляд вниз, тем более, что представление подходит к своему логическому завершению.

— Лилиана Белтария Тианта Морей, — произнесла одна из девушек.

Леди продолжала свой медленный, величественный спуск.

— Дочь герцога Теобальда Винсента Ортайора Морей, — выдохнула вторая.

— Благодетельница приюта святой Орники, — произнесла третья.

И вновь она не остановилась, как будто и не слышала голосов своих приближенных.

— Благодетельница школы при храме Всех Богов, — выдохнула четвертая.

Осталось всего несколько ступеней.

— Ваша преданная поданная, — леди Морей сошла с последней ступени и присела в настолько низком реверансе, что...

Нет, она опустилась на колени.

Флейты смолкли и Правитель, встав, звучно произнес:

— Благодарю за достойное представление, леди Лилиана Морей.

Она продолжала стоять на коленях и тогда лорд Рентийский произнес:
— Вы можете подняться, леди. И на будущее — реверанса достаточно.

Я покивала сама себе и шепнула друзьям:

— Учитывая прошлое нашего Правителя, его матушка явно из тех, кого не сломить и не поставить на колени. Иначе бы все было иначе, где-то лестью, где-то лаской, где-то откровенным враньем, но она бы приручила супруга.

Лилиана поднялась на ноги, сделала реверанс и, гордо вскинув подбородок, прошла мимо трибуны в парк.

— Это должен был быть момент триумфа, — задумчиво произнесла Эйра, — и он бы им и был, если бы не платье. Похоже, грязная игра обернулась против леди Морей. Она ведь явно рассчитывала, что Правитель поможет ей встать, проникнется, а он... Он был довольно холоден.

— Или это игра наперед, — сочла нужным заметить я.

— Может быть, — согласилась Эйра. — Спускаемся?

— Придется подождать, пока трибуну уберут. Есть у меня амулетик, отталкивающий мимолетные взгляды, но прямого контакта он не выдержит, — сказала я. — Так что ждем.

— Вы забыли активировать полог, скрывающий звук, — Кристоф посмотрел прямо на нас, — и да, ваши силуэты прекрасно различимы.

— О, ждать не придется, — обрадовалась Тина.

И мы, призвав на помощь левитацию, спорхнули вниз. Где были удостоены презрительного взгляда экс-Правителя и его брошенной вникуда фразы:

— Воспитанные девицы подчиняются правилам, а не нарушают их.

Вот только мое уважение, и без того отсутствовавшее, после рассказа Эйры ушло в минус. И я, присев в положенном по этикету реверансе, сделала вид, что ничего не расслышала. Или не поняла. Или не догадалась, что это адресовано нам.

— Как вы нашли происходящее, Вильгельмина? — спросил меня Кристоф.

И я услышала, как принц-бастард подавился воздухом. И пусть милорд подтвердил, что мы действительно можем обращаться друг к другу по именам... Я, пожалуй, повременю с таким счастьем.

— Красиво и гармонично, — вежливо ответила я. — И с откровенным намеком.

— Да, с намеком, — глубокомысленно произнес Кристоф. — Мы можете быть свободны, хотя... Вильгельмина, ограничь свое передвижение по замку. Ты *знаешь*...

Он явно намекал на то, что во дворце невест была обнаружена тварь мертвого мира. Может ли так быть, что ее снова видели?

«Может ли так быть, что ее действительно призывает кто-то из невест?».

— Благодарю за заботу, — я присела в реверансе и, выпрямляясь, стиснула в пальцах порталную заготовку.

Раз! И мы уже в выделенных покоех. Гамильтон лениво поднял морду и протяжно вздохнул, а я, потеряв пальцы и развеяв выработанную заготовку, села в кресло, после чего задумчиво произнесла:

— Кажется, Кристоф не слишком доволен фрейлинами Лилианы Морей.

— Кристоф?! — хором выдохнули друзья.

— Ой.

— Рассказывай, — потребовала Эйра и села в кресло, — ты меня не сдвинешь с места. Я, быть может, общаюсь с будущей Первой Леди!

— Ты общаешься с будущей окраинной баронессой, — я покачала головой. — Мне стоит найти себе того, кто войдет в мою семью, примет мою фамилию и будет достаточно силен, чтобы не вызывать отвращения и достаточно слаб, чтобы не претендовать на мою власть.

— Если найдешь — покажи, — хрюкнула Эйра, — власти хотят все. И слабые, и сильные, и средние. Там только если искать кого-нибудь, кто в глубокой жоп... В сложной жизненной ситуации. Брать с него кучу клятв и жить с мужем, который чихнуть без разрешения не может.

Оборотница помолчала и, посмотрев мне в глаза, прямо спросила:

— Но для тебя ли такая жизнь? Знаешь, всегда можно родить бастарда.

Тина поперхнулась:

— Ты с ума сошла?

— Можно заключить мертвый брак, — Эйра пожала плечами, — со свежим покойничком. И тогда дети будут как бы плодом первой и последней ночи. Очень удобно и гораздо проще, чем жить в состоянии вечной войны с нелюбимым супругом. Я пошла разминаться и готовиться к выступлению. Синяя лента — густые кусты. А после выступления — с меня чай с особыми травами.

Она выскользнула в коридор, а мы призадумались — это с какими это травами у нее чай?!

— Что-то мне уже и не хочется ничего, — осторожно произнесла Тина.

— Может, она имела ввиду спиртовые настойки? — предположил Марон, — оборотни, как и все маги, неподвержены влиянию дурмана и иже с ним.

— Вечером спросим, — подытожила я и потерла виски, — голова болит. И рука ноет.

— Потому что ты не даешь мне себя лечить, — Тина вытащила свою «малую целительскую сумку», — все, никуда не сбежишь!

* * *

В воскресенье обновление отсутствовало, но мы за сегодня его догнали)

Сбежать бы я смогла, но... Все равно когда-нибудь придется. Единственное, я попросила Тину дать руке «подышать».

— Твои раны покроются коркой, — проворчала подруга.

— От повязок зудит и чешется неповрежденная кожа, — я едва ли не с мольбой смотрела на подругу.

Сердито цокнув, она согласилась. Но строго-настрого предупредила — если я только попробую почесать раны! То она меня:

— Сама боюсь того, что с тобой сделаю!

И все равно принялась готовить алхимический состав.

— Сейчас очень уж момент благоприятный, — она показала пальцем на одну из глубоких царапин, — вот эта полностью лишена твоей ядовитой магии. И, если положить компресс, то к вечеру она зарастет. Так что руку я тебе освобожу на ночь.

Марон отвлекся от любования парком и обеспокоенно спросил:

— А разве не ночь самое опасное время? Я имею ввиду почесушки? Днем себя еще как-то можно контролировать, но ночью...

— Варезка, — в унисон произнесли мы с Тиной, — наколдованная и не снимающаяся.

— Все же уже пройдено и отработано, — добавила подруга.

После перевязки я отобрала у Тины одну из ее книг и, развалившись рядом с Гамильтоном, углубилась в чтение. Так проще дожидаться того счастливого момента, когда рука перестанет зудеть. И нет, дело не в том, что состав портит кожу! Дело в том, что хоть Тина и наносит его только на раненную область, он все равно немного смещается, сползает, стекает. И вытягивает магию из неповрежденной кожи, а это преотвратнейшие ощущения. И, если увеличить концентрацию состава, то можно вызвать у мага болевой шок. Поэтому подруга старается не касаться его голыми руками.

— Надо переодеться, — Марон сел рядом. — Э-эй? Ты меня слышишь.

— Да-да, полностью поддерживаю, — рассеянно отозвалась я и прикусила губу, читая, как героиня оказывается в подвале одной-единешенька, — ты, безусловно прав.

— Тина, ну ты-то понимаешь, что мы не можем по кустам ползать в приличной одежде? — позвал Марон подругу.

— Да-да, кусты, — эхом откликнулась та.

А через мгновение неведомая сила вырвала книгу у меня из рук.

— Переодеваться. Немедленно, — Марон держал в руках два цветастых тома, — у вас вся ночь впереди, успеете прочитать!

— Может мы после тех травок пойдем дворец громить, а после чихран собирать, — надулась Тина.

Но, увы, переодеваться мы все же пошли. А после попытались объяснить другу, что не хотели ничего плохо, просто иногда сложно остановиться. И читаешь, читаешь, читаешь страницу за страницей, просто потому что оторваться невыносимо!

— И после насильственного возвращения в реальность очень трудно вернуться к книге, — проворчала Тина и размотала мою повязку.

Несколько заклятий и сводящий с ума зуд унимается.

— Вот, посмотри, я была права. Глядишь, это Испытание завершится и ты уже будешь цела и невредима, — улыбнулась подруга. — Статью что ли про тебя написать? Так кому оно надо, таких уникальных днем с огнем не сыскать!

— Пойдемте уже к синей ленте, — я не стала закатывать рукав старой рубахи. Рубцы смотрятся довольно устрашающе, но ощущение свежего воздуха просто бесценно. — Надо прийти раньше, чтобы потом сделать вид, что мы ни причем, просто не стали мешать и подождали, пока все закончится.

— Я с вами, — Гамильтон отряхнулся, — это будет интересно.

7.6

Кусты с синей лентой оказались заняты. И слава всем богам!

— Эйра, вероятно, выбирала кусты с точки зрения волчицы, — глубокомысленно произнесла Тина и пальчиком провела по длинной колючке.

Колючке! Настолько длинной колючке, что ее можно использовать как оружие!

— У земли колючек нет, — доложил Гамильтон и со смешком добавил, — но девиц, что туда залезли, вытаскивать будут магией — у них волосы на ветки намотались.

Разойдясь в разные стороны, мы принялись искать подходящее место для подсматривания.

Но дворцовый парк это не лесок за крепостью — камни часть клумб, нет оврагов или звериных норм. Кусты и те какие-то куцые, если не считать того жирного колючего монстра.

Я уже подумала о том, чтобы просто влезть на дерево, но, если поймают, это будет сложно объяснить!

«Я не пряталась, что вы! Я просто увидела белку, испугалась и левитировала себя на дерево, чтобы она меня не тронула! Белки лазают по деревьям и живут в дуплах? Не может быть, я была так близка к смерти!», боюсь, такое оправдание не сработает.

Но, может быть, сесть в корнях дерева и прикрыться иллюзией? Но вот вопрос — сколько времени занимает танец Эйры? Мой дар не предназначен для иллюзий, он разъедает их за пару-тройку минут.

Развернувшись, я вышла на мощеную дорожку и направилась обратно к поляне. При этом я не отрывала взгляда от клумб и кустов — вдруг все же что-то попадется?!

Резкий, неопознанный звук заставил меня вскинуть голову. И...

Это скрипка?!

Я замерла по середине дорожки, а там, в нескольких шагах от меня, расположилась трибуна. И если семья Правителя не отрывала взгляда от тонкой фигуры, скользящей по поляне, то Кристоф смотрел прямо на меня.

Замерев, я пыталась понять, что мне делать — рыбкой прыгнуть в фонтан и попытаться скрыться за бортиком или круто повернуться и бежать назад? Или открыть портал домой, а остальные пусть как-то...

Прямо передо мной возник зеркальный щит. Кристоф усмехнулся и подмигнул мне, а я... Я просто стояла и никак не могла понять — почему?! Почему он использовал одно из сложнейших заклинаний, просто ради того, чтобы никто меня не увидел?

Ведь зеркальный щит не просто прикрывает опекаемого от физических и магических атак, он скрывает мага от чужих взглядов.

Это единственный щит, который я не смогла освоить. Отец был огорчен, но даже через «не могу», через слезы, через невыносимую боль — я не научилась.

Отведя взгляд от Кристофа, я посмотрела на Эйру.

Она была прекрасна. Он взлетала над травой, она приземлялась так, будто разбилась насмерть. Она соблазняла, она пела не голосом, но движениями...

Вот только мне было ясно видно — Эйра танцует для одного из боевых магов, что стоит в охране. И если все смотрят, то он один вперил взгляд в ствол дерева.

Музыка оборвалась, Эйра в последний раз рухнула на колени и, вскинув голову, вытянула руку в сторону того мага. Хотя должна была в сторону Кристофа.

— Эйра, танцовщица, — хрипло выдохнула она и поднялась. — Позор рода.

Кристоф встал и слегка поклонился:

— Слава о вашем таланте достигла и дворца. Я благодарен, что вы позволили нам увидеть ваш полет и убедиться, что все слова правдивы.

К Эйре, закутанной в тонкий шелк, подошла служанка. Она укутала плечи волчицы плотным халатом и помогла уйти с поляны.

А я поняла, что мне уйти с дорожки никак не получится — щит стал куполом. Куполом, который не сдвинуть!

* * *

С Наступающим Новым Годом! Пусть новый, наступающий год будет как старый, но в десять раз лучше!

Едва лишь увели Эйру, как на дальнем плане показался белоснежный кончик хвоста. Ага, Гамильтон тоже собрался уходить. Вероятно, Тина и Марон с ним.

И только я умудрилась замечтаться и попасть в ловушку!

Стоя под куполом, я сердито наблюдала за тем, как все расходятся. Первым ушел принц-бастард и походка у него была весьма и весьма интригующая. Ха, танец Эйры не оставил его равнодушным? Ну-ну, пусть попробует сунуться к волчице — мигом обретет манеры, взамен всего потерянного!

Тут уже и экс-Правитель отправился по своим делам, бросив, правда, напоследок очень странную фразу:

— Ты выбрал не то время, чтобы показывать зубы.

Мне всегда казалось, что нет правильного времени для «показывания». Просто иногда сама Судьба принуждает скалиться. А в мирное время... Кому это нужно, когда все хорошо и покойно?

Обернувшись, я увидела, как Тина и Марон с донельзя сосредоточенным и умным видом рассматривают клумбы. И вот понять бы еще, это они так верят в мое умение маскироваться на местности или просто...

— Прошу простить меня за задержку, — купол рассыпался с легким «дзин-нь!».

В этот же момент Марон поднял голову и увидел нас с Кристофом. Пока друг тарачился, Тина, сориентировавшаяся быстрее, ухватила его под локоть утащила куда-то в кусты.

«Надеюсь, там нет колючек», пронеслось у меня в голове.

— Вильгельмина?

— Прощаю, — я спешно вызвала в памяти первую и последнюю сказанную им фразу. Потом вспомнила, что на такое принято отвечать иначе и исправилась, — то есть, не стоит беспокойства, Кристоф.

— Вы как глоток свежего...

Он резко осекся и, перехватив мою травмированную руку, коротко спросил:

— Кто посмел?

Кристоф был переполнен силой, она бурлила в нем, искрилась и изливалась наружу, где немедленно становилось частью общего магофона.

Вот только... Вот только он держал меня за руку, кожа к коже и из-за этого мой ядовитый дар пришел в движение. И из-за этого руку прострелило острой болью.

Что не добавило моему ответу ни придворной вычурности, ни разумной осторожности:

— Вопрос лишь в том, за кого вы хотите заступиться, Кристоф. За крылатую невесту, ведь никто не смеет трогать то, что принадлежит Правителю. Или же девушку, гулявшую по рынку.

— За юную безголовую леди, которая ищет приключения в компании друзей, — он усмехнулся, но глаза его оставались холодны. — Хорошего же вы мнения обо мне, если считаете, что я одобряю идею стегать хлыстом вредных девиц.

Боль прошла, оставив после лишь легкое онемение и я, осознав, как именно ответила Правителю, хмуро произнесла:

— Прошу прощения. Боль застила мне разум, Кристоф. Я бы нашла другие слова... Нет!

Я успела выдернуть руку до того, как он завершил исцеляющее заклинание. Одно из самых сильных и, в моем случае, трагически неотвратимых.

— Вильгельмина?

— Есть нюансы, — я наморщила нос, — меня врачует моя подруга.

Он посмотрел на мою руку и уверенно произнес:

— Этому рубцу не меньше суток, но скорее всего к двум-трем. Вы не думаете, Вильгельмина, что ваша подруга, возможно, не самый лучший целитель?

Потерев кончик носа, я со вздохом произнесла:

— Там, в Академии, собирают документы. Они хотят назвать мой случай «феномен Фоули-Штоттен». Моя магия защищает меня, питает мой организм так, как и положено нормальной силе нормального мага. Но... Царапины и порезы, и вот такие вот травмы — все закрывается практически мгновенно, оставляя после себя вечную «кровавую корочку». Тина научилась это исправлять и вот здесь, видите? Вот тут кусочек уже закрылся.

В глазах Правителя плескалось недоумение и... Сочувствие? Пусть бы оно, потому что жалость я ненавижу.

— Боюсь, — Кристоф покачал головой, — что у этого феномена есть другое название.

Я смотрела в его темные, серьезные глаза и не знала как так сказать, что в Академии, как бы, не дураки преподают. И что да, есть похожие «феномены», но все они не мой случай.

— Изнываю от любопытства, — я решила, что усомниться в знаниях Кристофа будет очень недальновидно.

— Лесть и лицемерие не то, что вам к лицу Вильгельмина, — он сощурился, — вы явно обижены за своих наставников.

— Колдун из Тамитиканы тоже отметился в изучении моего феномена, — не удержалась я.

— Полагаю, он сказал что-то вроде: «Само рассосется?», — хмыкнул Кристоф.

— Да, — я нахмурилась, — значит, вы все же что-то знаете.

— Ваш дар тяжел и ядовит, но вас саму он не отравляет, — Правитель предложил мне руку и, когда я приняла ее, мы вместе пошли вглубь парка. — Ваш дар засыпает и просыпается, и вы это не контролируете.

Я смотрела на свои бледные пальцы и думала только о том, что все как-то нелепо. Не «чудовище» он должен выгуливать по парковым дорожкам.

— К чему вы ведете, — не выдержала.

Он повернулся ко мне и серьезно произнес:

— Не скажу.

От неожиданности я поперхнулась воздухом и, утерев выступившие в уголках глаз слезы, недоуменно уточнила:

— Что?

— Не сейчас, — исправился он. — После завершения отбора. Сейчас вы станете слишком лакомым кусочком.

Напомнив себе, что кто-то здесь пока-еще-не-баронесса Окраин, а кто-то целый Правитель, я убрала руку и присела в глубочайшем реверансе:

— Как вам будет угодно, милорд.

— Вильгельмина, — он поморщился, — прошу, не надо так реагировать.

— Как вам будет угодно, милорд, — я выпрямилась и натянула на лицо свою лучшую улыбку. — Как прикажете.

— Я не из развлечения затеял этот разговор, — он вновь взял мою руку и устроил ее сгибе своего локтя. — Вы никому не расскажете то, чего не знаете. Ваш дар уникален, особенно сейчас. Особенно здесь.

Он распинался, а я молчала. Почему? Потому что он мог и промолчать. Я этих «Не вылезай», «будь тихой», «не привлекай внимания» наслушалась еще в детстве. Мастер Дейтор только посмеивался и говорил, что такие как я всегда на виду.

— Вильгельмина?

— Я не привлекаю к себе внимание, милорд, — холодно произнесла я.

Дорожка вывела нас к увитой диким виноградом беседке. Правитель уверенно направился к каменным ступеням, а я...

Я пыталась справиться с искушением открыть портал куда подальше. Потому что больше всего на свете я ненавижу манипуляции в духе: «Верь мне без доказательств и делай так, как я говорю — это все для твоего блага».

— А ты упряма, — он покачал головой. — Если закрылась в раковину, то ничем не пробить, верно?

— Как вам будет угодно, милорд, — я могла довести мать до припадка бешенства используя только эту фразу.

— Как мне будет угодно, — он как будто смаковал эти слова. — Мне многое угодно, Вильгельмина.

А через мгновение его рука оказалась на моей талии. А через мгновение мимолетный поцелуй обжег мои губы.

А через мгновение я подписала себе смертный приговор, отвесив ему звонку пощечину.

— Хоть не клинок, и за то спасибо, — он усмехнулся.

Но в его глазах поселился какой-то темный, подозрительный огонек.

— Я бы попросила вас, Кристоф, сдерживать свои порывы, — процедила я, чувствуя, как щеки заливают румянцем.

— Если бы я мог, — и он вновь притянул меня к себе.

Склонившись, он выдохнул мне на ухо несколько слов. Горячий шепот обжег шею и, пустив по коже стайку мурашек, поселил в груди могильный холод. Немыслимо. Невозможно.

— Теперь понимаешь, почему я не хотел говорить? — он продолжал меня обнимать, но в свете сказанного... Ох, меньше всего меня беспокоили его руки на моей талии!

— Зачем сказал?! И как узнать точно?

— Никак, только время покажет, — Кристоф склонился ко мне, — я бы не сказал, если бы сам не был ошарашен осознанием.

— Почему мы стоим так непозволительно близко?

— Чтобы сторонний наблюдатель счел, что у нас свидание? Или потому что мне приятно держать вас в объятиях — выбирайте сами, Вильгельмина.

Глубоко вдохнув, я медленно отстранилась. Глупостей сделано достаточно и пусть сейчас меня окружает тонкий аромат его парфюма...

Я вновь опустила в глубоком реверансе, но в этот раз он был искренним:

— Прошу простить мне мою чрезмерно импульсивную реакцию на ваши действия, Кристоф.

Он рассмеялся:

— Еще скажите, что поступили бы иначе.

Отведя взгляд, я сделала вид что смущена так, что не могу говорить. Увы, я вряд ли бы *смогла* поступить иначе.

Но в любом случае, никто не смеет отвешивать Правителю пощечины. И пусть он в столь хорошем расположении духа, что простил... Не стоит искушать судьбу.

Тем более, что внутри меня живет тайна. Тайна, которую я не смогу сохранить!

— Но ведь вы не уверены, — я бросила на него осторожный взгляд.

И замерла, рассматривая его губы. Подумать только, он поцеловал меня. Просто ради того, чтобы выбить из равновесия! Неужели он так легко относится к таким вещам?

Щеки, против воли, вновь обдало жаром.

— Я точно знаю, что этими магами не рождаются, — уверенно произнес Кристоф. — Силу получают либо в дар, малую часть, либо в наследство.

Вздрагнув, я посмотрела на него:

— В наследство?

— Именно, — он кивнул. — Полученная в наследство сила может и не прижиться. Дар ворочается, оценивает своего носителя, засыпает и просыпается. Хотя...

Кристоф вдруг улыбнулся:

— Может и правда стоит обнародовать этот момент.

— Нет, — я вздрогнула, — не надо. Если можно передать малую часть и если я правда... Меня разорвут на десяток таких кусочков.

— Проводить вас?

— Порталом пойду, — я нервно улыбнулась и добавила, — правда, простите за...

Я жестом обвела полянку.

— Я знал, кого целую, — усмехнулся Кристоф. — Здесь были не Правитель и подданная, а мужчина и девушка.

Не зная, что сказать, я просто поблагодарила его и открыла портал.

Портал к дому мастера Дейтора.

Если Кристоф прав, то именно от мастера я унаследовала часть своего дара. И я... Я смогу сплавлять окраинную сталь?!

Коснувшись ладонью щита, я почувствовала, как он гнется, прогибается. Все еще не поддается моему напору, но, кое-где, появляются небольшие проплешины.

Хочу ли я быть мастером ледяной окраинной стали? Готова ли я взять в руки молот?!

«Меньше драмы», фыркнула я сама на себя. «Уж чем-чем, а молотом мастер Дейтор размахивал только на ярмарке, чтобы силомер впечатлить».

Я видела, как из несовместимых вещей сплетается основа для ледяного слитка. Я видела, как мастер купал и баюкал будущий слиток в своей силе. Я представляю, как это делается.

Но поверить не могу до сих пор.

«Но если это так, то баронство получит еще большую защиту», пронеслась в голове мысль. «У нас вновь будут наконечники для стрел из ледяной стали. У воинов вновь появятся и ножи, и клинки, и острые длинные иглы — все, что нужно, чтобы сражаться с мертвыми тварями».

— Я буду ждать, — уверенно произнесла я и погладила щит, — и буду достойна. Обещаю, мастер.

И, построив портал прямым к себе в спальню, я вдруг призадумалась — а не так ли было задумано? Не даром я именно у мастера проводила все свое время. Не даром именно он заботился обо мне.

«И точно ли «несчастный случай» изменил цвет моих волос? Быть может, я получила свой дар не в наследство? Или же получила и «малую часть», и все оставшееся?», такие мысли роились в моей голове.

«Хотя с тем же успехом Правитель может оказаться не прав», отметила я ради справедливости.

Но... Внутри поселилось какое-то очень правильное чувство. Чувство, что я действительно могу стать мастером окраинной стали.

Глава 8

Если по уму, то стоило бы держать язык за зубами. Но... Не та это информация, которую следует скрывать от надежных друзей. Почему? Потому что они все равно узнают. Узнают, и спросят — ты так нам не доверяешь? А если ты так нам не доверяешь, то как нам доверять тебе?

— Сегодня без завтрака, — пропела я и, выхватив заготовку для телепорта, — со мной!

Мы переместились к старому убежищу — дому, в котором довелось пожить и мне, и Делии, и, чувствую, что он еще кому-нибудь пригодиться.

— Так, — Тина уперла кулаки в бока, — мне не очень-то интересно, что пришло тебе в голову. Важно другое — ты поворковала с Правителем, сбежала, а потом что? А потом бедная Тина будет мучиться с твоими руками!

— Мы все видели, — покивал Марон.

— Там не было укрытий, — возмутилась я.

Гамильтон зевнул:

— Мы легли на траву и прикрылись отломанными от куста ветками.

Я молча хлопнула ресницами и Марон поспешил добавить:

— Мы их потом в землю воткнули.

— Надеетесь, что зацветут? — саркастично спросила я, после чего отмахнулась от возражений, — не важно! Важно то, что мне нужна ваша кровь в залог молчания.

— Ого, — поперхнулась Тина, — мы вышли из доверия?

— Нет, — я посмотрела ей в глаза. — Мне бы промолчать, но я скажу. А кровь... Это на случай, если вас пытать будут. Дело не в моей безопасности, а в... В гипотетической безопасности Окраин.

Друзья молчали, а я... Доверять, так доверять:

— С вероятностью в девяносто процентов я — будущий мастер ледяной окраинной стали.

— Бери, — Тина тут же протянула мне ладонь, — в Империи Штормов вроде есть парочка, а у нас — нет.

Марон тоже протянул руку и попросил:

— Не забудь обезболить и залечить.

— Я?! Ты уверен, что хочешь, что я тебя лечила?

— Ой, нет, это я от неожиданности, — Марон отвел взгляд от моей руки с отметинами кнута, — не надо, само заживет.

— Мне тоже крови не жалко, — добавил посерьезневший Гамильтон.

— Мы с тобой и так связаны, — я закатила глаза.

Пес забавно пожал плечами и отошел в сторону. Он всегда старался держаться подальше, когда я начинала колдовать. Увы, моя сила никому не дарит приятных ощущений.

— Так, а теперь сладенькое, — Тина сверкнула глазами, — мы видели, что вы шептались, но... Он тебя поцеловал, или это просто была иллюзия для любопытных глаз?!

У меня на мгновение пропал голос, а после, справившись с собой, я возмущенно выдохнула:

— Мы же ушли! Мы ушли по дорожке, вглубь парка!

На что Марон с достоинством ответил:

— Не каждый бывалый воин может ползти так ловко, как ползли мы.

— И кустами прикрывались, — хохотнул Гамильтон.

Тина бросила на него обиженный взгляд:

— Да, мы же не можем уменьшить свой размер.

— А стоило бы уметь, — клыкасто ухмыльнулся Гамильтон.

А мне пришлось сознаться, что все было взаправду. После чего друзья уверились в том, что мир сошел с ума.

— Отвесить оплеуху Правителю, — подруга прилегла на лавку. — Оплеуху. Правителю.

— Она такая, — Марон обмахивал Тину платочком, — они и миледи ректору рот ладонью прикрыла.

— И что, — Тина чуть приподнялась, — и как?

— Быстро, — честно сказала я. — И непонятно.

— А. Так это ты от непонятливости руки распустила, — подруга слегла обратно. — Как мы тебя замуж-то выдадим?!

8.2

— Но-но, — Гамильтон запрыгнул на свободный стул, — если кто и будет выдавать ее замуж, то я. Кобель должен быть из хорошего рода, с сильной кровью и надежной поддержкой. Однако надо понимать, что наша су... Наша самочка тоже с характером, а значит...

— А значит, сейчас каждый получит по мечтам, — я взяла со старой маго-плиты половник, — и разобью я их... А что вы так на меня смотрите?

— А сделай что-нибудь, — Тина округлила глаза, — ну, как это делают мастера окраинной стали.

— Точно, — Марон даже руки на коленях сложил, как будто он хороший мальчик. — Покажи что-нибудь.

Отложив кухонную утварь, я осторожно напостила:

— Я же сказала *будущий мастер*, я же сказала, что это не точно.

Но они продолжали смотреть. Я нахмурилась, отвернулась, посчитала до десяти и...

Они все еще смотрят.

— Ладно, покажу кое-что, чему меня научил мастер Дейтор. Но! Это не имеет отношения к окраинной стали, — я начала обыскивать кухонные шкафчики.

И, заодно, отметила, что кто-то тут все починил. Гроза Леса, если не ошибаюсь — очень уж фонит его магией от новеньких гвоздей.

Тут меня будто молнией прошибло — раньше так точно у меня не получалось различать магию.

— Если я делаю шоу, то сделайте и вы для меня. Пока я ищу красивую травинку, пропитайте своей силой вот эти три ложки.

— Зачем? Это для сплава? — Тина тут же схватила протянутую ложку.

— Нет. Потом объясню.

Выскочив из дома, я жадно втянула в себя чистый воздух и, медленно выдохнув, опустилась на крылечко.

Мастер всегда знал, кто и что зачаровал. Всегда. Я винила в этом его огромные круглые очки, но...

«Мне же тоже будут нужны очки! Или другая маскировка...»

Мастер всегда носил свои грубые, фонащие магией очки и длинный-предлинный белый шарф. И коричневую мантию с кожаными вставками.

Точнее, не всегда, а тогда, когда хотел, чтобы все его узнавали. Когда же он переодевался в приличный сюртук по последней моде... На рынке его узнавали с трудом.

Восстановив душевное равновесие, я сорвала первую попавшую травинку с пушистой метелкой на конце и вернулась в дом.

— Мы думали, ты сейчас цветущий папоротник принесешь, — фыркнул Гамильтон.

— Раскрой глаза, это он и есть, — усмехнулась я.

«- Секрета никакого нет, — мастер усмехнулся, а его очки таинственно замерцали, — главное — хороший сферический щит. Не тот, что создают боевые маги, нет. Тот щит защищает того, кто внутри, от того, что снаружи. Тебе же нужна сфера, которая защитит тебя от того, что внутри. А внутри...

— Расплав металла, — я зачарованно устала на круглую сферу, в которой бурлил свинец.

— Именно. И плавить его надо магией. Свинец расплавить проще всего, поэтому бери брусок. Расплавил — куплю леденец на палочке».

— Ничего сложного, — я взяла железную вилку и, усилив пальцы магией, разломил ее пополам, — часть с зубчиками оставляем лежать на столе, вторую часть плавим. Добавляем стекло, травинку. Травинку обязательно защитить своей магией. И раз! У нас получилась полупрозрачная масса.

— Стекло и сталь невозможно смешать, — насупилась Тина, зачарованно глядя на массу, пузырящуюся над моей ладонью.

— Магия может все, — фыркнула я. — Теперь формируем что-нибудь интересное, помещаем внутрь травинку и левитируем вверх часть с зубчиками. Соединяем, остужаем, и оп! Эксклюзивная вилка. Внутри можно поместить что угодно — драгоценности, листики, цветочки, маленькие шишечки. Тут вопрос в фантазии, а не в возможностях.

— Мы же передеремся, — медленно произнес Марон.

— Не-а, — радостно сказал Гамильтон и одним движением лапы смахнул вилку в спешно сотворенный межмировой портал, — не из-за чего драться!

— Вам так понравилось? — удивилась я.

Тина вытаращилась:

— Шутишь?!

— На ближайшие дни рождения подарю вам такие сервизы, — я покачала головой, — здорово сэкономлю. Но это не имеет никакого отношения к ледяной стали.

«По крайней мере я так думаю. Иначе были бы какие-то рецепты, я не знаю, котлы. Ну, или кто-нибудь убился бы, пытаясь повторить».

— Давайте возвращаться, — я улыбнулась.

— Через рынок. Молока хочу и свежих булок, — облизнулся Гамильтон.

— Ты знаешь, что взрослые собаки не могут усваивать молоко? — поддел его Марон.

На что пес снисходительно бросил:

— Так я и не собака.

— Ты... С тобой бесполезно спорить.

Гамильтон аж остановился:

— Ты все-таки это понял?! Давай лизну в знак поздравлений!

— Не над... Мф-ф-ф, спасибо.

— М-м-м, крем на основе лепестков филталии, — мой компаньон вывалил язык, — горькая гадость.

Марон покраснел и замолчал. И молчал все то время, что мы таскались по рынку. Ведь Тине приспичило найти «такие же приборы» и «показать тебе, сколько это стоит!».

— Ты бы уже давно насобираала себе на патент! — пыхтела подруга.
— А мы бы уже давно хвастались эксклюзивными приборами!

Спорить с ней тоже самое, что спорить с Гамильтоном — только время терять. Так что мы нашли эти вилки, полюбовались на круглый ценник, после чего я победила все аргументы подруги:

— Простите, не вижу клейма мастера.

— О, вот здесь, — пожилой продавец подсветил изящную ложечку колдовским огоньком, — видите? Раньше делали грубее, чтобы каждый видел. Сейчас вошли в моду скрытые клейма.

— А без клейма? — спросила Тина.

— А состав? Что если в сплаве будет яд? Или проклятье? Тут-то сразу видно кто делал. Идите, не по карману вам.

Мы вышли из лавки и Тина, горестно вздохнув, извинилась.

— Ваши приборы будут с клеймом, — я дернула подругу за короткую косицу. — Отбор-то закончится, а золото останется. Вот и будет у меня и кольцо мастера, и лицензия. И все-все, что нужно.

«Ведь мастер окраинной стали без клейма — курам на смех», добавила я про себя.

8.3

Когда мы вернулись в комнату, я взялась потрошить подарок Кристофа. То украшение в волчьем стиле, что мне преподнесли после представления. Тина с Мароном остались в гостиной — пока нас не было у двери оставили новую стопку книг. Вероятно, это была моя неуловимая Тиссия.

Девчонка оказалась настоящим сокровищем — у нас было чисто, тепло и сытно. Печенье в вазе не переводилось, откуда-то пополнились запасы чая и вот, стопка книг. И все это за то короткое время, что невесты переселены в основной дворец.

При этом саму Тиссию мы не видели и даже не представляли, чем она занята. Я хотела было этим озаботиться, но... Кто-то же ее нанял, верно? И если нанял, то проверил.

— Измени, — буркнул Гамильтон, не выдержав моих вздохов.

— Кому? — поразилась я, — мне некому!

— Украшение измени, раз оно тебе так не нравится. Сколько лет ты уже обещаешь мне полный сервиз?

— Я не виновата, что в твоём мире полный сервиз — двести одиннадцать вилок, — возмутилась я.

— У нас большие семьи, — мой компаньон клыкасто зевнул, — сделай украшение таким, каким хочешь его видеть. Вспомни, после отбора очень многие крылатые невесты перепродают украшения. Ты и сама собиралась это сделать.

Мне оставалось только кивнуть. Вот только внутри Луна была больше, чем снаружи. Зачарована вещичка на совесть, нити магии проходят сквозь оправу внутрь и...

Это магия Кристофа. Он сам зачаровал эту вещицу.

— Ты, кхм, ты не знаешь, может, может у отборов есть еще какие-то традиции? — я посмотрела на пса.

Он ответил мне недоуменным:

— В смысле еще какие-то? Отбор сам по себе одна большая традиция.

— Ну, может, Правитель что-то делает для невест, — я нервно сжала украшение, — что-то закликает или...

Гамильтон зевнул, потянулся и поднялся на лапы:

— Это не у меня надо спрашивать. Когда я был в твоём мире в прошлый раз, то особенные украшения делал придворный ювелир, а остальное скопом закупалось в городе. Времени прошло достаточно, может, что-то изменилось.

Тина с Мароном подтвердили версию Гамильтона. Единственное, что теперь украшения не закупались по разным лавкам, а выполнялись по эскизам придворного ювелира на заказ.

— Было много обид в прошлом, — охотно рассказывала Тина, — где-то камешек плохо закреплен, где-то сплав не тот. Вот и решили, что придворный ювелир будет создавать семь-восемь набросков, а его ученики или выбранные им городские ювелиры, будут делать по этим эскизам украшения. Это почетнее, чем просто абы что.

— На отбор, как правило, приглашают оч-чень обеспеченных девиц, такие довольно переборчивы. А Правителю стыдно ударить в грязь лицом, — добавил Марон. — Пойду пройдуся.

— Не попадись тварям, — хмыкнула Тина и вернула свое внимание книге.

— Конкретизирую, твари разные бывают, — невесело пошутил он и вышел.

А я села рядом с подругой:

— Вы поссорились?

— Он позвал меня замуж, — Тина захлопнула книгу.

— А ты?

Она пожала плечами:

— Между нами вроде как все давно сговорено. Но я точно знаю, что он меня не любит. И я его — тоже. А свадьба вся эта только чтобы родители от нас отстали. Вот только после свадьбы дети, резерв просядет, восстановится лет через пять. А моя карьера? Даже не так, не карьера. А моя учеба? Я хочу стать целителем не для того, чтобы положить диплом и кольцо мастера в шкатулку!

Подруга посмотрела на меня, будто ждала совета. Но... Мои советы не то, что помогает людям. Однако же и промолчать я не смогла:

— Ты говоришь с леди, которая жила в лесу, потому что не захотела мириться с новыми порядками привнесенными материным любовником. Мой ответ — делай то, что хочешь и неси за это ответственность. Те же Окраины встретят тебя с распростертыми объятиями и загрузят опытом по самую маковку.

Тина тяжело вздохнула и тихо сказала:

— Боюсь, что мама мне этого не простит.

— Тогда выходи замуж.

— Боюсь, что этого себе не прощу уже я.

Гамильтон не выдержал драмы:

— Чем не угодила помолвка? А щенков зачем заводить сразу? Умные собаки заводят логово, ледник, мясо морозят, вялят, кости вываривают. Или ты думаешь со щенками побегаешь по лесу, поохотишься? А кормящей самке нужно хорошо есть, иначе помет не выживет.

— Вот, все по делу. Трезвый взгляд ответственного пса, — я провела ладонью по руке Тины, — все образуется лучшим образом.

8.4

Нельзя сказать, что нам удалось ее успокоить. Но и несчастной она больше не выглядела. Поэтому я осторожно добавила:

— Вам все же стоит подумать о том, чтобы жить подальше.

— На Окраинах? — невесело улыбнулась Тина. — Дальше просто некуда.

— Для меня это было бы очень удачно, — не стала скрывать я, — но нет, не обязательно. Да хоть в том же Иль-доратане.

— Что-то вроде того, что некоторых людей проще любить на расстоянии? — хмыкнула подруга.

— Вроде того, — кивнула я.

Я хотела напомнить подруге про Корпус Целителей, но к нам в комнату влетела перевозбужденная Эйра.

Причем то, что дверь была заперта волчицу не смутило — она вскрыла замок магией! Об этом мне, опять же, поведало мое обострившееся магическое чутье.

— Он подарил мне платок! Не украшение, а платок! — в пальцах она стискивала скомканную алую ткань.

Мы заинтересованно выпрямились. Хотя я, если честно, не вполне уверена, что платок можно отнести к категории ювелирных украшений. А потому я осторожно поинтересовалась:

— Ты радуешься или печалишься?

Волчица крутанулась вокруг себя и плюхнулась прямо на ковер:

— Печалится пусть отец. Правитель одобрил мой танец и подарил платок, вместо украшения. Это значит, что теперь я уже не крылатая невеста, а почетная гостя Отбора! И никто больше не посмеет мне запрещать танцевать, если сам Правитель одобрил!

Долго она не усидела, только договорила и сразу вскочила, выбежала на середину комнату и, подбросив платок к потолку, закружилась. Кроваво-алый шелк укутал ее с головы до пят.

— Расшивать его я буду сама, — пробубнила она, складывая ткань, — но ведь и драгоценные бусины он тоже прислал. Прекрасный, прекрасный милорд!

Ворча и ругаясь, Эйра пыталась засунуть платок в карман своей объемной юбки, но у нее не получалось.

— Вот говорила швее, надо вместительнее делать. «Что вам туда класть, что вам туда класть!», — пропыхтела она и сдалась.

Сложив платок вдвое, она укутала им плечи и вновь опустилась на пол. После чего, удобно усевшись, одной рукой она принялась чесать Гамильтона, а второй махнула в мою сторону:

— Где ты была во время моего выступления?!

— Стояла на садовой дорожке и любовалась, — я улыбнулась, — лорд Рентийский прикрыл меня зеркальным щитом.

— А, вот почему я чувствую на тебе его запах, — покивала волчица. — Давайте, что ли, как-то отметим смену моего статуса?

И из кармана, в который не получилось положить платок, была извлечена весьма объемная бутыл.

— Бокалы придется наколдовать. Они тоже не влезли, — развела руками волчица.

Мы, нервно сглотнув, принялись выкладывать на стол съестные припасы.

— Я не буду, — отказалась я, глядя на то, как Эйра расставляет на наколдованном столе три не менее наколдованных бокала.

— Не хочешь говорить людям правду? — сощурилась волчица, — ну и ладно, нам больше достанется.

А я подумала, что, может быть, стоит запечатать заклятьем двери и окна? Мало ли, как эта настоечка подействует...

— Вообще, — Эйра разлила густую янтарную жидкость по бокалам, — алкоголя тут практически нет. Но не будем рисковать.

— Не дождавшись меня? — в комнату вошел Марон, нагруженный подносом со съестными припасами.

Не конфетками и печеньками, а мясными деликатесами.

— И даже таралетки, — перед Гамильтоном была поставлена небольшая тарелочка. — Эйра встретила меня в коридоре.

— И направила в сторону кухни, — просияла волчица. — Пробуйте же.

Тина грустно посмотрела на меня, потом на Марона, потом на Эйру и потом вновь на меня. Не найдя ни одной причины для отказа, она залпом выпила настойку и, прислушавшись к себе, улыбнулась:

— Приятная. Тепленько так стало.

После нее и Марон решился попробовать:

— А мне показалось, что прохладой повеяло.

— Эта штука для каждого своя, — пояснила волчица. — Больше трех бокалов нельзя.

— А что вообще происходит с людьми, выпившими это? — настороженно уточнила я.

— Только хорошее, — заверила меня волчица, — приходит уверенность в своих силах, пробуждается целеустремленность.

— Звучит прекрасно, — я с опаской посмотрела на вновь наполненные бокалы. — Главное, чтобы результат был таким же.

8.5

Тина, улыбнувшись, подняла бокал за Эйру, прекрасную танцовщицу. Затем за то, что наша волчица освобождена от участия в гадском цирке.

Я же, сидя в кресле с ногами и подпирая щеку ладошкой, проворчала:

— Как-то ваш результат больше похож на опьянение, чем на мотивацию.

— Настойка-то на спирту, — сквозь дрему проворчал Гамильтон и добавил, — подай ветчинки.

— Ты спишь, — возмутилась я.

— Я мотивирован парами вашей настойки и склонен к продуктивности, — он повернулся на спину и, не открывая глаза, поторопил меня, — закидывай-закидывай, я велик и способен делать два дела одновременно.

Левитировав ему несколько сочных кусочков, я с умилением пронаблюдала, как мой компаньон «продуктивно» и «мотивировано» жует не просыпаясь.

Удовлетворенно выдохнув, он свернулся крупным калачиком и захрапел.

Эйра, подхватив последний кусочек ветчины, поспешно сунула его в рот, а после разлила по бокалам свою настойку. И, плотно закупорив бутылку, убрала ее в карман:

— Больше нельзя, отравимся.

— Ты сказала там травы, — возмутилась Тина.

— Травы, — покивала волчица, — грибы, мох, несколько камней...

— Мама, — жалобно выдохнула подруга, — мамочка...

— Отвердевшая магия, растворенная в настое, — продолжала перечислять волчица, — и несколько душевнейших проклятий. А как иначе получить такой великолепный эффект?

Судя по Тине, эффект на нее произвела не настойка, а слова волчицы.

— А ведь говорила нам профессор ядоделия: «Не спешите пробовать то, чем до вас никто не травился», — глубокомысленно произнесла я и отпила кипяченой воды, — а вкусненько.

— Ну, терять мне уже нечего, — выдохнула Тина, — а вопросы к самой себе накопились.

С этими словами она залпом выпила последний бокал. А я, желая помочь подруге, вкрадчиво произнесла:

— А теперь вспомни, что на людей и обратной алхимические зелья действуют иначе.

— Ой, — подруга побледнела.

И я поспешно, пока она не вспомнила разницу между алхимическим зельем и настойкой на спирту, добила ее:

— И вот, если тебе осталось жить последние секунды, кем бы ты хотела умереть?!

Она замерла, хлопнула глазами и жалобно выдохнула:

— Но я не хочу умирать...

— Но нам же придется что-то написать на твоём могильном камне, — я подалась вперед.

Тина скорбно вздохнула:

— Напиши так: «Она умерла в шаге от мечты». Или нет, не так. Напиши: «Здесь лежит та, что так и не спасла ни одной жизни».

Тут подруга особенно горестно вздохнула и с укоризной посмотрела на свой бокал. Потом нахмурилась. А потом я едва успела выставить щит — ведь бокал полетел в меня!

— Настойка! Мина, это — настойка! — рявкнула Тина, — я тут себя несчастную оплакиваю! А ты...

Не договорив она на мгновение замерла, а после деловито произнесла:

— За такие издевательства с тебя рекомендации в отряд боевых магов. Мне нужен реальный опыт для поступления в Корпус Целителей. И письма от дипломированных целителей.

— У нас есть они.

И я посмотрела на Марона. Он сидел тихо, закинув ногу на ногу, друг держал перед собой бокал. То одним боком повернет, то другим — янтарная жидкость мягко переливалась в колдовском свете, искрила и манила.

Криво усмехнувшись, он залпом опрокинул в себя настойку и с такой силой опустил бокал на стол, что мы все вздрогнули.

Мы не успели ничего спросить, а за ним уже захлопнулась дверь.

— Это вот что сейчас было? — севшим голосом спросила Тина.

— Кажется, мотивация, — не менее хрипло ответила я.

И мы, не сговариваясь, посмотрели на Эйру. А та кивнула:

— Он обрел необходимую силу воли и устремился навстречу своей цели.

— Знать бы еще какая это цель, — нервно произнесла Тина. — А то они бывают разные.

Гамильтон всхрипнул, дернул ухом и проснулся. Сел, поморгал осоловело, зевнул во всю пасть и проворчал:

— Я в кроватку.

— Ты можешь позвать своего нюхача-племянника? — спросила я его.

Гамильтон, не говоря ни слова, топнул лапой, прислушался к чему-то не слышимому и покачал головой:

— Нет, он слишком далеко.

Переваливаясь, мой компаньон направился в мою спальню. И дверь открыл не магией, как обычно, а просто боднул головой. И еще. И снова. И так до тех пор, пока я не встала и не помогла ему.

— Не за что, — бросила я ему в спину и, закрыв дверь, вернулась в кресло.

И заметила, что подруга окончательно замотивировало — Тина открыла свою огромную и толстенную записную книжку, которую уже давно можно называть полноценным ведьминским гримуаром, а Эйра сосредоточенно разминала кисти — гибкость рук, как ни странно, один из важнейших моментов ее танцев.

— Я пойду, — волчица туманно улыбнулась, — луна сегодня диво как хороша. Буду танцевать в ее лучах.

— Иди, — покивала Тина, не отрывая взгляда от своих записей. — Мне пришла в голову гениальная идея.

Подруга скинула туфельки и забралась в кресло с ногами. И я как-то сразу поняла, что пока не выветрится этот волчий мотиватор, отвлечься она не сможет. Или не захочет?

«С другой стороны, Корпус Целителей это очень, очень почетно. Но вместе с тем, боевые лекари всегда в гуще событий», думала я, стоя перед окном и рассматривая темные лужайки и залитые лунным светом дорожки.

По одной из которых, шатаясь, брел Марон. Я узнала его сразу — по вихрастой макушке, по чуть косоватой линии плеч. Да и профиль у него вполне узнаваемый.

«Почему его шатает? Ни Эйра, ни Тина не захмелели до такой степени», я подалась вперед, настороженно всматриваясь в фигуру друга.

И вдруг я увидела, как он поднимает с земли палку, превращает ее в... В веревку?! А после уходит с освещенной дорожки в тень!

— Ах ты ж волчья отравка, — взвыла я. — Тина! Тина!

Подруга, уставившись воспаленными глазами в свой блокнот, усердно что-то строчила. Заглянув ей через плечо, я только выругалась — целительская терминология всегда была для меня темным лесом.

Я не могу открыть портал туда, не знаю куда! Не могу простроить переход к человеку, а не к месту! Есть целая книга, огромный талмуд, где собраны географические ориентиры, цифры, зная которые, можно переместиться на подготовленную площадку. И, уже после, погуляв по городу, выбрать личные точки перехода.

Несколько лет назад мне пришлось посвятить этому целое лето — денежный вопрос встал очень остро, а кроме порталов мне продать было нечего.

«Нет, еще можно было себя сторговать, но... Лучше порталы», хмыкнула я про себя.

Вылетев из комнаты, я поспешила к выходу. И уперлась в щит, преграждающий вход-выход из нашего крыла.

Едва лишь я попробовала пройти сквозь, как перед моим носом появились пылающие буквы:

«Выход возможен не ранее семи часов утра».

— Да что ж такое-то!

8.6

Медленно выдохнув, я усилием воли усмирила панику. Спокойно, у Марона нет причин для самоубийства. Нет. Но! Волчье пойло могло подействовать на него самым неожиданным способом, а потому...

Подняв руку, я коснулась кончиками пальцев преграды и отпустила свою силу. Обычно, колдуя, я будто фильтрую магию, оставляя внутри себя ту часть, что плавит металл.

Преграда осыпалась, а я, перешагнув через радужные осколки, решительно направилась к выходу. Правда, сделав несколько шагов я вспомнила о нескольких моментах. Во дворце видели тварь мертвого мира — это из того, во что мне до сих пор сложно поверить, и принц-бастард пытался пробраться к невестам — а вот это уже больше похоже на правду.

Решив не оставлять «коллег» без защиты, я навесила на проход свой щит. Может, не самый сильный, зато оригинальный и необычный. И тварей растворяет на раз.

Выбежав в парк, я прикрыла глаза и настроилась на биение силы. Своей силы, скованной каменными стенками. Медленно, понемногу, я отбрасывала ненужное — свои собственные артефакты, затем зачарованные мной вещицы Тины — она, получается, ближе, чем Марон. И...

Да! Есть контакт!

Радостно улыбнувшись, я подобрала подол юбки и припустила к Марону. Бежать пришлось долго, но уж что-что, а бегать меня научили. Равно как и падать, уходить с линии атаки и много чего еще. Отец видел меня во главе баронства, а это обязывает быть если не одной из лучших, то хотя бы крепким середнячком.

Сила пела, звала к себе, манила. Мгновение, другое и...

Марон висел на дереве. Чуть покачивался. Скри-ип-скри-и-и-ип говорила ветка, к которой он привязал веревку.

— Давай же, тряпка, — зло выдыхал мой друг, повесивший себя за ноги.

И он подтянулся! За счет силы пресса!

Сделав пару шагов назад и едва не наступив на сухую хрупкую ветку, я, прикрыв рот ладонью, поспешила уйти с полянки. Что ж, друзья теперь знают, чего они хотят в этой жизни.

Бросив последний взгляд на истово занимающегося Марона, я покачала головой, кто бы мог подумать, что наш друг мечтает стать боевым магом?

«Ему ведь не дано. По меньшей мере пылкости характера и смелости», подумала я про себя и... И вдруг осознала, что он не бросал нас. Даже в самых неудобных, позорных и страшных ситуациях — он ругался, он ворчал, он стenal и жаловался, но не уходил.

«Надо подкинуть ему пару тренировочных схем», решила я.

И даже придумала, как именно это сделать — попрошу переписать для пересылки на Окраины. Мол, обкатала на себе, хочу другим знания передать, а с этим Отбором столько дел, столько дел!

Шшу-р-х-х.

Вздвогнув, я резко обернулась. Но за спиной по-прежнему был ночной парк. Луна высеребрила листву и траву и...

— С-сэ-ш-ш-у-а-с-с.

«А вот это очень плохо», я призвала клинок.

Тот, кто хоть раз слышал грамрла, никогда и ни с чем не перепутает этот присвист.

Говорят, что раньше их мир был щедр и плодороден, а сами пауко-змейки были просвещенным народом. Их даже не призывали в компаньоны, а просто приглашали в Академию Наук. Тогда она была одна единственная на все страны.

Но около двух сотен лет назад их мир стремительно опустел, магия мутировала, а сами они стали теми, кого мы зовем грамрлами.

— С-э-сэ-сэ.

И что самое худшее, из всех тварей мертвых миров, только у грамрлов сохранился рассудок. Они не просто хотят пожирать все живое и обладающее магией, они еще и договариваться способны. Втираться в доверие.

«И бить в спину».

Мне следовало принять решение — открыть портал к Марону, схватить его, и открыть портал в спальню. Заготовок хватит, у меня их по карманам с полсотни распахано.

Но кто-то еще может гулять по парку. Могу ли я уйти? Мне страшно, но у меня есть опыт. И есть окраинный клинок. И есть магия, что отравляет даже грамрлов.

— Человек-с-с, ты видишь-с-с меня?

«Не надо принимать решение», с отчаянным весельем подумала я, поднимая клинок и наполняя его магией.

8.7

Плотно смежив веки, я напирала их своей силой. Нельзя смотреть на грамрла незащищенным взглядом, в очки свои я достать не успею — они похоронены в Безвременье.

— Тц-тц-тц, человек хоц-щет дратс-са.

Смотреть сквозь веки неприятно и трудно, все плывет и двоиться, но...

Но тварь видно и видно очень хорошо. Грамрл выделяется на фоне нашего мира — весь парк слился в темное серо-зеленое пятно, и только чешуйчатая дрянь подсвечена грязно оранжевым светом. Светом, что струится из провала.

Я не спешила нападать — существо не полностью перешло в наш мир. И если сейчас потерять осторожность, то можно соскользнуть туда, в их мертвый мир.

Грамрл выползал из провала медленно. Красовался. Или усыплял бдительность.

Но я была готова. Страх ушел. Да, сейчас я одна. Да, в прошлый раз нас был целый отряд. Но... Я справлюсь.

И я видела, видела как подрагивают его лапы перед рывком.

«Три. Два. Один!»

Тварь рывком покинула провал! Удар хвостом, но меня уже нет на этом месте.

Пережат, удар и есть! На теле грамрла появляется первая рана. И я, нехорошо усмехнувшись, посылаю в тварь одно из сильнейших исцеляющих заклятий!

— С-с-с-а-а-з-з, — это, должно быть, и во дворце слышали.

А небольшая рана грамрла начала стремительно увеличиваться в размерах.

— Ответиш-ш, — прошипела тварь.

Бросок! И я с трудом успеваю прикрыться щитом. Удар-удар-удар, но все мимо, грамрл подставляет бронированные передние лапы. И бьет хвостом, снова и снова.

А у меня ноет рука, болит и дергает. А клинок становится все тяжелее.

Да и нужно признать — настолько крупной и взрослой твари мне еще не приходилось встречать.

«И сытой, что самое главное», промелькнуло у меня в голове.

Прыгая вокруг грамрла, я раскидала кругляши-ловушки — наполненные жизненной пузырьки. Как правило твари мертвых миров сразу бросаются на деликатес и, пока они жрут, мы их убиваем.

Этот же не заинтересован. Он зажимает лапой рану и продолжает сражаться.

Я могу уйти порталом, это займет всего несколько секунд.

Я не могу уйти порталом — тварь в ярости, она найдет Марона.

Я могу воспользоваться порталом...

«Такого я еще не делала», честно признала я.

И, перекинув клинок в левую руку, выщелкнула их потайного кармашка порталную заготовку.

Три-два-один... Пошел!

Дар не подвел, и я оказалась прямо на покатой спине грамрла. Не давая себе ни секунды на раздумья, я перехватила клинок двумя руками и вонзила его в тварь. И следом, прикусив губу, выплеснула сквозь клинок такое количество силы, что хватило бы на портал до Империи Штормов.

Тварь завизжала, вздыбилась, забилась подо мной! И я, выщелкнув вторую заготовку, открыла портал в сторону от чудовища.

И приготовилась сражаться — сильно раненный, грамрл все еще был опасен.

Треск, скрежет и мимо меня проносится волна знакомой, приятно-искристой силы. И сквозь сомкнутые веки я ясно вижу, как твари приходит конец.

— Кристоф, — открыв глаза, я поворачиваюсь к нему, — приятная ночь, не правда ли?

— У тебя радужка светится, — усмехнулся он.

— На грамрла нельзя смотреть без надежно зачарованных очков, — я пожала плечами и приняла оттирать клинок о траву, — очки глубоко в Безвременье, пришлось импровизировать.

— Почему ты вышла, — он подошел ближе и подал мне какую-то мягкую тряпицу, — трава не особо-то очищает, знаешь ли.

— Знаю, — легко согласилась я и приняла ветошь, — но я не столь хороша в изменении предметов.

— А что здесь происходит? — из кустов вышел Марон.

На шее у него висела веревка, а перед собой он левитировал огромный световой шар.

— Вот и я это хочу узнать, — мрачно произнес Кристоф.

И я бы рассказала, да вот только со стороны дворца слышался дикий крик, а после...

— Грамрл, — выдохнула я, — и не один!

— Найди безопасное место и укройся, — приказал Кристоф.

На что я, спокойно и без лишних истерик напомнила:

— Я не столичная нежность, а вполне себе окраинная жуть. И буду полезна в бою.

— Мина, ты не можешь...

Еще один крик прервал Кристофа и я, воспользовавшись паузой, не без ехидства заметила:

— Это вы, Кристоф, должны найти безопасное место. Вы — Правитель, без вас все рухнет.

И, вскинув руку, я хотела переместить его порталом, но, увы, Кристоф явно усвоил иль-доратанский урок, а потому отскочил от меня очень резво:

— Даже не вздумай.

— А я все равно ничего не понимаю, — вздохнул Марон.

— В портал, — рявкнула я, — выйдем в крыле невест.

8.8

Кристоф, отбросив сомнения, коротко кивнул:

— Хорошо.

И, уже оказавшись в обманчивой тиши дворцового коридора, осторожно уточнил:

— У вас несколько ледяных клинков?

— Нет, — усмехнулась я, — просто клинок отца, в критической ситуации, становится моим клинком. Сами понимаете, мне не по руке длинный меч.

Кристоф на мгновение смешался, а после коротко кивнул:

— Мне стоило бы и самому понять. Вильгельмина, я прошу вас забаррикадироваться в своих покоях и ни в коем случае их не покидать. Подождите!

Он не повысил голос, но что-то в его тоне заставило меня оставить при себе несколько «ценных» слов.

— Вы не просто "окраинная жуть", — он усмехнулся, повторяя мои слова, — вы — крылатая невеста. Я не могу допустить, чтобы вы рисковали собой, сражаясь рядом со мной.

— Даже если погибнут люди?

— Если вам будет нанесет вред, пострадает больше людей, — уверенно произнес Кристоф.

И я не нашла, что на это ответить. Зато Марон, стоявший за моей спиной, тихо выругался и прошипел:

— Идем отсюда. Я все объясню.

— Я не понимаю, — нахмурилась я, глядя Кристофу в глаза, — не понимаю.

— Тогда я прошу вас просто подчиниться, — он криво усмехнулся, — Вильгельмина, пока вы со мной пререкаетесь, где-то там гибнут люди. Вам нельзя участвовать в этом.

В этот же момент, будто иллюстрируя его слова, до нас донесся дикий крик. А после озлобленный, полный ярости рык.

И видят боги, этот рык был мне знаком!

— Тина, — выдохнул Марон.

И мы, не сговариваясь, бросились к выделенным нам покоям.

— Мина, где твои очки?! — выкрикнул Марон на бегу.

— Нет их, — рывкнула я, — не достану сейчас. Не смогу!

— Смоги! — в тон мне огрызнулся друг.

И я, призвав себе на помощь всю возможную удачу, потянула на себя Безвременье.

Первой мне в руку скакнула полупустая бутылка с маслом для ламп. Затем ленты, которые мы с Тиной собирались расшить камнями. Затем...

— Я понял, — коротко произнес Марон.

— Возьми.

Голос Кристофа заставил меня вздрогнуть. Я не заметила, что он бежит следом за нами! А Марон, поймав очки, прижал их к сердцу и, кажется, пропал как личность — артефактные очки самого Правителя! Впрочем, меня интересовало не это:

— Вы разве не должны сейчас командовать всем этим безобразием?!

Выпалив это, я повернулась и там, где должен был быть тупичок и наша дверь, увидела неприглядную, тоскливую картину.

— Эти безобразием командует кто-то другой, — глухо произнес Кристоф.

И опустился на одно колено перед лежащим поперек коридора телом. Телом, которое было крылатой невестой еще пару минут назад. Сейчас же от одной из нас осталась лишь иссушенная оболочка, одежда, да украшение, которое она продолжала сжимать в правой руке. Правитель бережно окутал мертвую своей магией и поднял к потолку.

— С-сэй-эс!

В коридор, движимый неудержимой силой, вынесло грамрла. Вынесло его прямо сквозь стену. Кристоф среагировал мгновенно — между нами и тварью воздвигся щит, о который разбилась каменная крошка.

Я же приготовилась атаковать и разожгла в пальцах бело пламя, но... Грамрл был не жилец — на него всей своей массой рухнул Гамильтон.

Оторвав грамрлу голову, мой компаньон коротко произнес:

— Я забросил Тину в свой мир. Тварей больше четырех десятков, прут из подвала. Еще с пяток в парке. Я чувствую пение проклятой стали.

— Кто-то режет проходы в мертвый мир?! — вскрикнул Марон.

— И не в абы какой, — выдохнула я. — Грамрлы сидят у себя, по другим мертвым мирам не шатаются.

Посмотрев на Кристофа, я прикрыла рот ладонью. Он был занят — призвав переговорную сферу, отдавал короткие, емкие приказы. Затем, закончив, он перевел взгляд на нас. И я, показав рукой на пролом в стене, неловко улыбнулась:

— Боюсь, что забаррикадироваться мы не можем.

— Сохраните свою жизнь, Вильгельмина. Я допустил гибель одной из крылатых невест, — он посмотрел на кокон, висящий под потолком, — я не смогу принять вашу смерть.

— Хах, — выдал мой компаньон, — в паре мы непобедимы. Только, насколько я помню, мы не можем сражаться? Эти ваши традиции...

Кристоф серьезно ответил:

— Теперь можете, но...

— Эйра! — ахнула я. — Она на крыше! Или где-то в парке...

Куда могло понести волчицу, жаждущую танцевать в лунном свете?!

— Я даю слово, что найдя Эйру, избавлю вас от своего присутствия, — честно сказала я. — Отбор никогда не был в сфере моих интересов, но я всецело доверяю Гамильтону. Если он сказал нельзя — значит нельзя!

— А когда я сказал нельзя — вы начали спорить, — губы Кристофа тронула слабая улыбка.

— Вы не он, — честно сказала я.

И ахнула, когда моих губ коснулись губы Правителя.

— На удачу, она мне пригодится, — выдохнул он, обжигая мою кожу дыханием.

— А. Да. Пожалуйста, — нормальные предложения не получались и в итоге я сказала то, что сказала. И сама смутилась от нелепости слов.

Но Кристоф уже ушел, и мы с Гамильтоном и Мароном остались одни.

— Так, две минуты, — сквозь пролом в стене я вошла в наши покои.

И, убрав клинок в Безвремяе, призвала его вновь. Но теперь уже вместе со всем тем хламом, что копился там последние несколько лет.

Очки, ожидаемо, нашлись в самом-самом низу. Но, зато, Марон мог не бояться взгляда грамрлов. Ведь, как я и предполагала, очки Правителя он сунул в нагрудный карман и бережно прикрыл ладонью. Пользоваться ими он явно не станет. Я же вновь смежила веки и напитала их своей ядовитой силой.

— Милтон вернулся, — буркнул вдруг Гамильтон.

— А? — я повернулась к нему и поморщилась от сияния портала иного мира.

— Доброй ночи, — зевнул маленький бассет, — я бы хотел выразить...

— Нападение грамрлов, надо найти хозяйку вот этого волоса, — прервал его Гамильтон.

— Гнусные твари, — оскалился Милтон. — За мной!

Тут-то и выяснилось, что молодой бассет совершенно не различим на фоне напитанного магией дворца. И я, на свой страх и риск, открыла глаза.

— Гнусные твари — это он про нас? — осторожно спросил Марон.

— Думаю, все же про грамрлов, — хмыкнула я и неспеша направилась следом за маленьким бассетом.

Как бы я ни спешила к Эйре, но если бежать сломя голову, то можно стать поздним тварьим ужином.

8.9

На самом деле без Милтона мы бы не справились. Молодой бассет шел уверенно, ровно и, как и мы, не спешил и не разгонялся. Он не отрывал носа от мрамора и...

— Что-то не так? — шепотом спросила я, зацепив взгляд Гамильтона, направленный на Милтона.

— Малыш подрос. Под шерстью появились шрамы, — негромко ответил мой компаньон. — Оставлю его здесь, с нами.

И, несмотря на то, что это был не вопрос, в голосе Гамильтона звучали неуверенные нотки. Затевать долгий, полный клятв и обещаний разговор я не стала, просто коротко ответила:

— Я буду рада.

В этот момент Милтон уткнулся мордочкой в... В новые двери музыкальной гостиной. Чуть постояв, он боднул их головой так, что теперь нужны еще одни новые двери.

Дальше, не отвлекаясь, сквозь освещенную лунным светом гостиную к балкону. К распахнутому балкону, хочу уточнить.

— А она упрямая, сказала танцевать в лунном свете, значит танцевать в лунном свете, — вздохнула я.

И смежила веки. Просто потому что по спине морозец пробежал.

С помощью магии, ругательств, собачьих клыков и чуда нам удалось выбраться на крышу. Признаться, я бы предпочла это никогда не повторять.

Эйра танцевала. Прошло незнамо сколько времени, но опоенная травами, она так и кружилась в лунном свете. И это было куда красивее, чем тогда на поляне. Там она была земной, привлекательной страстной женщиной. Здесь же она была больше похожа на невесомого духа. На чудо, спустившееся к нам из другого мира.

На очень и очень упрямое «чудо» — привести ее в сознание не получилось. Нас-то она различила, светло улыбнулась и предложила сесть и посмотреть.

Стиснув зубы, я выщелкнула из потайного кармашка заготовку и, подобрав момент, просто-напросто поймала ее порталом! А в следующую минуту затолкнула туда и Марона.

А вот подхватить на руки бассетов не успела — на крышу вырвалось сразу несколько тварей!

И если один представлял для меня проблему, то трое... Трое — уже не проблема!

Гамильтон принял свой истинный вид. Огромный, суровый пес, чья шерсть местами срослась в полноценные латные щиты. Мы с Милтоном оказались у него на спине за считанные секунды.

Дальше же мы применили тот самый метод, который позволил мне вернуться живой из последнего боевого выхода — Гамильтон наносил тварям раны, а я их «любовно» исцеляла.

Истошно визжа, твари рассыпались на куски.

— Хочу себе человека, — глубокомысленно изрек Милтон.

— Да, они забавные, — согласился мой компаньон, — к ним быстро привыкаешь, они пробираются тебе в сердце и остаются там навсегда.

— Я тоже тебя люблю, — уверенно произнесла я, и погладила его.

— Во дворец? — спросил Гамильтон, делая вид, что сейчас ничего не произошло и никто не говорил о привязанности.

— Нет, — я покачала головой, — мы его либо развалим, либо тебя ранят. В узких переходах твои габариты не в плюс идут. Посмотрим, что в парке.

— В парке четверо грамрлов, — тут же доложил Милтон, — этот запах я теперь ни с чем не спутаю!

Я ощутила, как под плотной шкурой напряглись мышцы и стиснула зубы. Увы, Гамильтон и близко не пегас, а потому, когда он прыгает...

— Клац!

— Надо зубы стискивать, — посоветовала я ошеломленному Милтону, — Генерал-Пес не пегас, скачет как может.

— А может — лучше, чем пегас, — внушительно прорычал Гамильтон.

И в три прыжка оказался в центре парке.

— Направо.

Но мы и сами видели тварь.

Этот грамрл был уничтожен быстро — он питался. Застыв над телом, грамрл так увлекся, что не среагировал ни на собачьи клыки, ни на вспышку моей «всеисцеляющей» силы.

— Запахи второго и третьего исчезают, — подтягивая выпалил Милтон.

Мы спешили, но все, что удалось сделать — бросить в один из порталов несколько проклятий. Твари ушли.

Гамильтон набылчился, вскинул огромную башку к небу и завыл так, что мне заложило уши.

— Призыв Взгляда Луны, — Милтон был в полном восторге, — все легенды о Генерале подтвердились за одну ночь!

— Да, во дворце их тоже больше нет, — мой компаньон потянулся, смачно зевнул и в следующий момент мы с Милтоном оказались на траве, — весь позвоночник старику отсидели. Бедный я бедный, теперь вот, кончик хвоста дрожит...

Внемя ворчанию, я подхватила уменьшившегося компаньона на руки и, в компании Милтона, побрела к замку. А после, крепко подумав, открыла портал ко все той же избушке. Потому что я даже близко не представляла, куда идти, к кому обращаться и что вообще делать.

Точнее, что делать — не мешать — я знала. А потому, с чистым сердцем, отправилась «не мешать» в избушку. И недоеденного гвардейца с собой прихватила. Гамильтон вытянет из своего мира Тину и та подлечит парня.

8.10

— Где я могу расположиться? — осведомился Милтон и начал оглядываться. — Полагаю, на улице?

— Нет, — я покачала головой, — не верно полагаешь. Устроимся здесь.

— О, — у Милтона округлились глаза, — благодарю за честь.

Я покосилась на Гамильтона, но он просто дернул ухом. Мол, наши песьи заморочки, потом объясню.

— Я открою портал, — мой компаньон потянулся, — заберу Тину.

Милтон встрепенулся и я вспомнила, что Гамильтону нельзя в родной мир.

— Пусть лучше Милтон сходит, — как бы равнодушно произнесла я. — Скажет, что Правитель требует Тинку-лекарку. Что отразить нападение пока не получилось, а боевых магов исцелять некому. Главное, так и скажи «Тинку-лекарку», так она поймет, что это я ее зову.

— А зачем так? — удивился Милтон.

— Затем, что остальным крылатым наверняка неуютно в Песьем Мире. Они захотят выйти, а я их тут видеть не хочу. И во дворец возвращать не хочу — все это долго и противно, мы не выспимся.

Гвардеец, которого я левитировала на топчан, глухо застонал и открыл мутные глаза.

— Я мертв?

— Нет, нападение грамрлов отбито, — я подошла к нему. — Сейчас придет лекарка.

— Он резал мир, — выдохнул гвардеец и облизнул губы, — я увидел. Не мог... Не мог остановить. Бесчестный... Это...

Его глаза закатились и он потерял сознание. Ничего, сразу не выели — восстановится. Тем более, что он видел того мерзавца, что взрезал ткань мира и пустил сюда тварей.

— Резал мир, — я повторила, — резал мир... Поэтично.

— Не тем ты восхищаешься, — проворчал Гамильтон и открыл переход в родной мир. — А Милтон обратно вернуться не сможет, забыла? Так что я сейчас кого из мелкоты дерну.

Мне стало очень стыдно. Вначале я сама сказала, что буду рада, если он поживет с нами, а потом...

— Прости, — я присела на пол, рядом с серьезным бассетом. — Я не всегда помню о законах вашего мира.

— Я понимаю, — солидно кивнул он.

— А почему не напомнил?

— Поправлять су... самку?! — у него аж уши домиком стали, — помилуйте, леди, мне нравится моя жизнь. Тем более, что вы — человек Генерала.

Гамильтон приосанился, а я... Вздохнула и пошла обыскивать кухню. Что-то должно здесь быть из еды.

«Ну а с псовыми загонами спорить бесполезно. Другой мир — другая культура», хмыкнула я про себя.

И, с приятным удивлением, нашла корзинку со свежайшей выпечкой! Ну, точнее, корзину под стазисом. И письмом от Делии.

Она, оказывается, подружилась с одним из пегасов и теперь рассекает по всей стране. Вот и к нам заглянула — поняла, что мы все равно постоянно используем избушку.

«Поэтому я решила оставить пироги и укутать их стазисом. Вообще, это целительское заклятье, но у меня на родине его давно переняли повара. Всяко проще наготовить наперед, а потом доставать как будто с пылу с жару».

— Я думал, Марон и Эйра будут здесь, — произнес Гамильтон, не отрывая взгляда от открытого портала.

— Ты знаешь, я даже не подумала об избушке, а потому они сейчас на Окраинах, в доме дядьки Митара.

— К утру все баронства будут знать о происшествии, — усмехнулся мой компаньон.

— Я тебе больше скажу, — закончив раскладывать припасы на столе, я повернулась к другу, — когда придет Тина, я сяду писать письмо. Проклятая сталь вновь поет... Окраины должны знать. Сам понимаешь, одно дело взрезать ткань миров здесь, где она плотна как нигде. И другое дело у нас — чуть ткни и поползет прореха за прорехой.

Гамильтон кивнул. И, приманив к себе маленький пирожок, наделил им совсем юного щенка, который вывел из портала Тину.

Та, спасибо магии межмировых порталов, уже пришла в себя и была настроена ну очень решительно.

— Где мои бойцы? — спросила она и, принюхавшись к волшебному аромату пирогов, добавила, — я смогу устоять перед искушением.

— Боец всего один, его пила тварь мертвого мира, — я кивнула на топчан, — его нужно стабилизировать. Он видел того, кто открыл

переходы тварям.

— Надеюсь, это была Лилиана Морей? — мечтательно осведомилась Тина, — она бы хорошо смотрелась на болотах, с корзинкой чихрана!

— Увы, это явно был мужчина. Бесчестный, — я хихикнула.

В свое время супруга Правителя начала борьбу за чистоту речи дворцовой стражи. И пусть все ставили против нее, но из этой борьбы она вышла победительницей! И даже сейчас, когда жизненные невзгоды свели ее в могилу, гвардейцы продолжают использовать исключительно приличные слова. Даже в полузабытьи!

— Жить будет, — Тина отошла от мужчины, — но он очень сильно истощен. Знаешь, его очень странно пили. Следы, на магическом уровне, очень грубые.

— Ну, это логично, разве нет? — неуверенно произнесла я. — Сама знаешь, в такую тонкую материю влезть не могу.

— Твари пьют аккуратно, так, чтобы ни одна капля не пропала, — Тина подвинула к столу табурет и посадила на него Милтона, — а здесь... Большая часть его магии разлилась вокруг, а не попала в глотку грамрла.

— Убить он мог и иначе, — я положила перед Гамильтоном огромный кусок пирога. — Инсценировка? Чтобы никто не пытался призвать дух погибшего? Ведь твари, как правило, не убивают, а *выпивают*.

— Ты сама говоришь, что он видел предателя.

— Предателя? — переспросил Милтон.

— Тот, кто ради своей выгоды приводит грамрлов в родной мир — предатель, — уверенно отрезала Тина.

И мы все закивали, соглашаясь.

После перекуса устроились на ночлег. Наколдовав несколько мешковатых тюфяков, легли на пол. И если я устроилась рядом с теплым Гамильтоном, то Тина подгребла к себе поближе смущенного Милтона, который никак не мог поверить, что ему можно лечь рядом с нами. Он все порывался уйти к порогу, но уши были слишком длинные и Тина успела его перехватить.

— Сказано лежать — выполняй, — рыкнул Гамильтон и положил морду мне на живот.

Обозначил, так сказать, что я — его человек. При всей «человечности» Гамильтона, некоторые замашки у него были типично-собачьи. Что, впрочем, логично.

— Доброй ночи, — зевнула я. — Завтра сложный день.

И если бы я могла хотя бы представить, насколько он будет сложным...

Глава 9

Утром мы собирались очень быстро. Я планировала выцепить невест, но недоеденному бойцу стало хуже. На пергаментно бледной коже выступили темно-алые пятна, что означало лишь одно — грамрл не толькопил его, но и поделился своей энергией! И теперь гвардеец отравлен чуждой, мертвой магией.

— Я его не вытяну, — быстро сказала Тина, — нет, не будь альтернативы — я бы попробовала. Но до надежных целителей всего один портал!

Я же в этот момент решала, куда открывать переход. Наши покои разрушены, где поселили Драконью Жрицу я не знаю, а уж про Правителя и подавно ничего не известно!

— Бесчестный, — застонал гвардеец, — кинжал в руках... Темное, злое лезвие...

Я выщелкнула порталную заготовку и решительно открыла переход в наши покои. Оттуда проще начинать поиски Драконьей Жрицы или хоть кого-нибудь, кто сможет нам помочь! А там уже и невест обратно вернем.

«Хотя продолжится ли отбор?», промелькнула у меня короткая мыслишка. «Тут в пору траур объявлять».

Едва лишь мы пронесли гвардейца сквозь портал, как вокруг засуетились люди. Оказывается, Кристоф оставил дежурного — он догадался, что мы найдем где переночевать. Как догадался, что и вернемся туда же, где жили прежде.

Сам Правитель был где-то не здесь, он, что и понятно, занимался разрешением всего этого ужаса. Ведь мало отбить нападение, нужно найти магов, что укрепят ткань мира. Успокоить людей и...

— Как интересно, — протянул за спиной до тошноты знакомый голос. — Леди Фоули-Штоттен гуляет по дворцу, как у себя дома. Не вам ли мы обязаны этим чудесным ночным происшествием?

Думать нужно было быстро. И долгие объяснения — не вариант. Сплетня полетит быстро и...

Круто повернувшись к нему, я выхватил из Безвременья клинок и резанула ладонь:

— Клянусь жизнью, кровью и магией — моей вины в нападении грамрлов нет!

Капли крови, стекавшие с лезвия, превращались в золотистый туман. Туман, который благословляет сказавшего правду и убивает жреца.

На глазах ошеломленных гвардейцев и слуг, прибиравших коридор, мой порез затянулся. А золотая дымка, скользя по руке, исцелила отметины от плети.

— А вы можете поклясться? — спросила я и ловким, эффектным движением скрыла клинок.

— Мне нет нужды это делать, — принц-бастард криво усмехнулся и вкрадчиво добавил, — я бы советовал вам, леди Фоули-Штоттен, проявить больше почтения к своему милорду.

Меня перекосило, но слова, что рвались с языка, я все же придержала. Было страшно интересно, с чего вдруг трусливый бастард так оперился?

— Что-то мне все это не нравится, — мрачно произнесла Тина. — Но, зато, раненого унесли.

Я покивала, а после попросила проходящего мимо слугу проводить нас в какую-нибудь гостиную:

— Ночью мой компаньон переправил невест на ту сторону, в свой родной мир. Нужно место для обратного портала.

Из ниоткуда появилась Тиссия, цыкнула на слугу и широко улыбнулась:

— Следуйте за мной.

К моему почти истерическому смеху, привела она нас в Музыкальную Гостиную. Гостиную, в которой уже успели заменить двери и даже...

Стоп. Это же не та же самая гостиная! Она просто... Просто копия? Ночью, в темноте, я даже не поняла, что мы ползет по совершенно незнакомым, отвесным стенам!

«Вот почему было так трудно. Конечно, дворец Невест ниже и безвкусных украшений на нем больше — есть куда ногу поставить и за что рукой схватиться».

Медленно выдохнув, я решила никому не говорить о своем временном ночном помутнении. Засмеют.

Гамильтон призвал Эштона, а я, оглядевшись, заметила, что Милтон как-то слишком затих. Он не хочет оставаться с нами? Или считает передышку трусостью?

«Надо обязательно с ним поговорить», промелькнуло у меня в голове.

А через минуту, когда из портала вышла первая невеста, Милтон сам подошел ко мне:

— Человек с проклятым, черным лезвием прошел здесь. Могу я попытаться взять его след?

Опустившись на одно колено, чтобы оказаться с ним на одно уровне, я негромко ответила:

— Да. Но береги себя. Не суйся в опасные места и держись в тени, чтобы никто тебя не заметил.

Выпрямившись, я наткнулась на задумчивый взгляд Лилианы Морей. Она кусала губы, порывалась что-то сказать, но, в итоге, просто развернулась и вышла из гостиной.

Что бы это могло значить? И куда нам теперь идти? Мы вернули всех на место, может, рвануть за Мароном и Эйрой? Или...

— Обратно, все заходим обратно, — усталый, деловой голос Драконьей Жрица я узнала сразу. — Рассаживаемся и ждем.

— Чего ждем? — спросила одна из незнакомых мне девиц, — мы целую ночь провели среди слюнявых щенков, в подzemелье! Мне нужна ванна, мне нужна...

— Хлоп!

Оп-па, а леди Илзерран может и пощечину отвесить?!

— Ситуация сложилась наитяжелейшая, — подрагивающим от сдерживаемых эмоций произнесла Драконья Жрица, — поэтому, пожалуйста, заткните рты и сядьте. Моя искренняя благодарность, леди Фоули-Штоттен, ваше своевременное вмешательство сделало ситуацию не такой критичной. Но... Ждите.

Леди Илзерран круто повернулась, а мы с Тиной переглянулись — кажется, отбор и правда закончен. Интересно, громко ли будут рыдать девицы, не получившие свой «самый важный шанс в жизни»?

9.2

Ожидание невестам давалось тяжело — музыкальную гостиную штормило от то вздымающихся, то опадающих шепотков. И, в итоге, все, как одна, уставились на нас с Тиной:

— Объясни!

На что я простым жестом показала, что выполняю приказ Драконьей Жрицы, а именно, заткнулась и сижу.

Следом за мной Тина двумя жестами показала, что им, курицам, тоже бы следовало прислушаться к приказу. Не могу представить, до чего все это могло бы дойти, но в гостиную вошел тот самый жрец, что проверял невест на профпригодность.

Аудитория была уже подогрета, а потому несколько девиц плавно съехали со стульев в глубокий обморок.

— Зря, — весомо произнёс жрец и обвел нас тяжелым взглядом.

В музыкальной гостиной стихли не только шепотки, но и ветер перестал перебирать занавеси.

«А, так выход на балкон не успели починить», пронеслось у меня в голове.

— Чудовищное событие, произошедшее этой ночью, подорвало доверие людей к Правителю, — проронил жрец. — Принц-бастард Индир Ландеберт Рентийский бросил вызов Правителю.

Ти-ши-на. Но я как-то не очень уstraшилась — Кристоф убьет бастарда с легкостью. Не в моральном плане, разумеется, а в физическо-магическом. Но и недо-Рентийский это тоже должен понимать, а значит, все гораздо, гораздо хуже.

— Отбор крылатых невест продолжится в прежнем режиме, — продолжил жрец и я вдруг ясно поняла, что он от всей этой ситуации тоже не в восторге.

— А вызов? — я увидела, что жрец собирается уйти и бросить все остальные объяснения на плечи бледной до зелени леди Илзерран.

— Сейчас мы ждем, что решит экс-Правитель, — сухо проронила Драконья Жрица, — вызов от брата брату не равен вызову на бой до смерти. Кристоф Ландеберт Рентийский допустил смерть крылатой невесты, а так же нескольких гвардейцев и ученика придворного мага. Существует мнение, что наш Правитель был хорошим воином, но не смог стать достойным политиком.

Я покосилась на Тину, которая, я уверена, мысленно паковала вещи и переезжала в мое баронство. Не знаю, хороший или плохой Правитель Кристоф, но принц-бастард точно ничего полезного стране не принесет!

— Хорошо Эйре, — украдкой вздохнула я, глядя, как жрец небрежно благословляет собравшихся и степенно уходит, — ей уже не грозит победа.

— Да, — мрачно поддакнула Тина. — И, смотри-ка, леди Морей тоже не слишком-то счастлива.

— Естественно, — фыркнула я. — Одно дело получить благородно-занятого Кристофа и другое дело его жалкую копию, помешанную на власти и девках.

Я ведь была не единственной, кого принц-бастард пытался одарить вниманием. Кто-то сбегал, пользуясь магией, кто-то терпел, а после, с большим пузом и сундуком золота, выходил замуж. А учитывая, что ритуал отказа от крови делает ребенка не-магом со слабым здоровьем... Хор-рр-роший страну ждет Правитель. И если рассказанное Эйрой правда, то нас всех ждут те еще времена!

— Прошу всех подняться и пройти в холл, где вы поприветствуете лорда Индира Рентийского, — холодно отчеканила леди Илзерран.

— Мы в земле и собачьей слюне, — истерично выкрикнула одна из невест. — Как мы можем предстать перед женихом?!

— Лорд Индир Рентийский особо отметил, что желает видеть вас немедленно, — проронила леди Илзерран, — извольте подчиниться.

«Ненавижу старые, никем не отмененные традиции», думала я, топая вслед за толпой страдающих невест.

«Но есть мысль, что это всего лишь подковерные игры, чтобы Кристоф не вырвался из цепких лапок Совета Крылатых! Никто в здравом уме не посадит на трон злобную завистливую тварь!»

Вот только, по слухам, незаконный сыночек полная копия папеньки. Власть сосредоточится в руках Совета Крылатых, а от, мгом, дурных привычек нового Правителя будут страдать исключительно безответные девицы. Те, что достаточно знатны, чтобы оказаться при дворе, и при этом не имеют ни характера, ни родственников с характером.

По дороге к холлу к нашей процессии присоединилась и юная незаконнорождённая принцесса. Она была бледна, на щеках краснели следы от ногтей, а губы были искусаны в кровь. Кажется, ее тоже не порадовали новости.

Нас выстроили перед лестницей, по которой, под мерный речитатив герольда, вальяжно спустился Индир Ландеберт Рентийский.

— Наша страна сильна своими традициями, — вкрадчиво проговорил бастард. — Если один Правитель, до того, как обзаведется женой, слабеет, допускает ошибки, достойный претендент, близкий по крови, может перехватить тяжелую долю власти. Но только в том случае, если его, претендента, поддержит другой близкий кровный родственник.

Жрец, мрачно кивнул, подтвердил, что каждое сказанное слово — правда и вновь нас всех благословил. Хотя мне показалось, что он просто с отчаянием махнул рукой.

— А я против! — откуда-то из-за спин выскочила принцесса, — слышите, против! Пусть я не невеста и не могу заявить протест, но я — против! Я — близкая кровь! Что ж вы делаете?! Он же слабый завистливый дурак!

А дальше время замедлилось так, будто стало медом, в котором медленно тонет муха: вот бастард вскидывает руку и на его пальцах разгорается пламя, вот я, понимая, что не успеваю,ставляю щит перед пылкой дурочкой и...

Время летит вскачь, а проклятье отлетает от наших с Кристофом слившихся щитов!

— Я невеста, — произношу я и выхожу, вставая рядом с испуганно сжавшейся принцессой, — и мне не нужен муж, способный проклясть родную сестру. Я — против.

9.3

Ти-ши-на. Я хочу осмотреться, понять, где стоит Кристоф, но... Застываю, захваченная всеобщим похоронным настроем.

Индир Ландеберт нелепо приоткрывает рот, затем резко его захлопывает и цедит:

— А ты не меняешься, девка с Окраин.

Он правда думает, что меня это может задеть?

— Не девка с окраин, а окраинная леди, — проронила я и неприятно усмехнулась, — если вам известна разница.

Ему она известна не была, зато жрец, подавив улыбку, негромко произнес:

— Старая традиция, если юная леди выбирает военную стезю и не сворачивает с нее, по законам окраинных баронств она приобретает те же права, что и окружающие мужчины. Например, никто не может отказать леди Фоули-Штоттен в дуэли лишь на том основании, что она — девушка.

Он испугался. Индир Ландеберт Рентийский испугался и я это видела. Нет, он удержал лицо, но... Его выдал взгляд.

Я слышу шаги. Тяжелая, уверенная поступь — Кристоф.

— Вильгельмина, — подойдя со спины, он придерживает меня за локоть, — заberi, пожалуйста, Мири. Насколько мне известно, леди Эйра, гостя отбора, гостит в твоём баронстве?

— Да, — я не сдержала улыбки, — если тебе будет угодно, то я отправлюсь за ней незамедлительно. Леди Рентийская, вы...

— Называйте меня, пожалуйста, Мири, — улыбнулась принцесса, — брат, как правило, не ошибается в людях.

— Венценосный брат, — Индир Ландеберт решил выйти к нам. Снизойти, так сказать, до народа. — Вы опоздали.

— Не читаю неприятные письма до завтрака, — усмехнулся Правитель, и вышел вперед, вставая между ним и нами с Мири и Тиной, которая тихонечко грызла шоколад.

Протянув руку, я получила свою долю сладости, которую тут же поделила с принцессой. Хотя вряд ли той понравится столь недорогой шоколад.

— Ноша власти тяжела для тебя, — бастард гнусно усмехнулся, — никогда еще Крылатая Невеста не погибала столь мучительной смертью!

Принцесса, сунувшая в рот всю дольку, едва не подавилась, а после, с милой улыбкой, пропела:

— Во время отбора для нашего отца одна из девушек приняла ванну с алхимической кислотой. Некто дружелюбный накрыл ее куполом, так что бедняжка не смогла вылезти. Пятьдесят лет назад на одну из невест, прямо в парке, напала стая ежей. Ни до, ни после ежи на людей не нападали. Восемьдесят шесть лет назад...

— Достаточно, Адалинда, — прервал ее бастард. — Во дворец проникли твари мертвого мира. Это уже не шалости соперничающих девиц.

Мы с Тиной, не сговариваясь, протянули ей еще шоколада. На воображение я никогда не жаловалась, да и кислотой не раз, и не два обжигалась. Так что всю прелесть этой «шалости» я вполне могу представить. Но это хотя бы быстро — кислота не только разъедает плоть, но еще и отравляет. Так что две-три минуты и мозг невесты был мертв. А вот ежи... Это представлять не хочется абсолютно! Нет, меня как-то кусал еж — очень уж хотелось погладить ежиное пузико, и я попросту довела зверька до белого каления! Но чтобы стая... Это явно был кто-то с даром зверошепота. Жуткие люди управляющие животными одним лишь голосом!

— Леди, я прошу вас разойтись по комнатам и привести себя в порядок. С завтрашнего дня отбор пойдет в штатном режиме, — четко произнес Правитель.

И только было юбки зашелестели в сторону выхода, как отмер бастард:

— Приказываю выйти в парк. Погода чудо как хороша для прогулок.

В рядах невест наметилось брожение — девицы перенервничали в чужом мире, притравились чуждой магией, да и вообще, у Гамильтона весьма забавные и несносные племянники! Держу пари, что весело было только Тине!

— А мы, пожалуй что, проверим, что там по пирогам у тетушки Тарии, — улыбнулась я.

И покачнулась, потому что рядом со мной тут же оказались и Гамильтон, и Милтон. Последний трепетно произнес:

— Леди Ауэтари посвятила лунную поэму пирогам леди Тарии.

— Лунную поэму? — неосторожно переспросила я.

Милтон плюхнул попу мне на левую туфельку, вскинул морду вверх и взвыл так! Что я только могучим усилием воли не зажала уши.

Выщелкнув порталную заготовку, я жестом попрощалась с Кристофом и, вторым жестом, намекнула Тине, что принцессу надо бы проводить сквозь портал.

В итоге, оглушенная подруга сунула остатки шоколадки в зубы и, подхватив Мири под мышки, с принцессой шагнула в портал. Я же, подхватив обоих бассетов под пузики, последовала за ними.

И, когда портал был закрыт, задумчиво произнесла:

— А ведь сегодня Крылатые ощутили себя тем, кем является супруга Правителя.

— А? — Тина выплюнула шоколадку и вопросительно посмотрела на меня.

Однако ей ответила не я, а Мири:

— Мебелью. Они почувствовали себя чем-то средним между подставкой для вазы и софой. Вещью не лишней, временами нужной, но... Не слишком важной. Это Окраины? Как красиво!

Мы с Тиной, проследив за направлением взгляда Мири, уперлись глазами в развалены старого форпоста. Дикорастущий степной плющ давно уже победил кладку и теперь недовольно шевелился — колдовское растение предвкушало сезон сбора ягод и готовилось жалить грубые руки до кровоточащих рубцов.

— Да, — кивнула я, — красиво. Идемте, нам... Нам туда.

Я бросила короткий взгляд на поворот к кузнице мастера Дейтора, но... Не сейчас.

— Чувствую, — простонал вдруг Милтон, — чувствую этот аромат!

Гамильтон только понуро вздохнул. Я же поняла, что свой кусок придется отдать другу — все же мой компаньон очень страдает без нюха.

До дома дядьки Митара шли мы долго. А все из-за Мири — ее восхищало буквально все. Мельничный жернов? Да, давайте посмотрим! Пегас мимо пролетел? Ой, давайте подождем, вдруг еще пролетит! Слабая колдунья жарит пирожки прямо в воздухе? Будем стоять, пока не приготовятся!

Меня так и подмывало спросить, сколько же ей лет. У нас дети уже лет в десять себя так не ведут.

— Птичку из клетки выпустили, — одними губами произнесла Тина, — Окраины очень романтизированы, особенно если сравнивать с приевшейся, скучной дворцовой роскошью.

Подруга аккуратно переступила коровью лепешку:

— Мне здесь тоже нравится, но это какая-то более осознанная симпатия, что ли. А там что?

— Где? А, это лекарский дом. Больницы у нас нет, поэтому отец в свое время отписал один из своих личных домов под нужды целителей. Чтобы бойцы не ютились по шестеро в крошечной палате. Вот мы и пришли.

— Уже? — огорчилась принцесса.

По дороге она набрала камешков, веточек, листочков и всякой всячины. Сказала — на память.

— Мы еще прогуляемся, — пообещала я и решительно прошла вперед.

Искренне надеюсь, что у ребят все хорошо и никто ничего нигде не успел испортить.

* * *

В продах страшные перебои — я словила жутчайшую простуду и больше похожа на квашню с глазами, чем на творческого человека. Надеюсь, что в ближайшие дни мне станет лучше и все вернется на места

Глава 10

В доме дядьки Митара было как всегда людно. А как иначе, если вкусные запахи сманивают людей со всей округи? В нашем баронстве так принято, что случайно забредшего гостя не покормив не отпустят, а потому у тетушки Тарии всегда что-то готовится или доготавливается. А когда муж и сыновья там, за крепостными стенами... Ох, тогда тетушка с головой уходит в готовку и относит все приготовленное в целительский дом. Там это делится на порции и закидывается в Безвременье. Или съедается — в зависимости от количества раненных и больных.

— Но я же не умею!

Я ускорила шаг, услышав полный ужаса голос Эйры.

— Ничего страшного, зато представь, вернешься домой и всем родным пирожков сготовишь, — непреклонные слова тетушки Тарии заставили меня сбавить шаг.

Это да, если тетушка поймала кого-то, кто не умеет готовить — все, без науки человек не уйдет. Оборотень, как выяснилось, тоже.

— Здравствуй, девочка моя, — тетушка всплеснула руками, расцеловала меня и тут добавила, — вот и Миночка наша готовить неумела. А теперь такие каши варит! В супе у нее, правда, ложка как в каше стоит, но ничего, все не вода. Гамильтон, ты, никак, с другом пришел?

Эйра бросила на меня тоскливый взгляд, а я только развела руками — тут проще подчиниться. Все, что я смогла сделать — налепить магией с пяток пирожков, пока тетушка вокруг бассетов кружилась. Все рассматривала ушки Милтона и восторгалась черной кнопкой носика. После перед псами были поставлены два таза с утренними пирогами и все, на этом они пропали. Доносилось только «чавк-чавк» и «у-у-м-м-м, как вку-у-ус-ненько». Последнее, конечно же, исходило от Милтона. Гамильтон был суров и ел молча, только изредка всхрапывал и тряс ушами.

— А я тоже хочу, — выдохнула Мири.

— Вот и молодец, — умилилась тетушка, — тебя как зовут?

— Мири, — засияла принцесса и обдала руки лекарским очищающим заклятьем. — Меня брат с Вильгельминой отправил. Погулять.

И так она ловко обошла свой статус, что я тоже решила промолчать. Пусть развлекается. Хотя вопрос возраста принцессы меня все равно

мучает! Ну ребенок ребенком же!

— Вот и вставай, да-да, сюда. А ты, милая?

— Тина я, — подруга чуть смутилась, — матушка меня всему научила.

— Вот и славно, не пропадешь, — покивала тетушка.

Поглядывая на учениц, она обстоятельно делилась новостями и заваривала чай:

— Мальчик ваш на тренировке. Хилый, но Митар сказал, что толк будет. За пару дней он, конечно, ничему и не научится. Но! Ему покажут правильные тренировки. Ну и ты не жадничай, закидывай к нам мальчика. Нам, сама понимаешь, нужны люди. А у него глаза горят.

«А еще потенциальная невеста на Окраины собралась», хмыкнула я про себя.

— Конечно, тетушка.

— Гамильтон, Милтон, чай будете?

Они как раз расправились с пирогами и, подумав, милостиво согласились, что несладкий чай неповредит.

— Так, девоньки, молодцы. Сейчас ваших красавцев... Вильгельмина, ты что, помогала?!

Матушка подозрительно смотрела на пяток моих пирожков.

— Не-ет, — я даже глаза округлила, — что вы! Я бы не стала лезть в тонкую науку приготовления пирожков.

— Ла-адно, — подозрительно протянула тетушка. — Так, сейчас чаю глотнем, а потом я вам чего-нибудь с собой соберу. Ты же за ребятами пришла?

— Я еще и новости принесла, не лучшие. Дядька Митар скоро придет?

— Не лучшие новости, — медленно повторила тетушка Тария, — так сейчас и прилетит.

Тетушка высунулась в окно и что-то крикнула, а после, обернувшись к нам, пояснила:

— Жеребята пегасов взяли на себя внутригородскую почту. Не обошлось, конечно, без казусов — мельничиха с булочницей ругались и маленького жеребчика до ломоты в крыльях загоняли. Ну ничего, я потом взяла полено, полотенце и сходила пристыдила дур старых.

Кашлянув, я решила не напоминать что и булочница, и мельничиха младше тетушки Тарии на добрых десять лет.

— Понимаю, зачем полено, — медленно произнесла Мири, присевшая слева от меня. — Но полотенце зачем? Кровь останавливать?

Тетушка Тария смутилась:

— Так ведь как, милая, сразу-то поленом нехорошо, не по-людски. Я их просто полотенцем отхлестала, а полено так, для острастки показала. Поленом-то и убить можно.

Тина тихо улыбалась, Мири пила обычный травяной чай и жмурилась от удовольствия, а я просто отдыхала. Все было таким привычным и...

— Не обязательно так на нас смотреть, Милтон смущается, — проворчал Гамильтон и, ловко свернув язык в трубочку, высосал остатки чая из своей огромной кружки.

— Я просто думала, что собаки пьют так, — выпалила принцесса и, поставив чашку на стол, наклонилась и показала, как именно она думала.

«Может, тринадцать?», пронеслось у меня в голове, пока тетушка Тария вытирала капли чая со столешницы.

— Так, — согласился Милтон, — но ведь грязно же будет.

— Да, — Мири опустила глаза, — простите. Я... Мне не доводилось быть такой свободной.

Выпрямившись, она вдруг застыла в странной позе. То есть, не в странной, а в приличной — идеальная осанка, плечи развернуты, руки красиво сложены на коленях, подбородок поднят, но взгляд направлен вниз. Как-то так должны выглядеть приличные леди.

— Оставь для дворца, — я осторожно толкнула ее локтем, — будь собой. Мы же еще погулять хотели, а как с такой тобой гулять?

Мири рассмеялась и расслабилась, а после, склонившись ко мне, шепнула:

— Моя мама была актрисой, она всегда смеялась и пела, шутила. А потом умерла. Я в нее пошла, мне трудно быть правильной.

Стукнула дверь и в огромную кухню вошел дядька Митар, а следом за ним и Марон. Друг наш выглядел бледно, но воодушевленно. Что ж, присмотрю за его тренировками!

— Новости, говоришь, плохие? — сощурился он и, увидев Мири, попытался было склониться в поклоне, но я быстро произнесла:

— Позволь представить тебе Мири и Тину. Я взяла их чтобы развеялись немного.

— Обычно-т в столицах развеиваются, — усмехнулся дядька Митар и сел за стол. — Рассказывай.

10.2

— В столице появилась проклятая сталь, — я посмотрела дядьке в глаза, — несколько прорех были открыты прямо во дворце Правителя, в подвале. Несколько — в парке. И все в мир грамрлов.

Митар откинулся на спинку стула и коротко, беззвучно выругался.

— Если они со своим лезвием придут сюда, — продолжила я, — то мы не удержим ткань мира.

— И в тот момент, когда нам так нужна баронесса, тебе все еще не тридцать, — вздохнула тетушка Тария.

— Нужно закрыть подходы к Окраинам, — мрачно произнес Митар. — В том числе и подводы с припасами. Мы, спасибо Морейам, больше ни от кого не зависим. И поля разработали, и животину завезли.

Покусав губу, я задумчиво добавила:

— Пегасы могут нести по небу карету. Обсуди с ними возможность самостоятельно забирать провиант. Сейчас.

Я вытащила из кармана мешочек с порталными заготовками и принялась создавать и настраивать порталы. В связке туда-обратно.

— Это Иль-доратан, это Майтирг — заливные луга и неисчислимое количество фермерских хозяйств, это Довари — оттуда везут одеяла и теплые вещи, все из козьей шерсти, — я положила перед Митаром порталы.

— Благодарю, баронесса, — с непонятной мне интонацией произнес Митар.

— Это мой долг, — я вдруг поняла, что ни дядька Митар, ни тетушка Тария больше не назовут «девочкой», не похвалят по-свойски. — И знания Марона.

Молчаливый друг склонил голову, принимая скупую похвалу дядьки Митара.

— Сейчас я уже не ребенок, мой дар раскрыт полностью. Голод не придет на наши земли, даже если поля иссохнут, а коровы и козы издохнут, — уверенно произнесла я. — Мне должно вернуть друзей в столицу.

— Ты не сказала самое главное, — тихо произнесла Мири, — из-за прорыва тварей принц-бастард объявил, что снимет с плеч брата непосильную ношу власти. Теперь Совет будет решать, допустить ли это. И отец... Отец принца-бастарда наверняка его поддержит!

— О как, — крикнул Митар. — Ничего, прежний Правитель тоже был, знаешь ли, невеликого ума человек.

— Вот так я и знала, — вздохнула тетушка Тария, — что не будет у нас хорошего Правителя. Кристоф Ландеберт ведь все приграничные крепости посетил, со всеми поговорил. Нам-то помощь не нужна, а вот к соседям направил целый выпуск боевых магов.

— Барон Штойер вначале пил и плакал, — хмыкнул Митар, — а после, когда поднатаскал студентишек, согласился, что помощь была неплохая. Но... Как же это? Вложение с долговременной прибылью? Или нет... Не важно. Важно то, что в бой он шел вместе с нами, тварей видел перед собой. Он понимал, с чем сражаются Окраины и чем стране грозит наше падение.

— Теперь будем только на старые колдовские эдикты уповать, — вздохнула тетушка Тария.

— А я верю, что Кристоф отстоит свое право на власть, — уверенно произнесла я. — Традициями тоже можно вертеть.

— Там такая традиция, баронесса, — махнул рукой Митар, — оно ведь как появилось? Лет восемьсот назад один из Правителей подвинулся рассудком, принялся магов жечь, колдуний топить да одаренных детишек в мертвые миры выбрасывать. Вот тогда-то эта традиция и зародилась.

— После этого было еще несколько Правителей, что потеряли себя, — тихо добавила Мири. — И Совет Крылатых разумно поступал, когда смещал их без крови. Нет ни одного прецедента, когда после такого вызова Правитель оставался во главе страны.

Мне стало не по себе. Но с другой стороны, Окраины защищены старыми клятвами, эдиктами и приказами, договорами, которые написаны не на бумаге, они выжжены на тонких пластинах ледяной окраинной стали. Мы выстоим. Обязательно.

— Нужно узнать больше об этом, — Тина выразительно посмотрела на Мири, — может, мы можем сделать нечто большее, чем просто сказать «я-против».

— А, точно-точно, — покивал Митар, — припоминаю. Невеста могла отказаться от мужа, но там... Там тоже что-то нечисто. Кто же выступил против принца-бастарда?

— Я.

Митар посмотрел на меня, тетушка Тария прикрыла рот ладонью, и я... Я ожидала, что меня попробуют пристыдить, но услышала совсем иное:

— Папина кровь!

— Батюшкин характер...

Это муж с женой выдохнули одновременно.

— Пока кровь Фоули-Штоттен сильна — Окраины выстоят, — усмехнулся Митар. — Именем баронессы Вильгельмины Фоули-Штоттен я закрываю границы.

Кашлянув, он встал из-за стола и развел руками:

— Сказано красиво, теперь надо сделать не хуже.

Он сгреб порталы и вышел.

— Без прогулки? — уныло спросила Мири.

— Отчего же? — удивилась я. — Прогуляемся. Только ты с Тиной, Эйрой и Мароном пойдешь. Мне нужно кое-куда зайти.

И я, оставив принцессу на попечение друзей, вышла из-за стола и открыла переход к дому мастера Дейтора. Возможно, все же не стоит откладывать визит на потом. Слишком уж сильно меня тянет сюда...

* * *

Я здорова! Огромное спасибо за терпение и за теплые слова — мне так хотелось ответить добром на добро, но даже на комментарии не было сил:(

Зато теперь мы возвращаемся к привычному графику!
ваш здоровый автор:)

10.3

Упругая преграда все так же сияла над подворьем мастера. Но... Сейчас я ясно видела свободный проход.

Отбросив сомнения в сторону, я сделала шаг вперед. И еще. И еще один. Сквозь преграду я шла так, будто пробиваюсь сквозь вязкое болото. Еще немного, еще чуть-чуть и... Да! На ту сторону я вылетела подобно пробке, выбитой из игристого вина.

И тут же запнулась о камень, рухнула на колени и рассадила ладони!

«Зато лоб уцелел», утешила я себя и медленно поднялась.

В горле стоял комок. Вот под той вишней мы пили чай, а к ее нижней ветке были приколованы детские качели. Вон там стоял мой пони, ведь дочь окраинного барона не может пользоваться паланкином или каретой, это для неженков.

Шаг за шагом передо мной вставало мое счастливое детство. Детство, которое осталось там, далеко-далеко в прошлом. Я похоронила эти воспоминания так глубоко в себе, что сейчас задыхалась от боли.

«- А я смогу так?!

— Захочешь — сможешь, — усмехнулся мастер и прищурил ясные, светлые глаза, — знаешь что главное?

— Что?

— Желание. Если хочешь чего-то добиться — добьешься, даже если таланта нет».

На трясущихся ногах я подошла к крыльцу и медленно села. Ступенька под моим весом противно скрипнула и...

«- Дей, ну сколько можно! Почини ты это клятое крыльцо! — ругался отец, наступив на скрипучую ступеньку.

— Ворчишь как моя женушка, — усмехнулся мастер и поднял очки на макушку.

— У тебя нет женушки, — усмехнулся отец.

— Потому и нет, — в тон ему отозвался мастер, — не переносу ворчание»

Отец сам пытался починить ступеньку. Он был мастером на все руки, ведь там, за крепостной стеной никто не спросит, способен ли ты развести костер или сотворить носилки для раненного. Да мало ли неожиданных ситуаций, в которых требуются нетривиальные умения? Вот и папа пришел однажды с новой доской, с инструментами...

И ступенька начала скрипеть сильнее прежнего. А мастер и тогда не признался, что он специально так крыльцо зачаровал — чтобы никто неожиданным войти не мог. Как ни наступи, а противный скрип разнесется по всему дому.

Вытащив из Безвременья клинок, я прижала лезвие к пылающему лбу. Я помню, как однажды принесла мастеру свою порцию слабого бульона. И как он кричал на меня. Он никогда на меня не кричал, только в тот день. День, когда мы увиделись последний раз.

По щекам потекли слезы.

Убрав клинок, я просто позволила себе сидеть и плакать. Моя ненависть давно остыла, перегорела. Мы никогда не забудем, но... Я не пойду мстить. Когда-то я жила только той мыслью, что однажды подойду к герцогу Морею на расстояние клинка и вгоню льдистую сталь в его гнилую плотку.

А после поняла, что это сделает только хуже. Мертвецов не вернуть, а живые... Живые останутся без защиты. Будут пересмотрены колдовские эдикты и Окраины потеряют свой особенный, слегка отстраненный статус.

Поднявшись на ноги, я повернулась лицом к двери и решительно ее толкнула. Заколдованное дерево вытянуло из меня кроху силы и проход был открыт.

В коридоре темно, пахнет медом и перцем, и немножко пылью. И раскаленным металлом.

На краткое мгновение я успела придумать себе сказку — что мастер жив, просто по важным причинам был вынужден скрываться.

Но это всего лишь чары консервации. Здесь пахнет так же, как пахло в день его смерти. Мастер умер за столом. Умер, так и не закончив очередной клинок.

«Я доделаю его за тебя»

Дом мастера полон теней, но мне не нужен свет, чтобы пройти в его кабинет.

Дверь открывается легко, хотя раньше здесь всегда было с десятков запирающих чар.

На столе конверт, инструменты и незавершенный клинок — в прошлом отец вынес тело и не тронул ни одной вещи. У него не было сил, чтобы разобраться с тем, что оставил старый друг. Но барон знал, знал, что для меня оставлено письмо! Знал и никогда об этом не говорил.

Подойдя ближе, я взяла конверт. Он не запечатан и на нем мое имя. Под конвертом заверенная дарственная — все, что есть на подворье мастера Дейтора принадлежит мне.

У меня нет сил читать письмо. Оно ждало меня столько лет, подождет и еще несколько дней.

Письмо я спрятала в Безвременье, а после спустилась вниз. Несколько заклятий и у меня есть пустой кипяток. Именно такой «чай» пили в то время. Именно такой «чай» я хочу сейчас.

10.4

Одним глотком допив остатки остывшей воды, я создала зеркало и длинно присвистнула. Да, это лицо нельзя показывать людям, компаньонам и миру.

С моей силой косметические заклятья скорее изуродуют, чем украсят. Особенно сейчас, когда мой эмоциональный настрой все еще нестабилен. А потому, поставив чашку на стол, я решительно выхожу из дома и сворачиваю к маленькому садику. Там, сорвав несколько листов джервики, разминаю их в пальцах и втираю получившуюся кашицу в кожу лица. И теперь бегом до бочки с дождевой водой — если оставить джервику дольше минуты, то потом уже ничего не поможет.

Вернувшись в дом, я насухо вытерлась и, призвав зеркало, убедилась — джервика как всегда спасла меня. Вообще, эту травку активно используют как лекарском деле, так и при составлении косметических снадобий. По паре капель на флакон, да.

Ну а мы, здесь, на Окраинах, привыкли так справляться. Все же у нас нет магов-косметологов, а аптекари с трудом справляются с лекарскими заказами, на косметические притирания времени уже не остается.

Нет, с обозами доставляют самые разные составы, но их стоимость настолько завышена, что риск сжечь себе лицо соком джервики уже не пугает.

— Теперь у меня есть дом, — выйдя на крыльцо я коснулась рукой косяка. — Но я бы предпочла, чтобы у меня был живой мастер.

С подворья я выходила не оглядываясь. Защита меня больше не удерживала, да она, на самом деле, почти распалась. Пришлось потратить с десяток минут на то, чтобы ее восстановить. И нет, я не думаю, что кто-то рискнет ограбить дом мастера Дейт... Мой дом. Просто не стоит забывать о том, что дети это дети и на спор они способны залезть не только в опустевший дом, но и в кузню.

«Особенно если вспомнить, как отец нашел меня, семилетнюю, в тючке притороченном к выючной лошади. Мне так хотелось побывать там, за крепостной стеной, что я умудрилась влезть в мешок с сухарями. И если бы я ими не хрупала, то обнаружили бы меня куда позднее».

Фантомно зачесалось то, что пониже поясицы — всыпал мне тогда отец по первое число. И нет, как прогрессивный маг и колдун, барон не

поднял руку на родное дитя. Он просто проклял меня так, что я еще неделю из-за зуда спокойно сидеть не могла.

Тут я рассмеялась, вспомнив, как отец вернулся и спросил:

«- Все поняла?

— Поняла, — всхлипнула я.

— А что поняла, — уточнил мастер Дейтор.

— Не надо было сухарями хрустеть, тогда бы никто не услышал и меня бы не поймали, — пробурчала я и ушла греметь железячками в дальнюю часть кузни.

— Да ты!

— Остынь. Дочь в тебя пошла, радуйся, — рассмеялся мастер Дейтор, — или напомнить, как ты собрал ватагу ребятишек, вы украли вилы и пошли тварей воевать? Сколько вам лет тогда было?

— Восемь! — торжествующе рявкнул папа барон, — я был на год старше, так что...

— Так что твоя дочь умнее тебя, она такую глупость сотворила на год раньше, — припечатал мастер и повел отца пить «взрослый чай». — Не шали, девочка».

Покачав головой, я оставила за спиной свое подворье и пошла на поиски друзей. Которые, как выяснилось через несколько минут, пошли искать меня. И, спасибо Милтону, нашли.

Только вот...

— Я же порталом ушла, — я присела перед псом и всмотрелась в его грустные, умные глаза.

— Так ведь и я не просто собака, — он неловко дернул ухом. — Это сложно объяснить, это не нюх. Это особый дар, сродни магии.

— Я не буду выпытывать, — тут же отозвалась я. — Но... Ты с каждым так можешь?

Воображение уже рисовало, как мы находим того резальщика из парка, а потом творим с ним всякое нехорошее, а потом передаем в руки Правителя.

— Только с теми, чей отпечаток мне хорошо известен.

Но нет, воображению придется схлопнуться. Ну и ладно, все равно пытаться людей, даже если они нелюди сотрудничающие с тварями, некультурно и неподобающе.

— Отпечаток? — переспросила Мири, которую было невидно из-за обилия покупок, среди которых были и пряники на палочках, и деревянная колотилка, и свистульки глиняные...

— А вы, я смотрю, хорошо погуляли, — хмыкнула я и выпрямилась.
— Отпечаток — это колдовская тень живого существа. Ее видят жителя Псовьего мира, ощущают нериссы из Фелиньей Плеяды...

— Хитрые бестии, — проворчал Гамильтон.

— И раньше могли видеть грамрлы, — закончила я.

— Может и до сих пор видят, — заспорил Марон, — никто же их не изучил.

— И слава богам, — возмутилась я. — Мы знаем, как их убить.

— Неправильный подход, — проворчал друг, — но спорить не буду.

Фыркнув, я открыла портал в дворцовый парк:

— И я не буду спорить, потому что каждый из нас останется при своем. Да, грамрлы сохранили разум, вот только они не могут жить без нашей жизненной энергии. Мы — пища для них. Как только ты, Марон, договоришься с котлетой, я попробую выслушать твою теорию!

Друг только вздохнул и первым прошел в портал. За ним Мири, за ней Тина, подхватившая Милтона на руки. Ну а после и мы с Гамильтоном.

Портал я закрыла не сразу. Бросила прощальный взгляд и пообещала, что вернусь так быстро, как смогу. У меня, в конце концов, диплом уже на руках.

Глава 11

Забавно, но не удивительно — невест вернули во Дворец Невест. Мы узнали об этом сразу, как сдали Мири и Эйру первому же стражнику. Точнее, попытались сдать первому попавшемуся, а удалось это сделать лишь поймав третьего. Остальные сбегали, лишь завидев нашу компанию.

— Мы такие страшные? — недоуменно спросил Марон.

— Боюсь, это из-за меня, — вздохнула принцесса.

Но так и не сказала, что же она такое сделала стражникам, что они теперь от нее сбегают. А я... Я бы расспросила ее обязательно, но... Закрывая портал я ощутила что-то странное, что-то необычное. Но никак не могла понять — что. Это было даже не полноценное ощущение, а тень тени и все равно это раздражало.

Мы прошлись по парку, прежде чем настало время расходиться — переход к крылу бастардов находился левее центрального входа во дворец. Ну а нам и вовсе нужно было идти ко дворцу Невест.

И я, видя, как огорчена Мири, поймала ее руку и вложила в ладошку портал на Окраину:

— Одноразовый, только на случай смертельной опасности.

— У меня нет никакого медальона, чтобы вложить его внутрь, — растеряно произнесла она и чуть не выронила свои покупки, спешно переброшенные в одну руку. — Только эта цепочка, она мамина. Все остальные украшения мне выдают на день и забирают. Я же... Ну... А потом выйду замуж и уже муж будет выдавать мне фамильные украшения.

Она выглядела такой несчастной, что мне стало ее искренне жаль. Светить свой дар нельзя, но всегда можно что-то придумать!

— Ясно, — коротко произнесла я. — Подожди здесь.

Гамильтон, как и Милтон, держались чуть в стороне от нас. Вот к ним-то я и подошла. Опустившись перед компаньоном на одно колено, я тихо спросила:

— Можно мне пуговицу с твоего кафтана?

— Ладно, — проворчал пес, — она смешная, пусть будет ребенку новая игрушка.

И он сам, своей лапой, отжалел мне пуговицу из иномирного металла. А после сместился так, чтобы ни меня, ни сферы с кипящим расплавом не было видно.

Затем я отковырнула со своего платья какой-то прозрачный камушек, сорвала желтую искорку лютика и раз! Капля-подвеска готова. Из остатков металла и камня я сделаю Гамильтону новую пуговицу. А пока что спрячу заготовку в Безвременье.

— Возьми, — я протянула ей капельку, — у меня есть и такое. Он по-прежнему одноразовый, для активации нужно наполнить его своей силой.

— Спасибо, — принцесса сгрузила свои вещи на траву и ловко прицепила кулон к цепочке. — Спасибо.

А я вдруг подумала о том, что Кристофу следует сказать о ситуации с украшениями. Он явно любит сестру, но... Интуиция подсказывает, что он не вникает ни в то, кто и как одевает принцессу, ни в то, что на ней за драгоценности.

«Мне всегда казалось, что украшения не важны, но всю их важность и ценность я осознала только тогда, когда потеряла», подумала я.

Распрощавшись с Мири и Эйрой, мы отправились ко Дворцу Невест. Я, чтобы поскорее уже провести ревизию вещей, открыла телепорт по старым координатам и ахнула от острой, режущей боли! Над дворцовым комплексом раскинули Сеть Атерриаса! Немыслимо...

В эту же секунду недобро заворчал подобравшийся Гамильтон, а Милтон, прищурившись, поднял шерсть на загривке.

— Над дворцовым комплексом усилены антипортальные чары, — за моей спиной раздался голос Индира Рентийского. — Вызвать ландо для моей бесценной невесты и ее сопровождающих?

Отведя взгляд от неудачного портала, что медленно растворялся в воздухе, я повернулась к бастарду и коротко произнесла:

— Я — Крылатая Невеста Кристофа Ландеберта Рентийского. Не ваша, принц-бастард.

На щеках Индира расцвели некрасивые алые пятна:

— Тебе бы манер побольше, да историю подтянуть — я стану Правителем, а ты...

— А я не отрекаюсь от того, кто достоин моей верности, — холодно сказала я. — Доброго дня, Ваше Высочество.

А после, закусив губу и жестом попросив Гамильтона уменьшиться, я вновь выщелкнула порталную заготовку. Что такое боль? Всего лишь несколько мгновений, когда настоящее становится прошлым, приближая будущее. Я смогу это выдержать.

Главное, что друзья всегда чувствуют меня и мой настрой. Молча и собрано они, один за другим прошли в портал. Не снизили накал ни единым сомневающимся взглядом, ни единым обеспокоенным вопросом.

— Вам стоит усилить антипортальные чары еще немного, —
процедила я, подхватила Гамильтона и ушла в портал.

И уже на той стороне рухнула на колени, задыхаясь от сводящей с ума боли.

11.2

Все, что я смогла сделать, это отпустить Гамильтона, чтобы не придавить ненароком. Все, что смог сделать он — ткнуться в щеку холодным носом и отойти, уступив место Тине.

Я чувствовала, как она обхватывает меня за плечи, как тянет вниз и вбок, как укладывает на траву. Чувствовала, но помочь ничем не могла. Могла лишь дышать на счет и жмурить глаза, пытаясь изгнать из себя разрывающую на части боль.

Тина положила пальцы мне на виски и ее чистая, прохладная магия заструилась от головы к ступням. Ее сила замещала агонию и оставляла после себя ощущение легкой изморози.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Это было сильно, — тихо ответила Тина. — Я бы не смогла так говорить с тем, кто станет новым Правителем.

— На зло? — хмыкнула я, — смогла бы. Если бы сильно припекло.

— Согласен, — Марон помог мне встать, — тем более, что мы все уже мысленно переехали на Окраины. Мы не успели сказать, но пока я пытался уследить за Ее Высочеством, Тина познакомилась с целителями. Ее Эйра отвела.

Вздохнув, я подавила в себе ростки зависти.оборотница честно заслужила свой статус «почетной гостьи отбора». А потому не должна была тащиться вместе с нами во Дворец Невест.

«Вот только она была какая-то притихшая. Как покинули Окраины, так от нее ни слова не слышно было. Что непохоже на Эйру», отметила я про себя. Вслух же произнесла иное:

— И как тебе лекарский дом?

— Я взяла некоторые рекомендации, — чуть смутилась подруга, — что подтянуть, что изучить, какие чары отработать. Знаешь, не хочу быть балластом.

Меня переполняла гордость за друзей. Что Тина, что Марон решили идти к своей цели. И, что-то мне подсказывает, что они бы решились на это и без оборотнического пойла!

— Ты можешь встать? — осторожно спросила Тина, — я узнаю эту дорожку — до дворца один поворот и, если кто-то прогуливается, могут увидеть, как ты лежишь на земле.

— Увы, — я чуть улыбнулась, — моя сила пытается выжечь твою, что не добавляет мне здоровья. Но, зато, ничего не болит.

— Садись, — проворчал Гамильтон, увеличиваясь в размерах и, одновременно, укладываясь на брюхо. — Когда-нибудь ты сломаешь мою старческую спину. И что я буду делать?

Тина, не распознав сарказм, тут же принялась убеждать моего компаньона, что жизнь после паралича есть:

— Я видела чертеж двухколесной лапозамены для собак! Конструкция очень простая — задняя, парализованная часть песеля, укладывается на подушечку и к ней же пристегивается! К самой подушечке приколдованы колеса. Движение осуществляется за счет передних лап. И, да, точно, на самой подушке чары облегчения веса и самоочищающиеся чары, ведь опорожнение кишечника не контролир...

— Хватит! — взвыл Гамильтон и не очень удачно шагнул, отчего меня тряхнуло.

Зато из-за острой вспышки боли мне удалось подавить смех. И, случайно оглянувшись на Милтона, увидеть, что молодой бассет маскирует улыбку ушами.

«Надо потом с ним поговорить об этом», хихикнула я про себя.

— Я не говорю, что так будет, — Тина ласково улыбнулась псу, что сейчас был выше нее, — я просто тонко намекаю, что не стоит отчаиваться. Позитивное мышление очень важно.

Гамильтон мрачно хмыкнул:

— Хотя кто-то после таких слов начал мыслить позитивно?

— Мина, — тут же сказала подруга. — Да?

— Да, — кивнула я. — После твоих лекций я ясно понимаю, что дно еще не пробито и есть, куда стремиться.

— Вот, — кивнула Тина. — Кстати, о стремлениях, мы уже пришли. Кажется. Мина, а ты... Ты точно туда портал открыла?

Проследив за взглядом подруги, я с недоумением отметила, что Дворец Невест потерял свою бело-розовую зефирность.

И обзавелся решетками на окнах.

— Нас, вероятно, приговорили, — задумчиво произнесла я. — Или это чтобы невесты от бастарда не сбежали. Одно дело, что никто прямо не выступил, другое дело связать с ним свою жизнь. Все же супруга Правителя не правительница, а просто супруга. Бедных и обездоленных на отборе нет...

Тина сдавленно хрюкнула:

— Хорошо, что тебя никто не слышит.

— Какая разница, — я пожала плечами, — если я говорю правду? Никто не старался скрыть *развлечения* принца-бастарда. Если бы мастер Дейтор не отучил меня спорить на ценности, я бы поставила все свое золото на то, что самые умные крылатые невесты внезапно заболеют, после чего их способность к деторождению будет под вопросом.

— Почему именно способность к деторождению? — удивился Милтон.

— Потому что супруга Правителя нужна именно для этого, — вздохнула Тина и, оживившись, добавила, — так, знаешь, я могу такой алхимический коктейль смешать! Твоя способность к деторождению растает как мороженое в полуденный зной!

Открыв рот, я молча его закрыла. А потом все же аккуратно ответила:

— Спасибо, но давай немного подождем. Окраинам, все же, нужен наследник.

— Это да, — искренним сожалением произнесла подруга. — А жаль, состав оч-чень интересный, а просто так, бесцельно, делать его неинтересно.

11.3

На мгновение мне даже стало немного стыдно. Я, как будто, встала на пути научно-магического прогресса вообще и лекарственных исследований в частности. Но эту мысль удалось отбросить — зелье, все же, известное. Одно время оно было очень популярно при дворе. Как «поздравить» заклятую подружку с выгодной брачной партией? Да-да, именно так и никак иначе! Так что в итоге артефакторы разработали особые кулоны, которые реагируют именно на это зелье и все его вариации. Отсюда пошла мода на браслеты со множеством подвесок.

Коснувшись своего браслета, я усмехнулась. Никто не задает вопросов, замечая, как сильно он фонит силой. А ведь там и близко нет распознавателя ядов и зелий, нет. Мой браслет реагирует на чары сокрытия и...

— Перед крыльцом кто-то есть, — я потеряла запястье, — мощные чары.

— Назовитесь, — гулко грохнула пустота.

А следом раздался менее значительный голос:

— Ты чего, это недостающая невеста, Вильгельмина Фоули-Штоттен.

— Положено спросить — спрашиваю, — так же пафосно пророкотал невидимка. — А ты потому и карьеру сделать не можешь, кто голову не по назначению используешь.

Откашлявшись, я громко и четко представила себя и друзей. Небольшая заминка вышла с Милтоном — его пытались не пустить. Но, к их искреннему сожалению, старое уложение о компаньонах было на нашей стороне.

— Следуйте за путевым маячком, — устало произнес более молодой стражник. Тот, что голову не по назначению использует, если верить его напарнику.

И маячок этот привел нас совсем в другие покои. Не те, что мы занимали раньше.

— Балкон объединяет твою спальню с гостиной, — восхитилась Тина.

— Только выйти на него нельзя, — хмыкнул Марон и щелкнул по решетке.

Я же, пока друзья бегали по покоям, спокойно лежала в кресле и цедила выданные подругой зелья.

— О, у меня теперь в спальне есть окно, — крикнула Тина, — маленькое, но есть.

— И у меня, — откликнулся Марон из своего закутка.

Милтон зевнул и перевернулся на спину, подставив миру мягкое пузико, не скрытое задравшимся жилетом.

И мне, если честно, страшно хотелось последовать его примеру — боль оставила после себя слабость и тремор. Но... Я знаю, как пройти сквозь антипортальные чары. И завтра буду готова к тому, чтобы по-прежнему ходить где хочу, как хочу и когда хочу.

«Если Кристоф попросит, я... Я воздержусь. Но только в случае вежливой, учтивой просьбы».

Впрочем, я не могла представить Правителя, ведущего себя как принц-бастард. И от этого становилось горько — неужели в итоге бастард действительно станет нами править?!

— Ага, у меня все вещи на месте! — снова крикнула Тина. — Сейчас пойду твои проверить.

— Мои? — удивился Марон, — ради магии, не надо! Хочу, чтобы во мне хоть какая-то тайна осталась!

— Может, сказать ему? — лениво спросил Гамильтон.

— Что сказать? — заинтересовалась я.

— Что Тина видела его белье с желтыми уточками, — уточнил мой компаньон.

Я только плечами пожала:

— Она тогда так смутилась, когда наткнулась на них. Все же полевая практика зло — узнаешь о друзьях то, чего знать не хотел.

Дробный стук в дверь и наш нетерпеливый визитер вваливается в гостиную. И если по стуку я было решила, что это Эйра за полчаса соскучилась, то нет. Это была Тиссия:

— Простите, леди Фоули-Штоттен, я не успела встретить вас. Хорошие покои я вам выбрала? Сразу вещи разложила, метку поставила, в реестр внесла и все! Лучшее место для лучшей невесты!

— С-спасибо, Тиссия, — я чуть не поперхнулась последним глотком зелья.

— Это вам, лично в руки, — служанка хитро улыбнулась, — с печатью Повелителя!

«Интересно, бастард уже имеет доступ к печати? Гр-р-р, кого бы поймать, чтобы выпытать подробности?!».

Письмо было от Кристофа. Он... Он прислал мне схему натяжения антипортальных чар — чтобы я могла спокойно строить свои порталы и

не страдать. И, в конце, он спрашивал, смогу ли я встретиться с ним этим вечером.

— Уже вечер, — медленно произнесла я и села ровнее.

«Если вы согласны, зачеркните ногтем слово «вечером»», это была последняя строчка. И, едва лишь я вычеркнула необходимое, как с письма исчезли все буквы, кроме обратного отсчета. У меня есть два часа, чтобы прийти в себя.

— Хотя я бы сказала, что через два часа наступит ночь, — проворчала я себе под нос. — Ну, или очень поздний вечер. Тина! Тина, меня нужно превратить из безнадёги в пациента с условно-положительной динамикой!

Подруга, которая ненавидела тоники и энергетики, вышла с лицом целителя, идущего воевать. Но, узнав про приглашение, тут же преобразилась. Замурлыкала, пообещала приготовить и платье, и украшения найти и...

— Я пойду в том, что мне пошили для церемонии представления, — оборвала я подругу.

— Почему?! — взывала Тина.

— Удобно, красиво, провокационно и фасон придуман мной и для меня, — я пожала плечами, — это будет мой постоянный наряд. И, быть может, он войдет в моду.

— Ну, не жди, что у моих зелий будет шоколадный вкус, — проворчала обиженная в лучших чувствах подруга.

И, через полчаса, я познакомилась с таким спектром гадких вкусов, что пообещала себе больше никогда не спорить с подругой *до* лечения.

Листок, с бегущими назад секундами, взмыл в воздух и превратился в портал. И первым в него прошел Гамильтон:

— Все встречи с неженатыми мужчинами только под моим чутким руководством.

— А с женатыми? — с недоумением уточнила Тина.

Но мой компаньон ее уже не слышал — он был на той стороне. И мне тоже следует поспешить...

11.4

Под заинтересованным взглядом Милтона я оправила волосы и шагнула в портал. И, на свою беду, успела услышать:

— Наши самки вылизываются, а ваши волосы трогают, да? Перед встречей с самцом, я об эт...

Ш-шурх, и я уже стою рядом с Гамильтоном и... Смотрю в стену? Хотя, надо отдать должное, барельеф более чем достойный.

— Может, вы повернетесь? — раздался за моей спиной мягкий, чуть насмешливый голос Кристофа.

Голос, который заставил меня вздрогнуть. В животе поселилось странное, непривычное чувство и только уроки леди Ауэтари позволили мне повернуться и достойно поприветствовать Кристофа.

— Думаю, теперь меня можно назвать не полу-Правителем, а пока-еще-Правителем, — усмехнулся он. — Генерал, надеюсь, я правильно запомнил ваши предпочтения?

И Кристоф указал на богато сервированный стол.

Гамильтон неспешно подошел к столу, поднялся на задние лапы, осмотрел все и повернулся ко мне:

— Белое Руарданское, тарталетки с лососевым паштетом и целый спектр сладостей. Если это подкуп, то я на многое готов пойти.

— Тебе на пол поставить или будешь лапы морфировать? — спросила я.

И тут же сама себе кивнула — из врожденной вредности, а так же подчиняясь остаткам воспитания, Гамильтон чуть изменил форму своих передних лап. А значит, он предпочтет есть за столом, как человек.

— Зачем? — не выдержала я, когда Кристоф пододвинул для меня стул.

Он протянул мне бокал вина и спокойно сказал:

— Потому что я этого хочу. И ты тоже. Иначе бы не пришла.

— Хоть кто-то игнорировал ваши приглашения? — хмыкнула я и поставила бокал на стол, — я не пью.

— Жаль, — он криво улыбнулся, — я бы хотел услышать от тебя кое-что.

Я не успела ничего ответить — над столом появился крошечный портал, из которого вылетели три тарелки с ароматным супом из морепродуктов.

И... Трубочка?

— Я ознакомился с застольным этикетом Псовьего мира, — коротко произнес Кристоф, заметив наши с Гамильтоном перемигивания.

— От нас точно что-то хотят, — подытожил Генерал. — Если мы можем — поможем.

Коротко кивнув, я отвела взгляд. Внутри вновь поселилось тянущее, непривычное чувство. Непривычное, но приятное, не пугающее. Пытаясь понять себя, я внезапно поняла, что Кристоф действительно подготовился к этому ужину. О застольном этикете Псовьего мира знают не все псы, что уж говорить о людях! Очень и очень малый процент моих соотечественников знает, что псы не любят употреблять жидкую пищу в присутствии чужих. Именно поэтому они тянут бульон через трубочку, а гущу выедают ложкой. Или же, если никто не предоставил трубочки, сородичи Гамильтона предпочтут молча сидеть и смотреть на сотрапезников.

«- Сама представь, морду в тарелку уткнул, хрюкаешь, чавкаешь, морду поднимаешь — с ушей на жилет стекает бульон, — проворчал одажды Гамильтон. — Вот и получается, что без трубочки никак».

— Вильгельмина? Все в порядке? — Кристоф наклонился ко мне и дотронулся кончиками пальцев моей руки.

От этого легкого прикосновения меня на мгновение бросило в жар. А он, глядя мне в глаза, не спешил убирать руку. Совсем не спешил.

— Все в порядке. Кристоф, прошу, объясните, чего нам всем ждать.

Он чуть помрачнел, поднял бокал с вином, посмотрел его на просвет и поставил на место:

— Не могу наслаждаться вином в одиночестве. Совет Крылатых все еще не вынес своего решения. Сейчас все зависло на волоске — я должен предоставить виновника «вопиющего преступления» или признать свою несостоятельность.

— Вы не думаете, Кристоф, — Гамильтон закончил с бульоном и вступил в разговор, — что виновник — принц-бастард?

— Ищи, кому выгодно, — он кивнул. — Недоказуемо.

— Он не стал приносить клятву, — задумчиво произнесла я. — Он и не должен был, но ситуация была такая, что я бы, к примеру, поклялась. Просто чтобы обрубить слухи на корню.

Кристоф чуть нахмурился:

— Клятву?

— Я поклялась кровью, душой и магией, что не имею отношения к открытию порталов. На утро, после нападения грамрлов, мы вернулись во

дворец и доставили раненого. Тогда-то принц-бастард и попытался выставить меня виноватой. И хожу-то я через порталы, и все вот это...

Я смешалась, поймав на себе теплый, изучающий взгляд Кристофа, но смогла продолжить:

— Вот и пресекла слухи. Он же не последовал моему примеру.

— Это очень серьезная клятва, — Кристоф испытующе посмотрел на меня, — не страшно было?

— Я хозяйка своему слову, — уверенно произнесла я. — Если в душе нет лжи, то и бояться нечего.

Тихий вздох отвлек меня от разговора, но...

— Мы здесь не одни? — удивилась я.

Обернувшись на Гамильтона, я отметила чуть приподнявшуюся шерсть на ушах и преисполненный недовольства взгляд, направленный... Направленный на спрятавшегося в тени Милтона.

— Я думал, тут целоваться будут, — прошептал молодой бассет, впечатленный низким рыком моего компаньона.

— Я тоже так думал, — вздохнул Кристоф и поставил к столу еще один стул, — присоединитесь к нам, юноша?

Мы с Гамильтоном только переглянулись и кивнули, в ответ на вопросительный взгляд Милтона.

— Да! — выпалил пес и запрыгнул на стул. — Можно, пожалуйста, супа? Он та-ак пахнет!

11.5

Обманутому в ожиданиях страдальцу подали ароматный суп, трубочку и дополнительную салфетку. И подушечку под наглую жопку — бассет не сообразил увеличиться в размерах и оттого слегка не доставал до стола.

Мы с Гамильтоном вновь переглянулись и, в унисон, вздохнули. Не знаю, что за мысли бродили в голове моего компаньона, но я подумала о том, что Милтону очень повезло с человеческим окружением. Увы, жители Псовьего мира весьма и весьма постоянные в своих симпатиях и антипатиях. Уж будьте уверены, если щенка или молодого пса обидит человек, то в последствии он, будучи уже взрослым псом, будет относиться к людям с недоверием.

— Кристоф, — я повертела в руках ложку, — мои слова хоть что-то изменили?

— Ты поставила весь Совет в неудобное положение, — он усмехнулся, — им бы взять и пойти по накатанному — сместить меня, женить и короновать Индира, но... Одна из Крылатых против, да еще и родная по крови сестра против — они обязаны разобраться. Это ведь все делается в интересах страны, а никак не ради власти.

Последнюю фразу он выделил особенно, и мне оставалось только кивнуть:

— Если ради страны, то, конечно, надо все проверить.

А еще я гадала, можно ли спросить, отчего Кристоф вообще попал в такую зависимость от Совета? Никогда же такого не было!

— Оттого, что был слишком глуп, — он пожал плечами и хмыкнул, — у тебя вопрос на лбу написан, вот такими буквами.

У Милтона из пасти выпала трубочка, он оперся передними лапами на стол и подался вперед:

— Где?! Не вижу ни одним, ни вторым зрением.

— Тут седьмой глаз нужен, — проворчал Гамильтон, — он с возрастом проявляется. Ешь.

Милтон морфировал лапу и подхватил ложку:

— Я уже умею отличать сарказм от доброго пожелания.

— Значит и седьмой глаз скоро откроешь, — клыкасто усмехнулся Гамильтон.

Я же в этот короткий диалог вступать не стала. Просто ждала, когда Кристоф продолжит говорить. Если захочет.

— Ты знаешь, как часто рвется ткань мира, — он отправил во вновь появившийся портал опустевшие тарелки. — Мне было не до придворных интриг — после смерти генерала Мор-Тайтнерга некому было взять на себя управление армией.

— Потому что перед Мор-Тайтнергом погиб Дар-Шоссель и Крей-Нтьяттер, — кивнула я. — Мы, признаться, ждали нападения имперцев.

— Все ждали, — согласился Кристоф, — но ничего не произошло. Кроме того, что мне пришлось возглавить армию. Семь лет я жил и дышал свободно, подготовил достойную смену и... Удержав армию, я не удержал власть, что, признаться, звучит смешно.

— За кем армия, за тем и сила, — тихо-тихо произнес Милтон, — разве не так?

— Абсолютно так, — грустно улыбнулась я, — вот только принимая власть, Правитель дает несколько клятв.

Кристоф промолчал, перехватил левитацией новые тарелки и расставил их перед нами.

— Десерт был заказан заранее, поэтому на всех не хватило, — объяснил он, когда я заметила, что перед ним тарелки нет.

Милтон прижал уши и, тоскливо вздохнув, толкнул свою тарелку к Кристофу.

— Ешь, — наш пока еще Правитель вернул ее обратно, — все в порядке.

Я же, видя, что бедный бассет сейчас порвется на две половинки — и стыдно, и десерт пахнет так, что умереть можно — вилкой разломил нежную сладость напополам и подвинула свою тарелку направо, к Кристофу:

— Давай поделим?

Гамильтон, сидевший слева от меня, кашлянул и бросил в сторону замершего сусликом Милтона:

— Это не предложение слу... Брачное. Не брачное предложение. Люди делят еду просто так.

— А я отказался от половинки шоколадки Тины, — горестно вздохнул бассет.

подавив смешок, я в красках представила, как рассказываю подруге об этом. Конечно, милосердно было бы промолчать, но... Мы же так близки, разве могу я хранить от нее тайны?!

— После тебя, — Кристоф подцепил вилкой кусочек нежного бисквита с кремовой прослойкой и...

Протянул его мне. То есть, нет, он... Он поднес к моим губам вилку!

И я, даже не успев подумать, потянулась вперед и аккуратно, очень аккуратно, сняла губами кусочек пирожного.

Кристоф положил вилку и стал смотреть как я, пряча глаза, тщательно пережевываю сладость. Промокнув губы салфеткой, я рискнула встретиться с ним взглядом и вдруг поняла, что сейчас происходит что-то очень важное. Что я должна что-то сделать, как-то отреагировать на его действие.

Поблагодарить за угощение? Так я не почувствовала вкус. Или...

Это было страшно. Страшно решится, но я взяла свою вилку, подцепила кусочек пирожного и протянула его Кристофу. Без всякой заминки он подался вперед и съел предложенное.

Эту чарующую, безмолвно-безумную атмосферу разбил тихий «чвяк!».

— Твоего компаньона и его ученика всосал мраморный пол, — Кристоф недоуменно посмотрел на меня, — это нормально?

А я не могла ответить — сердце колотилось так сильно, что даже вдохнуть было трудно!

Вдох-выдох, спокойно, Вильгельмина, спокойно.

— Думаю, они вспомнили о чем-то важном, — я кивнула на пустое место на столе, — но не слишком, ведь тарталетки они с собой прихватили.

— Пройдемся? — предложил Кристоф, — если ты не устала.

— Ведите, мой лорд, — дурашливо улыбнулась я.

А через несколько мгновений я оказалась крепко прижата к его сильному телу.

— Мой мастер порталов не так хорош, как ты, — выдохнул он, — для перехода необходим... Тесный контакт.

И он втянул меня в портал. А я только хотела предложить свою помощь!

11.6

На той стороне было темно. Луна пряталась в облаках и свет, проникающий сквозь них был слишком слаб.

— Мы совершенно точно стоим на гравии, — негромко произнесла я.

— Подъездная дорожка, — согласно ответил Кристоф.

— Ты все еще держишь меня, — напомнила я.

— Мне приятно, — ничуть не смутился он.

Но, на мгновение прижав меня чуть теснее, Кристоф отстранился и разжал руки. Сразу стало немного холоднее.

— Это мое поместье.

Правитель повел рукой и мириады крошечных светлячков закружились вокруг нас. На несколько мгновений я растерялась, а после сообразила — облако Нейтара. Условно-боевое заклятье, позволяющее увидеть противника и не засветить себя самого.

Повернувшись к Кристофу, кивнула — так и есть, он по-прежнему скрыт в тени, световые точки облетают его стороной.

— Впервые вижу такое использование облака Нейтара, — улыбнулась я и поймала одну из точек.

Бросила искорку в Правителя, и та истаяла, так и не осветив его.

— Мне стоило догадаться, что вы знакомы с этим заклятьем.

А я рассмеялась:

— Кто же с ним не знаком? Этими искорками мы подсвечиваем жертвенных животных. И теперь я знаю, как они себя при этом чувствуют.

Кристоф, уже раскинувший обычные колдовские светлячки, укоризненно на меня посмотрел:

— Я просто хотел, чтобы было красиво. Идем.

Правитель направился к виднеющимся вдали воротам, и я не сразу сообразила, что именно не так.

Гравий под его ногами не хрустел. Совсем. И то, что я нет-нет да и допущу ошибку! Сколько же времени он потратил на тренировки?! Меня с детства учили *скользить*!

— Я чувствую, что ты злишься, — Кристоф обернулся через плечо, — но не понимаю почему.

— Скоро пройдет, — проворчала я.

Полностью сосредоточившись, считая дыхание, я все же взяла верх над непокорным мне *скольжением*! Но полностью потеряла контроль над

окружающим миром, отчего пострадал мой нос и спина Кристофа. Хочется верить, что ему было больней...

Порадовало только одно — до крови не разбила. А то я помню, как приятно закладывать мазь в нос... Бр-р-р.

— Это мое поместье.

Я хотела сказать, что уже слышала это, но... Что-то в его голосе подсказало — молчание золото.

— Его оставила мне матушка, — мягко продолжил он. — Бедное, так долго было законсервировано. Сейчас я понемногу снимаю чары, стряхиваю пыль с люстр. Хотя ни людей, ни хозяйственных духов еще не нанимал.

— Ты... Вы так уверены, что Правителем станет Индир?

— Гвардеец погиб, — Кристоф снял защиту с входной двери и открыл ее. — Тот, кого ты спасла погиб из-за моего недосмотра. Из-за моей веры в то, что предателей нет хотя бы среди боевых магов. Я не успею найти того безумца, что открывает порталы до конца отбора.

— Но твой... Но ваш брат угробит страну!

Едва я договорила, как пришлось прикрыть глаза — начали разгораться магические светильники. И первые их вспышки сильно били по глазам.

— Да кто ж ему позволит, — усмехнулся Кристоф. — Совет все возьмет в свои цепкие лапки. Не даром к Индиру уже приставлена *правильная* жрица. Впереди у моего брата жизнь, полная наслаждений — с умом выбранная жена будет улыбаться и рожать, придворные же будут трепетать перед лицом его величия. Править в это время будет Совет.

— И вам не жаль тех, кто пострадает от его рук? — прищурилась я. — Ко двору сгонят тех, кого не жаль, тех, за кем не стоит сильный род. Тех, кого можно... За вашей мамой ведь тоже не стоял сильный род. Славно ли ей жилось при дворе вашего отца?

И только выпалив это, я осознала, кому и что говорю. Что ж, в любом случае, если род Фоули-Штоттен прервется, баронство не пострадает, а просто выйдет из состава страны. С одной стороны, мои люди окажутся один на один с тварями мертвых миров, а с другой стороны мы и так не очень-то видим военную помощь.

— Жестко, — оценил Кристоф, — я бы даже сказал жестоко. Особенно если учесть, что мы стоим в доме моей матери. Она не верила, что я стану Правителем. Настолько не верила, что пошла несколько неодобряемым путем, чтобы оставить этот дом не Кристофу Ландеберту Рентийскому, а своему первому и единственному сыну.

Я промолчала, потому что мне стало стыдно. Так стыдно, что захотелось открыть портал и уйти.

— Вильгельмина, я бы хотел, чтобы ты запомнила это поместье. Чтобы, если понадобится помощь, ты всегда могла меня найти. Я закрою поместье от всех, кроме тебя.

— Почему? — я нахмурилась. — Чем я лучше других?

— Мне жаль, — он подошел ко мне вплотную, — что ты этого не понимаешь. Но сейчас не тот момент, когда я могу пообещать тебе хоть что-то долговременное.

Он коснулся моих волос, скользнул пальцами вдоль скулы и склонился так низко, что, казалось, вот-вот коснется моих губ своими! И я бы не была против...

Вместо губ Кристоф оставил легкий поцелуй на моем виске. Мне хотелось схватить его, потрянуть, потребовать объяснений! Я же ничего не понимаю! Между нами что-то происходит или это обыденное столичное поведение?!

Отец и мастер Дейтор не оставляли мне времени сходить с миловидным парнем «за ягодами» или пробежаться с молодым боевиком до заброшенной мельницы «тварей погонять». А в Академии как-то и не до того было. И теперь... Теперь я растеряна и ничего не понимаю.

— Ты не права.

Такой неожиданный вывод заставил меня вздрогнуть. Эта фраза была ни к чему не привязана и я растеряно спросила:

— О чем вы?

— Ты, — он улыбнулся, — будь ко мне чуть ближе, пожалуйста.

— Если я подойду еще ближе, то встану на твои ботинки, — проворчала я.

— Да разве я против? А не права ты в том, что я собираюсь сдать без боя. Я не отдам страну идиоту. Просто... Совет хочет править. Не полностью, но, к сожалению, большая его часть.

— Не то чтобы я одобряла убийства, — осторожно начала я, — но, в целом, если так подумать, то политика — грязная вещь. И, может быть, стоило бы уменьшить количество тех, кто хочет править? Идеально, кстати, было бы сделать их временно недееспособными. Убивать, все же, нехорошо.

Кристоф посмотрел на меня с искренним восторгом:

— Я впечатлен. Но не получится — Совет неприкосновенен.

— Жаль, — цокнула я.

— Да и чтобы успех был гарантирован, оружие нужно поднять на Индира, — Кристоф поморщился, — нет ничего хуже, чем поднимать руку на родную кровь. Мир этого не прощает. Хотя лично мне роднее и ближе последняя гадюка на болоте.

Я кивнула. Мне было знакомо это ощущение и...

— Моя мать привела в замок нового мужчину тогда, когда тело отца еще лежало в главном зале. Это было последнее лето, которое я провела в замке. Лето, которое закончилось контрактом с Гамильтоном. Кроме него больше никто не мог меня защитить.

Говорить о таком сложно, почти невозможно.

— Когда она узнала, что может жить в замке только будучи вдовой... О, она была в ярости. Леди Фоули-Штоттен родилась на Окраинах, но уехала задолго до того, как смогла проникнуться и полюбить наш суровый, но прекрасный край. Я не могу сказать, что она или ее мужчина желали мне смерти. Но однажды кто-то ударил меня клинком и столкнул с башни.

Кристоф обнял меня. Крепко-крепко, но я все равно не позволила себе проронить ни единой слезы. Это не то, что может заставить меня плакать. С тех пор я стала сильнее, и уже не рыдаю. Просто однажды моя дорога приведет меня к тому, кто это сделал. И, может быть, я заплачу после этой встречи.

Глава 12

Утро принесло нам Драконью Жрицу. А уже она принесла крошечный фиал. Она занимательная вещица была завернута в салфетку, которую жрица демонстративно уронила и, буркнув нечто вроде: "Слуги приберут", ногой задвинула под кресло. Не понять, что там, внутри, что-то интересное и важное было невозможно. А потому, все то время, что она пыталась с нами говорить, мы все ерзали и косились на кресло. Гамильтон даже перелег поближе.

— Оставлю вам бумаги, — со вздохом произнесла леди Илзерран, — воспользуйтесь этим с умом.

Едва лишь за Драконьей Жрицей захлопнулась дверь, как мы начали ерзать в два раза активнее. Вот только... Явно же наблюдение за невестами вновь восстановлено! Иначе бы леди Илзерран не разбрасывалась загадочным мусором!

— Нет, все понимаю, — Тина поднялась на ноги, — но я так не могу. Тиссия уже прибиралась, а терпеть бардак до следующего дня — увольте!

Подняв колдовством кресло, подруга подхватила салфетку и украдкой показала нам... Да-да, это действительно был фиал. В нем маслянисто поблескивало нечто загадочное и многообещающее.

Рассмотреть, обнюхать, облизнуть — все это проходило мимо нас.

Так что стекляшку она показала лишь мельком, а после спрятала все в рукав. Обменявшись обеспокоенными взглядами, мы с друзьями тут же принялись болтать и обсуждать предстоящий конкурс.

— Конкурс красоты, — преувеличенно громко произнесла Тина и сердито фыркнула, — или конкурс на самый толстый кошелек. Последний грамрл понимает, что гладкая сияющая кожа, бездонные лучистые глаза и тугие локоны, ниспадающие водопадом — заслуга мага красоты, а не самой конкурсантки.

Я пожала плечами:

— Моя мать редкой красоты женщина, а в наше опасное захолустье, сама понимаешь, маги красоты редко приезжают. Да и не по карману это баронству. Интересно, с чего вдруг такой необычный конкурс?

И правда, хоть я и немного читала об отборах, но о таком слышу впервые. Ведь, во-первых, за немалую сумму маги красоты сделают дочерям клиентов любые лица, а во-вторых, дети по-настоящему богатых и влиятельных аристократов всегда красивы? Везение? О нет, судебно-

дуэльная практика. Если у любящего отца на службе с десяток боевых магов, каждый из которых готов выйти на бой ради защиты чести и достоинства юной наследницы... Даже если у нее один глаз на щеке, а второй на лбу — это красиво.

— Так ты бумаги открой, — улыбнулся Марон, — там, наверное, написано все то, что нам пыталась донести леди Илзерран.

Взломав печать, я пробежала взглядом по строчкам и хмыкнула:

— Этот конкурс введен по требованию претендента на престол. Принц-бастард Индир упирает на то, что основная задача супруги Правителя — радовать своего мужа. Услаждать его взор и вдохновлять на подвиги во имя страны.

То, что сказал Марон повторять в приличном обществе нельзя — осудят и выгонят. А после догонят и попросят повторить под запись, чтоб сохранить для потомков.

— Ожидаемо, — Тина взяла бумаги и перечитала то, что уже оценила я, — не сам конкурс, а отношение к людям. Кое-кто хочет повысить собственную значимость. Искренне сочувствую той невесте, которая не сможет отвертеться от замужества.

— Или это будет Лилиана Морей, а ее защитит отец, — добавила я.

— Или так. Что ты будешь делать для конкурса? — спросил Марон и хотел было добавить что-то еще, как встрял Милтон:

— Наши леди натирают шкуру полынью! Я видел в парке, я принесу!

Энтузиаста ловили в шесть рук и четыре лапы плюс пасть. И, чтобы не обидеть молодого бассета в лучших чувствах, мне пришлось пояснить:

— У меня нет блох, так что полынь не нужна.

— Жаль, — вздохнул Милтон и тут же оживился, — в исключительно важных случаях наши леди подводят нос черной краской, но вам, Вильгельмина, это, наверное, не пойдет.

Я поперхнулась и послала к грамрлам друзей, которые принялись наперебой убеждать меня, что это внесет особую струю в конкурс. Придаст мне, так сказать, некоторую пикантность.

— И никто не забудет, — с восторгом выдохнула Тина.

Конец этому всему положил Гамильтон:

— Можно украсить когти драгоценными камнями, у меня есть, я дам. Это будет празднично.

А я замерла, вспоминая, что у моего компаньона было нечто вроде каменной крошки, красивого насыщенного черного цвета...

— Нос же суч... самки чернят для избранника, когда из своры кобелей самка выбрала лишь одного достойного. Тут же две своры, а

значит случай не исключительный, а вопиющий.

Мы все дружно вздохнули, простой и обыденный отбор превратился в какое мутное действие, которое несет не только опасность замужества, но и еще кучу сопутствующих проблем.

— Ногти я украшу, — согласилась я с Гамильтоном, — а в остальном хватит многослойной косы и одного из платьев Делии. Выберу то, что еще не приходилось надевать. Их там несколько осталось, можно присмотреть понаряднее.

— Если ты хочешь быть хуже всех, — Тина потеряла кончик носа, — то я могла бы сварить крем, от которого тебя покроет лишайными пятнами.

Укоризненно посмотрев на подругу, я мягко напомнила, что, вообще-то да, я должна быть хуже всех. Но позориться я не обязана. Тем более, что года пролетят и баронессой я стану не только реально, но и официально. И что обо мне будут помнить? Та, заразная, с провального отбора?

Посмеявшись, мы расползлись по своим углам. Тина якобы легла спать, а мы с Мароном отправились читать. Чтобы быть сорванными в гостиную уже через несколько часов. Причем, судя по звуку, барабанили в нашу дверь ногой...

12.2

— Для грамрла слишком нагло, — глубокомысленно произнесла Тина.

Марон, не говоря ни слова, подошел к двери и распахнул ее. Чтобы тут же шагнуть в сторону, уступая место огромному букету кроваво-красных роз.

— Комплимент для прекрасной невесты, — пафосно возвестил некто, скрытый за цветами. — Виконт Руани к вашим услугам, я доверенное лицо милорда Индира Рентийского!

Он поставил цветы на пол, приосанился и, не обращая на нас ни малейшего внимания, громко и четко зачитал несколько любовных четверостиший.

После чего круто развернулся и вышел. Одно хорошо — дверью не хлопнул, а аккуратно ее прикрыл. Но мы все равно увидели слуг с такими же букетами, а через пару мгновений услышали стук в соседнюю дверь.

— Почему у Кристофа получалось красиво и незаметно раздать невестам обязательные подарки, — я присела рядом с цветами, — а его брат *вот так* подарил цветы?

— Ну, зато он выбрал действительно красивый сорт, — Тина с сожалением посмотрела на букет, — выкинешь?

— Выставлю в коридор, — поправила ее я.

— Цветы ведь ни в чем не виноваты, — подруге букет явно понравился.

— Как и я, которая их не просила.

Выставляя розы в коридор я не сожалела ни мгновения. Не так давно я при всех крылатых невестах отказалась считать Индира Рентийского своим женихом. А потому не могу, да и не хочу, принимать от него какие-либо подарки.

Милтон, наблюдавший все это, осторожно произнес:

— Я мог бы поразнюхать, что происходит во дворце.

— Главное, чтобы никто тебя не увидел, — серьезно сказала я.

И, уже когда молодой бассет выскользнул в коридор, мне вспомнилось что он так и не рассказал, куда привел его взятый след «человека с черным лезвием».

— Портал! — рявкнул Гамильтон и одним движением снес меня в сторону от разгорающегося перехода.

Вот только портал как разгорелся, так и схлопнулся — к нам никто не вышел. Только на ковер упал скромный букет из мелких нежно-голубых цветочков.

Я подняла букет и чуть улыбнулась:

— Тиариса обыкновенная, в детстве мы сбегали из крепости наружу, чтобы нарвать букеты. Или наплести венков.

— Венки?

— Невесты на Окраинах плетут венки из мелких цветов и уже эти самые венки украшают лентами или прозрачной вуалью, — я провела пальцем по простой бумажной упаковке букета, — а если кто побогаче, то венки куют на заказ. Да такой, чтобы было не отличить от живых цветов. Иногда свадьбы на несколько лет откладывали, из-за того, что ювелир не может справиться с заказом.

У цветов не было ни записки, ни какой-либо ленты с именем, но... Я почему-то была уверена, что это прислал Кристоф.

Тина хитро посмотрела на меня и кивнула на низкий столик:

— Букетик бы здесь хорошо смотрелся.

— Д-да, — я кивнула, — только у меня в спальне стоит пустая вазочка.

— Ее можно принести сюда, — Тина ехидно улыбнулась, а я решила не вестись и признать очевидное:

— Мне просто хочется поставить букет в своей спальне.

И я совсем не хочу думать о том, что это может значить...

Хотя меня так и подмывало сплести из цветов венки и надеть его завтра на «смотр невест». Вероятнее всего, нас заставят выстроиться в ряд как кобыл в торговый день.

Тем не менее, отбросив в сторону неприятные мысли, я вытащила платья и, крепко подумав, выбрала насыщенно-изумрудный наряд со сложной вышивкой по лифу. К наряду прилагались туфли и ленты.

Хотя правильным было бы надеть что-то не такое яркое, чтобы слиться с толпой невест. Но мне отчего-то не хотелось ни с кем сливаться.

«Во всем виноваты цветы», сердито подумала я. «И Кристоф, со своими непонятными намеками на большее».

До вечера я успела задргать Гамильтона вопросами про Милтона. Где он, с кем он, не вернулся ли еще. И если вернулся, то куда делся опять!

— Ты — мой человек, а не Милтона, — возмутился в итоге мой компаньон.

— Просто... Он же тогда почуял след, помнишь? А я совсем про это забыла.

— А, когда невесты вернулись, — кивнул Гамильтон, — помню. И правильно забыла — он должен был прийти и отчитаться.

Мой компаньон нехорошо сощурился и добавил:

— Никуда не выходи, я сам его найду и напому тринадцать псовьих заповедей.

— Не впечатляй его слишком сильно, ладно? — попросила я, — может, что-то важное случилось?

— Тут уж как получится, — дернул ухом Гамильтон и исчез.

Исчез, чтобы не появиться ни поздним вечером, ни ночью, ни утром. Что, разумеется, не добавило мне ни хорошего настроения, ни веры в светлое будущее...

12.3

И будто всего этого было мало, на конкурс красоты меня пришла сопровождать сестра Мирта! И притащила с собой серую линялую тряпку — укутать меня от чужих глаз.

— Это обязательно? — мрачно спросила я, понимая, что даже если и нет, то доказать обратное попросту невозможно.

— Обязательно, — процедила божья сестра. — Позвольте...

— Не позволю, — я забрала у нее из рук тряпку и накинула на себя.

— Осторожнее, это одна из важнейших реликвий, — зашипела сестра Мирта.

А я как-то резко вспомнила, что было время, когда наутро после свершившейся свадьбы гостям выносили простынь...

«Не думай об этом, не думай», приказала я себе.

Тем более, что линялая тряпка, едва лишь я набросила ее на себя, стала абсолютно прозрачной. Подозреваю, что только с внутренней стороны, иначе смысле бы в ней не было. Зато, благодаря этой особенности, я не упала и даже ни разу не запнулась.

Оставался только один вопрос — с чего вдруг сестра Мирта притащила такую полезную штуку? Вон там, в стороне, ползет одна из невест. На ней чуть ли не бархатная занавеска и идет она неуверенно, ногой перед собой все ощупывает.

Не став ждать, я чуть замедлила шаг и негромко спросила:

— В чем подвох, сестра Мирта? С чего вдруг вы решили побаловать меня реликвией?

— Ни в чем, — процедила она, — реликвия была мною запрошена еще до того, как я узнала о вашем статусе «чудовища».

— Конкурс красоты был в планах? — у меня не укладывалось в голове, что Кристоф мог устроить конкурс красоты. Это так пошло...

— Нет. Должен был быть другой этап, сейчас он заменен на конкурс красоты.

— И все же, что за этап? Все равно двери закрыты и конкурсанток, то есть нас, никто никуда не пускает.

Божья сестра тяжело вздохнула и нехотя проронила:

— Крылатые невесты должны были ощутить себя в роли простых, нетитулованных людей. В городе, в простых платьях, они должны были

выполнить несколько заданий, кое-что купить, кое-что продать. А после вернуться во дворец.

— И к чему эта тряпка? — удивилась я.

— К тому, что проще всего продать яблоки приюту Обездоленных. А для этого нужно и самому быть немного убогим, — буркнула сестра Мирта. — Вот я и взяла для подопечной Покров Проказы.

— Проказа, как мило, — вздохнула я.

— Все равно я ошиблась. Оказывается, к невестам должны были обращаться за помощью разные люди и именно реакция девушек оценивалась бы Правителем. Нелепый, в общем-то, этап.

— Идеальный, — вздохнула я, представив, как остро были бы обнажены девичьи характеры.

Ведь, только подумать, благородным леди приказано что-то купить, что-то продать, а под ногами всякая чернь крутится, от отбора отвлекает.

«Боюсь, что Кристоф узнал бы о своих невестах кучу всего неприятного», хмыкнула я про себя.

Наконец, узорные двери распахнулись и мы, вереницей, втянулись в зал, где нас выстроили полукругом. А напротив нас...

Как я не захохотала — не знаю. Но бастард сидел в огромно красно-золотом кресле. И пусть на его стороне сложившиеся традиции, но ведь он пока еще не Правитель!

— Это так глупо, — проворчала я.

И получила тычок в бок от божьей сестры:

— Есть люди, не способные просчитывать последствия своих слов и действий.

О, это она про меня?

— И принц-бастард из тех, кто не задумывается о реакции Окраин на медленную и мучительную смерть баронессы.

— Ну, официальный титул еще не мой, — чуть смутилась я.

Но язык прикусила. Обличенный властью дурак — один из опаснейших врагов. Ведь он, во-первых, не предсказуем, а во-вторых, действительно не думает о последствиях.

— Снимите платки, — Индир Рентийский вальяжно махнул рукой.

И я, почувствовав направленную на меня волну магии, только вздохнула — и правда дурак. Крылатые невесты увешаны амулетами, сейчас как заискрит!

Не заискрило. Но и платки с моих «коллег» не слетели.

— Я, кажется, приказал снять платки, — процедил оскандалившийся принц.

Зашуршала ткань — это божьи сестры освобождали своих подопечных от покровов и...

У невесты, стоявшей со мной бок о бок, была сыпь на лице. Такая сочно-малиновая, что не заметить ее невозможно. Да и сама девчушка была до ужаса перепугана предстоящим действием.

— Если что, падай в обморок в мою сторону, — шепнула я ей, — поймаю, обещаю.

— Спасибо, — пролепетала крылатая невеста.

Кажется, невесты действительно начали старательно выбывать. Интересно, сколько действительно умных семей внезапно решило вести провинциальный образ жизни? Сколько леди обнаружили в себе неведомые болезни, кои требуют уединения и поддержки от близких?

— В первую очередь я хочу услышать, как вы музицируете, — Индир Рентийский поднялся, взмахом ладони избавился от кресла и указал за наши спины, — рояль.

Вообще, в зале не было никого, кроме самого принца-бастарда и его прилипал, известных еще по прежним Весенним балам. Один из которых, виконт Руани, с умным видом держал в руках стопку пергаментов. Это он записывать что-то собирается?

— Леди Вильгельмина Фоули-Штоттен, — провозгласил онный виконт.

На мне скрестились чужие взгляды.

Ха. Вы даже не представляете, что я вам сейчас сыграю.

— Надеюсь, вы не собираетесь устроить то же самое, что и тогда, — змеей прошипела божья сестра, сопровождавшая меня к роялю.

Я посмотрела на нее с искренним недоумением:

— Играть то, что трогает душу, на потеху толпе? Тогда мне было для кого сыграть, было кому бросить в лицо свою боль. Сейчас... Сейчас у меня есть музыка лучше.

Открыв крышку, я на мгновение прикрыла глаза. Поймала правильное воспоминание и, расправив плечи, положила пальцы на клавиши. Раз, раз, два-три-три. Раз, раз, два-три-три.

У этой композиции нет названия, как нет и какой-либо ценности. Это всего лишь разминка. Это то, с чего начинают учить детей музицированию. Раз, раз, два-три-три. Каждый, что умеет играть на клавишных инструментах, начинал именно с этого. И не узнать мелодию не может никто. Раз, раз, два-три-три, я — чудовище отбора невест. И в этом конкурсе я справилась идеально.

Опустив крышку, я встала, повернулась к благодарным слушателям и присела в глубоком реверансе. После чего встала подле божьей сестры и с интересом покосилась в сторону принца-бастарда.

Но, увы, мой тонкий посыл до него не дошел — он явно не распознал эту незатейливую мелодию. Зато виконт Руани сердито кусает губы. И...

Этот зал достаточно высок, чтобы иметь несколько скрытых балконов. На одном из которых стоит Кристоф. Ну конечно, он же наверняка обязан принимать участие в этом всем гадстве. И сейчас он... Он поклонился мне!

Смутившись, я отвела взгляд и, чтобы скрыть свое замешательство, принялась рассматривать следующую крылатую невесту. Ту самую, с пятнами на лице.

12.4

Сев за рояль, она не сразу смогла поднять крышку — дрожащие пальцы постоянно соскальзывали. А после... Это было очень грустное исполнение. Не в том смысле, что печальной была музыка, а в том, что невеста раз за разом ошибалась. Под конец же она и вовсе уронила крышку рояля себе на пальцы.

— Простите, — она опустила взгляд, — простите.

— Встань на свое место, милая, — улыбнулся виконт Руани.

Правда, от его добрых слов невесту начало трясти еще сильнее. А ее божья сестра не поспешила утешить несчастную.

Чуть сместившись, я перехватила девушку за руку и сжала ледяные пальцы. Она благодарно кивнула и улыбнулась.

И пусть ситуация при дворе сложилась хуже некуда, я все равно не могу понять, отчего она настолько испугана!

Одна за одной невесты проходили к роялю, играли что-то незатейливое, а после возвращались в строй. И вот наступила очередь последней крылатой.

Леди Лилиана Морей была переставлена в самый хвост очереди девиц. И мне это было непонятно — как ни посмотри, а именно она фаворитка этого отбора.

«Или он оставил ее на сладкое?», недоуменно размышляла я.

Но стоит отдать должное — если прочие невесты выглядели бледновато, леди Морей была наряжена в костюм победительницы. Ткань ее платья не гнулась от количества золотого шитья и драгоценных камней, волосы были уложены в сложную высокую прическу, а руки... На живом человеке я ни разу не видела столько голубых звездчатых алмазов.

Сев к роялю, она вскинула голову, прикрыла глаза и, лишь коснувшись клавиш, запела. Леди Морей выбрала «Плач Интари», сложную пьесу, которая обязана сопровождаться женским вокалом. Бессловесный плач не тронул меня, но произвел сильное впечатление на окружающих. Что ж, леди Морей явно показала, что ей все равно, кто будет Правителем.

И только она удостоилась скупых хлопков от принца-бастарда.

— Жена Правителя должна быть пластична, она должна уметь увлечь своего супруга танцем, — растягивая гласные произнес Индир Рентийский, — здесь и сейчас мы хотим увидеть, как вы танцуете.

И прежде, чем я успела саркастично поинтересоваться, с кем именно мы должны танцевать, как в зал вошли оставшиеся дружки-приятели нашего будущего Правителя. И во мне зародилось подозрение, что все это не просто так — ведь сам бастард протянул руку Лилиане Морей, а остальные милорды... Очень уж уверенно и целенаправленно они шли.

Ко мне, к слову, устремился виконт Руани. Значит ли это, что бастард уже успел что-то кому-то пообещать или же...

— Леди танцует со мной, — низкий, опасный голос заставил меня замереть.

А после, когда виконт, побледнев, отступил, повернуться и негромко сказать:

— Вам наскучил балкон, Кристоф?

— Все самое интересное здесь, — усмехнулся он и положил руку мне на талию. — Так как вы собираетесь увлекать супруга танцем?

— Меня учила танцевать леди Ауэтари, — хмыкнула я, и легко подстроилась под музыку, — точно так же, как она следила за моим голосом и игрой на музыкальных инструментах.

— Леди Ауэтари, — медленно произнес Правитель, — звучит довольно незнакомо. Она была из Империи Штормов?

— Нет, — улыбнулась я. — Она была из Псовьего мира.

Кристоф задумался, да так, что мы с ним едва не сшибли Индира с Лилианой. Только в последний момент Правитель отмер и увел нас с опасной траектории. Но, зато, я успела увидеть, как морщится леди Морей — бастард наступил ей на ногу.

— Что еще нас ждет, Кристоф? Невесты напуганы, — я кивнула ту, которую недавно пыталась утешить, — кто их защитит?

— Я, — спокойно сказал Кристоф.

И закрутил нас так, что я упала ему на грудь, а моя юбка на краткие секунды сковала наши ноги.

Вскинув голову, я поймала его уверенный, спокойный взгляд и не стала напоминать о том, что править ему лишь до конца отбора.

Музыка оборвалась и нас всех вновь расставили полукругом. Надеюсь, это все? Или нам еще выть придется, дабы показать, как именно мы будем улаживать супружьи слух?

12.5

Пришлось. Но, по счастью, хором. А заводи́ла этим всем безобразием леди Лилиана Морей. По мнению принца-бастарда она была «словно создана для этого». Это он так неслабо намекнул, что видит ее своей супругой?

— А вы ведь не пели, леди Фоули-Штоттен, — прищурился виконт Руани, когда внезапный урок вокализа был завершен.

— Да как-то не в голосе, — спокойно ответила я.

— И ваш выбор пьесы... Если *это* можно назваться пьесой, очень настораживает.

— Вас, виконт, ничего не должно настораживать, — я чуть усмехнулась, — а что касается принца-бастарда — напомним, мне он не жених. У каждой крылатой невесты есть освещенное законом право отказаться от внезапно появившегося второго жениха. И я своим правом воспользовалась.

— Очень зря, — проронил виконт.

— Очень не в первый раз я это слышу, — кивнула я. — Вы закончили?

— Нет, — в глазах виконта блеснуло какое-то неприятное предвкушение.

— А я — да, — отрезала и направилась прочь из зала.

И нет, не будь у меня причины — я бы не стала дразнить гусей. Но до крайности виноватая морда Гамильтона не просто намекала, а кричала о наступивших неприятностях.

А потому мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы мой уход не выглядел побегом!

Сразу поговорить не получилось — в коридоре стояла стража, да и сестра Мирта покинула зал следом за мной. Правда, при этом у нее получилось оставить при себе свое мнение, что очень сильно меня удивило.

Одно хорошо — Гамильтон знал, куда идти, а потому, через пару минут, мы закрыли за собой дверь в хозяйственное помещение. Да-да, этакий чуланчик. Увы, даже в самом красивом замке есть помещение, где хранятся тряпки, ведра и швабры — не всю грязь можно убрать магией.

Сев на перевернутое ведро, я тяжело вздохнула:

— Рассказывай.

— Милтон внутри сокровищницы.

— Здесь есть сокровищница? — оторопела я.

— Не здесь, — выразительно произнес Гамильтон. — В сокровищнице основного дворца.

— Я так понимаю, вариант с «так пусть выходит оттуда», не вариант, — совсем не вопросительно произнесла я.

— Охранные заклинания усыпили его, — Гамильтон, разом позабыв про все свое военное прошлое, выдавал информацию в час по чайной ложке.

— Это, я так понимаю, не самое худшее?

— У него в лапах очень украшение, — мой компаньон тяжело вздохнул, — даже издалека оно выглядит дорогим. И оно повреждено — он пытался им открыть сундук.

Много-много лет я так же не удержала на языке эту фразу. И тогда леди Ауэтари недовольно дернула ухом и предельно вежливо сообщила, что в следующий она откусит мне язык. Потому что подобные слова не украшают леди и, раз леди сама за своим языком уследить не может... Что ж, значит оной леди он и не нужен.

— Мы не можем атаковать сокровищницу, — медленно произнесла я.
— Не можем.

— Не можем, — согласился Гамильтон.

— Милтона мы бросить тоже не можем.

— Не можем, — кивнул Гамильтон.

— Если нас поймают на взломе сокровищницы, то оправдаться мы никак не сможем.

— Верно, — согласился мой компаньон.

— Тину и Марона мы в этом втягивать не будем.

— Совершенно согласен.

— Ты так и будешь соглашаться? — возмутилась я.

На что Гамильтон философский ответил:

— Так если я со всем согласен, что мне делать? Ложно отрицать?

Гамильтон встряхнулся, колдовством оправил свой жилет и тихо произнес:

— Моя вина. Знал ведь, что он не сможет со следа сойти. Он был так быстр, что охранная система не сразу распознала его присутствие.

— Мне нужно переодеться, — я пнула каблуком подол юбки, — в этом далеко не уйду. И нам нужен сообщник.

— У ребят семьи здесь, — с сомнением произнес Гамильтон, — это мы сбежим на Окраины и оттуда вышлют искрение извинения и

заверения, что нас сожрали твари мертвых миров. А они...

— Другой сообщник, — усмехнулась я. — Надежный, как тайнсарские часы. Идем. Главное, не привлечь внимание друзей.

Ну, в итоге пришлось сознаваться. Потому что вначале нам повезло — в гостиной была только Тиссия. Она лениво гонялась пыль и грызла сухарики.

— Ой.

— Все хорошо, — я отмахнулась.

— Вам вечером пирожки с рыбой или мясом принести? — спросила девушка.

— И с тем, и с тем, — облизнулся Гамильтон.

Тиссия улизнула, бросив сметку для пыли на столе. А я укоризненно посмотрела на своего компаньона:

— Ты так оптимистичен.

— Будет чем перекусить по дороге на Окраины, — хмыкнул он.

И остался лежать в гостиной, пока я надевала своё недо-платье и навешивала перевязи со склянками и мелкими артефактами.

Мы, фактически, были уже на пороге, когда в гостиную выползла Тина.

— И куда мы такие красивые собрались? — грозно спросила подруга. — Марон!

— Не надо, — поморщилась я.

Но было поздно — уже и Марон пришел.

— Все будет хорошо, ждите здесь и никуда не выходите, — скороговоркой выпалила я и выскочила за дверь.

Гамильтон лягнул дверь задними лапами и, судя по цветной вспышке, чем-то ее припечатал.

— Развеемся либо по моему желанию, либо с моей смертью, — пояснил пес.

— Как извиняться будем?

— Пылко. Куда мы идем?

— Сначала туда, — я кивнула на закуток, в котором стояла статуя. — А после... После будем думать, как нам взять след.

— Я не могу взять след, — мрачно напомнил Гамильтон. — Ты — тем более.

— Тут пригодятся новые грани моего дара, — выразительно произнесла я. — Дай сосредоточиться.

* * *

Автор жив, здоров и не пропал. 20го я ездила в Спб, где застряла до 21го. Вернувшись домой я весь понедельник пролежала с дичайшей головной болью. Но сейчас все хорошо и за среду мы догоним воскресенье)

12.6

Отзвуки магии, слабые, еле уловимые искр силы Кристофа пронизывали весь Дворец Невест. И... Они совершенно ни на что не указывали. Они просто были, как невесомая золотая дымка, тающая среди десятков иных отголосков.

— Да этот клятый дворец переполнен магией! — вызверилась я и распахнула глаза.

Чтобы наткнуться на тоскливый, понимающий взгляд Гамильтона:

— То есть ты думала, что имея нюх сможешь сразу взять след?

— Когда ты произнес это вслух, — я пожала плечами, — прозвучало бредово. Но... Я вижу их.

— Их? — уточнил мой компаньон.

— Отзвуки магии, отголоски силы, искры — не представляю, как это называется. Чувствую, какая сила принадлежит Кристофу, а какая кому-то другому.

— Но они все одинаковые, — кивнул Гамильтон. — Очень часто щенки берут след и идут в обратную сторону до тех пор, пока запах не истает.

— Наверное, нужно идти другим путем и найти вначале Драконью Жрицу, — скривилась я, не желая быть щенком, идущим в другую сторону.

— Или подумать. Магия и нюх — разные вещи. Чем-то же отличаются твои искры друг от друга?

Прикрыв глаза, я вновь всмотрелось в окружающую меня магию. Паутинки парили совершенно хаот... Вниз! Они все стремились вниз, сквозь мрамор куда-то дальше, может быть к земле. Что там у нас вещали на теормагии? Ля-ля-ля, неиспользованная личная сила уходит в землю и после возвращается обратно в мир через растения!

— Нити силы опускаются вниз, — медленно произнесла я. — Значит, нам нужно идти от низких, почти исчезнувших нитей к тем, что парят на высоте человеческого роста! А это — туда!

Но... У меня же глаза закрыты, как я пойду?!

— Не думаю, что твои веки имеют какое-то особенное значение, — глубокомысленно произнес Гамильтон. — Ты ведь всегда говорила, что когда стреляешь из лука, видишь вокруг тварей дымку и она помогает тебе прицелиться. Думаю, закрытые глаза позволяют тебе избавиться от

цветового шума, от позолоты и блеска. Но ты уже нашла все, что нужно, осталось лишь удержать концентрацию. Ты сможешь. А когда не сможешь, начнешь сначала и точно сможешь.

— Спасибо, — коротко произнесла я и осторожно открыла правый глаз.

Паутинки померкли, но продолжили послушно колыхаться и опускаться к полу. Тогда я попробовала объяснить своему капризному дару, что меня не интересуют все-все отголоски, нет. Мне нужен только вот этот вот след, приятно-золотистый, теплый.

Правда, задорно бежать по следу у меня не вышло. Стоило только чуть-чуть ускорить шаг, как концентрация меня стремительно покидала и приходилось прятаться за очередной колонной-статуей-вазой и вновь закрывать глаза, выискивая отголоски.

Потом я, к неудовольствию Гамильтона, чуть упростила себе задачу — полубежала с полуприкрытыми глазами.

И вот отголоски поднимаются все выше и выше, выше и выше, и...

— Ой.

Кристоф возник на моем пути очень и очень незаметно. И оказался все таким же твердым, как и в нашу первую встречу. Правда в этот раз его лицо не пряталось в тени капюшона.

— Я думал, вы обсуждаете отбор, — хмыкнул Кристоф, помогая мне выпрямиться.

— Нет, мы вас искали, — улыбнулась я. — Это важно.

И... И он просто взял и поверил! До этого так легко и просто мне было лишь с отцом и мастером Дейтором. Только они верили мне без доказательств и помогали без лишних слов.

Кристоф открыл портал и через мгновение мы были уже в его кабинете. Стол, заваленный бумагами и заставленный чашками из-под кофе, стул, с наброшенной на него курткой и, в стороне, широкий диван. На который Правитель нам и указал, мол, садитесь. И только после этого спросил:

— Что случилось?

А я только сейчас поняла, что не посоветовалась с Гамильтоном о том, как лучше поступить. Но мой компаньон не выглядел недовольным, а значит... Значит, наступило время принимать решения и нести за них полную ответственность!

— После возвращения невест Милтон взял след человека с клинком из проклятой стали, — я осторожно села на край дивана. — Он ушел, затем вернулся но ничего не сказал.

— Потерял след?

— Сбили, — бухнул Гамильтон. — Кто-то заметил или услышал. Мальчишка вместо того, чтобы признаться, пробовал разные способы... У нас есть всякое.

Выразился Гамильтон очень туманно и мы не стали его пытаться, поскольку сейчас это было совершенно неуместно.

— Сейчас Милтон усыплен охранной системой сокровищницы.

— Дворца Невест? — уточнил Кристоф, — будет проблематично найти повод туда зайти.

— Вам нужен повод? — поразила я.

— Теперь да, — криво усмехнулся Правитель.

Мне в лицо бросилась краска — почему я никогда не успеваю подумать, прежде чем спросить? Ну конечно он... Он же сейчас ограничен в правах!

— Нет, — глядя на свои колени произнесла я, — след привел его в главную сокровищницу.

— Это хорошо, — кивнул сам себе Кристоф, — я хотел вернуть туда кое-какие вещи.

— Зачем? — заинтересовалась.

— Затем, что Совет очень не хочет, чтобы кое-какие артефакты возвращались в сокровищницу, — улыбнулся Кристоф. — Ведь тогда ими никто не сможет пользоваться — у Индира в свое время не хватило сил их активировать. Именно поэтому мне пришлось совмещать обязанности второго сына с обязанностями наследника.

А я, признаться, думала, что Кристофу просто нравится воевать с тварями. Но ведь точно, второй принц, если таковой был, всегда шел в армию. Начиная не с солдата, разумеется, но и не с самого старшего чина.

— Но ведь Совет все равно обяжет вас их активировать, — медленно произнесла я.

— Нет, — усмехнулся Кристоф, — в случае отстранения от власти, я обязан принять добровольное затворничество, а после полного принятия власти братом, я буду обязан покинуть столицу и не возвращаться в нее более никогда.

— И тогда возглавить армию будет некому?

— И тогда артефакты будут переданы не-Рентийскому, — уточнил Кристоф, — что очень и очень плохо скажется на Совете Крылатых. Ведь вся суть Совета состоит в том, чтобы наши традиции оставались прежними. Они те, кто стоят на страже страны и обязаны принимать решения опираясь исключительно на благо людей, а не на приобретение

каких-то личных выгод. Сейчас все очень сложно, Вильгельмина. Но я не планировал жаловаться.

Я только пожала плечами:

— Ничего из мною услышанного не прозвучало как жалоба.

Кристоф только кивнул и, повернувшись к нам спиной, сдвинул в сторону стеллаж с книгами. Позади него оказался высокий сейф. Из которого Правитель достал тяжелый клинок в простых ножнах и пару кожаных перчаток с серебряными заклепками.

Не серебряными, поняла я через секунду. Льдистая сталь.

— Этим клинком можно не только разить тварей иных миров, но и закрывать порталы, — Кристоф нежно, почти любовно провел по ножнам.

— Мне будет не хватать его. Идем.

12.7

— Тогда, быть может, не стоит? — с сомнением спросила я.

— Он не должен был мне принадлежать, — напомнил Кристоф и повторил, — идем.

Портал привел нас в пустынный коридор, где терпко пахло травами и... Я готова поклясться, что ощущаю родственную магию! Столь же ядовитую, сколь моя, но более плотную, более упорядоченную.

— Сокровищницу заклинали мастера окраинной стали, — улыбнулся Кристоф, — уверен, ты чувствуешь родство с охранкой.

— Сильные плетения, — я поежилась, — с собственным разумом. Не человеческим, нет, но... Оно изучает нас.

— Тринадцать мастеров окраинной стали на тринадцать лет оказались при дворе Виргофа Верткого, — со странной ноткой произнес Кристоф, — это позволило Окраинам сохранить часть своих прав и свобод. И это же, как мне кажется, уничтожило мастеров. На них охотились, их детей похищали и, в итоге, секреты их искусства были утрачены. Те мастера, что рождались после... Они уже не могли создать нечто особенное, их уделом была лишь первая ступень — ледяная сталь.

— Или не хотели, — мягко произнесла я. — Мастер Дейтор предпочитал жить тихо и скрытно, не выделялся, но исправно создавал клинки для дружины. Наконечники для стрел и многое другое.

А еще у нас есть особые орудия, которые поглощают просто дикое количество магии. И они, я уверена, были созданы отцом мастера Дейтора. Но об этом я говорить не стану даже Кристофу.

Очередной поворот привел нас в тупик. Но Кристоф, как и Гамильтон, не замедлились и не остановились, они продолжили движение! Что ж, не самая плохая компания для того, чтобы убиться об стену, решила я и тоже не стала останавливаться.

Мы прошли сквозь каменную кладку и оказались у высокой стрельчатой арки. Подле нее дежурил молодой парень в мантии придворного мага. Или ученика придворного мага? Я не помню, у которого из них должны быть белые нашивки на рукавах...

— Правитель, — парень побледнел и склонился в поклоне. — Правитель...

— Я знаю, зачем ты здесь поставлен, — спокойно произнес Кристоф. — Власть меняется. Я несу в сокровищницу артефакты, которыми более

не имею права владеть. Это пара мастера Тенрайно, клинок и перчатки.

Но маг побледнел еще больше:

— Вы не должны от них отказываться! На Совете...

— Ученик придворного мага будет указывать мне, что я могу, а что нет? — светски осведомился Кристоф.

— Я-я-а должен доложить!

И дурачок стрелой сорвался с места, оставив, собственно, проход открытым.

Мы вошли под арку, а дальше нас вел уже Гамильтон. И если Кристоф не мог понять, откуда моему компаньону известны все проходы, то я сердилась. Ушастого пройдоху ждет серьезный разговор!

Все дело в том, что создания иных миров способны отделять дух от тела. Вот только из-за нашей с Гамильтоном связи, каждое такое отделение может стать для него последним! И я брала с него слово, что...

Мой компаньон бросил на меня короткий взгляд и вздохнул. И я тут же вздохнула с ним в унисон — я бы тоже так поступила. Ради родного, ради близкого человека — рискнула бы.

«Но поворчать-то я обязана же?», подумала я и подмигнула обернувшемуся на меня псу. Только дернул ухом и ускорил шаг.

Милтон спал в окружении россыпи драгоценностей. И это при том, что сама сокровищница была больше похожа на склад — стеллажи со скучными сундуками и непонятными подписями, вроде «Встр.н. Албрскп-63. ДрКнз».

— Ваш казначей это заучивает? — я щелкнула пальцем по Алб-63.

Кристоф обернулся, бросил короткий взгляд и улыбнулся:

— Гласные убраны для краткости. Встреча на Албарской переправе шестьдесят три года назад. Дары князя. Забираем малыша — он не проснется, пока не покинет охранную зону.

— Он пытался вскрыть это, — Гамильтон кивнул на плоскую деревянную шкатулку, на которой лежал молодой бассет.

— Да уж вижу, — хмыкнул Кристоф и ногой закинул под стеллаж погнутый венец.

Я взяла Милтона на руки, а Правитель поднял шкатулку. Легко ее открыв, он показал нам ее пустое нутро:

— Бархат примят так, будто здесь долгое время лежал клинок.

— Вот я и говорю, иногда щенки берут след и идут в обратную сторону, — глубокомысленно изрек Гамильтон. — Кому-то будет страшно стыдно.

А я почему-то подумала, что у Милтона наверняка были причины пойти в обратную сторону.

— Вы можете забрать коробку? — спросила я. — Закрывать ее и забрать. Мне кажется, Милтон хотел обнюхать бархат. Он молод, но не глуп. И уже опытен.

— Тоже верно, — Гамильтон зевнул, — но не подколоть я не смогу, увольте. Подколы — основа наших родственных уз!

Глава 13

Кристоф вновь открыл портал и мы вернулись в его кабинет. Милтон на моих руках заворочался, сладко зевнул, показывая черное нёбо и проснулся. Спрыгнув на пол, он потряс головой и, топнув передней лапой, грозно спросил:

— Шкатулку забрали?

— Перед тобой человеческий Правитель, — буркнул Гамильтон.

Милтон тут же изобразил что-то вроде парадного приветствия — встал на задние лапы, прижал переднюю левую к груди и поклонился так низко, что уши по полу мазнули.

— Шкатулку-то мы взяли, — продолжил мой компаньон, — но мне горестно от того, что с тобой приключилась щенячья ошибка.

Если бы собаки могли краснеть, то Милтон бы побагровел. У него даже уши встали почти вертикально, но! Но он не мог в открытую возражать старшему псу. Да еще и Генералу, герою войны с кошачьим миром-сателлитом.

— Ладно, — Гамильтон встряхнулся, — что-то я перегнул.

Милтон, довольно пофыркивая, приземлил на ковер пушистую попу и тут мой компаньон продолжил:

— Нельзя так с детьми. Мина сделает для тебя мясную дорожку, выложит пару метров фаршем и мы повторим все...

Молодой бассет горестно взвыл, а Гамильтон расхохотался:

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, малыш.

— Так малыш или во взрослую? — проворчал Милтон.

— Во взрослую, малыш, во взрослую, — пофыркивая, ответил Гамильтон.

А я, сев на диван, попросила бассета поведать нам, каким образом след привел его в сокровищницу.

— Я должен извиниться, — Милтон горестно вздохнул, — меня сбили со следа. И я не смог признаться, промолчал.

— Что в этом такого? — спросил Кристоф и, сдвинув бумаги, присел на край своего стола. — Так бывает, особенно, если враг знает о наличии воина из псовьего мира.

— Меня никогда не сбивали со следа, — Милтон понурился, — это... Это рано или поздно происходит, но... Я считался гением.

— Ты им и остался, — я села на ковер, рядом с огорченным бассетом.
— Или ты — это только твое тело? Что-то же привело тебя в сокровищницу? Расскажи.

Гамильтон, не вытерпев такого моего внимания к Милтону, переместился и привалился к моему боку. И я как-то сразу поняла, что надо срочно чесать его за ушами, а то будет дуться несколько недель. А учитывая, что благородные псы не обижаются, то... В общем, чесать, чесать и еще раз чесать.

— Потеряв след человека, я был расстроен, — Милтон смотрел на ковер так, будто среди ворсинок запутался смысл жизни, — спрятался в парке и думал, как же я приду и расскажу вам о том, что не справился с простым заданием. Заданием, на которое вызвался сам. Потом я вернулся туда, где потерял нить человека с проклятым лезвием, но там не осталось даже тех крох, что были. Это был провал. И вдруг я вспомнил, как много лет назад мои братья и сестры раз за разом уходили по обратному следу!

Милтон чуть приосанился и добавил:

— Я ни разу так не ошибался.

— Не перегордись, — предостерёг его Гамильтон.

И молодой бассет тут же сбавил обороты:

— Да. Так вот, я ни разу так не ошибался и потому не сразу понял, что нужно делать. Я просто подумал, что след человека перебивает след клинка. Мы, жители Псовьего мира, все же идем не столько на запах, сколько на сочетание нескольких факторов. Вот. И я решил, что если найти источник, место, где впервые обнажили клинок, то там я смогу найти чистый след человека.

— Но шкатулка была закрыта, — медленно произнесла я. — Кристоф?

Он молча открыл шкатулку и левитировал ее Милтону.

— Брат или отец? — скупое спросил Кристоф и пояснил нам, — в сокровищницу могут войти только Рентийские.

Милтон принялся, прикрыл глаза, а через мгновение распахнул их и севшим голосом произнес:

— Юная принцесса...

— Не может быть!

Это мы выдохнули в три голоса — я, Гамильтон и Кристоф.

— Невозможно, — Правитель дернулся, башенка папок начала заваливаться набок и он, от злости, помог ей окончательно рухнуть.

— Ей могли приказать, — сказала я. — Или обмануть. Прости, но... Она такой ребенок!

— Самое разумное — установить наблюдение, — Кристоф прикрыл глаза, — начать разработку, но...

Одно движение и перед нами разгорается портал. А я, не выдержав, все-таки спрашиваю:

— Вы говорили, что не владеете порталной магией!

— Так я и не владею, — пожал плечами Кристоф и, закончив писать короткую записку, забросил ее в портал. — А что?

— А это что? — я кивнула искрящийся переход.

— Портал, — он хмыкнул.

— И вы не чувствуете противоречия? — я сощурилась и тут же добавила, — приношу извинения за чрезмерное любопытство.

— Вс-се с-самки любопытны, — раздался тихий шелест и из рукава Кристофа вылезла крохотная, сапфировая змейка.

— Какая ты красивая, — выдохнула я. — Ты из Опалового мира, да? Хотя нет-нет, не говори, подожди! Опаловые отличаются не только умением открывать порталы, но еще и парой рук. Ты можешь открывать переходы, ты маленькая и красивая... Мир Самоцветов! О, готова поспорить, один твой укус способен завалить дракона! Если бы они еще были в нашем мире!

Кристоф кашлянул и я вспомнила, что, вообще-то, он считается драконом. Как и вся его семья — правящий род, как говорят, сохранил в себе крылатую кровь. Ну-у, я не спорю. Однако же вот он Кристоф — две ноги, две руки, одна голова и... И так далее.

Вспышка! И из портала вначале вылетает скомканная бумажка, а после, чуть запыхавшаяся, принцесса. Видя нас, она, просияв от радости, тут же здоровается. А вот сапфировая змейка заставляет принцессу поежиться:

— Добрый день, леди Тиль-таэль.

— Добрый, Ваше Незаконнорожденное Высочество, — прошелестела змейка.

И в этот момент взгляд принцессы падает на открытую шкатулку. И она едва уловимо меняется в лице...

13.2

— Ой, — принцесса отводит глаза, — ты все-таки узнал, да? Прости-прости-прости!

— Мири, — потрясенно выдохнул Кристоф.

И в этом его «Мири» было столько боли, что я, прикусив губу, промолчала. Хотя мне хотелось тряхнуть девчонку!

— Старые книги все равно солгали и волосы не отросли, — принцесса всхлипнула, — а потом этот дурацкий ножик и вовсе потерялся!

Волосы? Дурацкий ножик? Я ничего не понимаю, но не буду спешить с выводами.

— Мири, — Кристоф мановением руки создал кресло, — садись. Тиль, я прошу тебя... Ты понимаешь.

— Она меня укусит, да? — обреченно вздохнула Мири. — Как тогда укусила Индира, да? Чтобы говорили только правду?

— Дурацкий ножик, Мири, устроил все то, с чем мы сейчас не можем разобраться, — строго произнес Кристоф. — И сейчас мы должны понять, кто ты — преступница или моя наивная младшая сестра.

Принцесса села в кресло, зажмурилась и отвернула голову, подставляя леди Тиль-таэль горло. Но змейка выбрала для укуса запястье. Все сосуды на теле принцессы налились сапфировым цветом, а через мгновение она открыла ненормально-синие глаза:

— Кажется, подействовало.

— Кто носил цветы в усыпальницу моей матери? — мягко спросил Кристоф.

— Я, — шепнула Мири и сапфировые линии на ее теле мигнули белым.

— Хорошо, ты молодец, — он говорил очень спокойно, очень доброжелательно. Но от беспомощности принцессы меня бросало в холод. — Расскажи, что с твоими волосами? Они... Красивые. И украшений много.

В этот момент Мири подняла руку и... И стянула с головы свои волосы! Обнажив кожу черепа. Кожу, испещренную подсохшими царапинами.

— Утром я проснулась, а мои волосы, срезанные, лежат на подушке. Отдельно от меня, — голос принцессы дрожал. — Я могу только

догадываться, кто и как это сделал. Но ты знаешь, Кристоф, что мои покои не охраняются.

— Я ставил защиту, — так же спокойно и мягко произнес Правитель, но я видела, что на его скулах вспухли желваки, — куда она делась?

— Она на месте, — линии продолжали мерцать белым, показывая, что Мири не лжет. — Я отказалась выходить к завтраку.

— Я помню, — прервал ее Кристоф, — это было за три дня до моей отлучки в Иль-Доратан.

— Да. После завтрака мне в подарок прислали парик. Этот парик. Я не хотела его надевать, но я не могла купить другой, меня не пускают в город, — по бледной щеке скатилась сапфировая слезинка. — Но я уже успокоилась. Я выпила зелье, волосы должны были отрасти. Но они не росли. Я пила другие зелья, я... А они не росли.

Сапфировые линии побелели в последний раз и змейка вновь вонзила клыки в запястье принцессы. В этот раз сосуды налились цветом быстрее.

— Ты был так занят, — Мири посмотрела на Кристофа, — а я хотела хоть раз в жизни защитить себя самостоятельно! И я стала искать, почему такое может быть. Не нашла. Но, зато, нашла книгу, в которой был нарисован смешной нож. У него много свойств, я... Я не все прочитала. Но там было написано, что среди прочих свойств, этот нож возвращает утраченное. А потом, на другой странице, приводился пример снятых проклятий. Вот я и подумала, что если я срежу оставшиеся волосы, то проклятье уйдет и они отрастут. Наверное, я выбрала не тот нож.

— Или проклятье не в волосах, а тебе просто подливают зелья, отчего волосы не растут, — мрачно произнесла я. И тут же поправилась, — то есть вам. Вам подливают зелья.

Смотреть на изуродованную принцессу было больно. Как больно было и осознавать, что все было спланировано. Бедную девочку планомерно подводили к тому, чтобы она взяла клинок. Но как...

— Как ты нашла нож? — Кристоф сообразил быстрее меня.

— По каталогу, — сапфир ее вен последний раз моргнул белым. — Есть же каталог, я — Рентийская, имею к нему доступ. Как и в сокровищницу. Это к украшениям мне пройти — отец перекрыл, а я... Я просто мамино колечко хотела взять. Оно мамино, дешевое-дешевое, не отцом подаренное.

— Колечко мы заберем, — Кристоф потер переносицу. — Книгу ты помнишь? Как она выглядела.

— Конечно, — кивнула Мири. — Большая и толстая книга, обложка из кожи, уголки обиты серебром. Написана на пергаменте, не на бумаге.

Названия у нее правда не было... Там еще было про клинки окраинных мастеров. Красивые-красивые.

— Как ни странно, я понял, что это за книга, — Кристоф покачал головой, — одна беда — книга тоже должна быть в сокровищнице.

— И узнать, там ли она, мы уже не сможем, — подытожила я.

— Там, — он покачал головой, — я видел. Она стоит не очень удачно, относительно входа, но она на месте.

— Она просто лежала, — Мири ткнула запястьем в сторону змейки, — прошу, леди, укусите меня!

— Третий укус приведет к вашей смерти, — прошипела змейка и вернулась на руку Кристофа.

— Я верю тебе, — он левитировал к себе парик и привел его в порядок, — и волосы обязательно отрастут.

— Я уже смирилась, — тихо сказала принцесса. — Просто... Хочу в город, от этого парика голова чешется сильно.

обновление от 05.03

Чешется? Я с недоумением посмотрела на Мири, но та кивком подтвердила свои слова. Как странно, парик выглядит более чем достойно. Да что там! Он в принципе не выглядит искусственно. Полная и абсолютная имитация настоящих волос.

Кристоф же не обратил внимания на слова сестры и спросил другое:

— Ты поэтому попросила мой комплект определителей? — меж тем спросил Кристоф.

Она кивнула и тихо сказала:

— Я перестала есть свои любимые блюда. Иногда прихожу на кухню и беру то, что приготовили для слуг. Кашу, хлеб. Твоими артефактами я проверила всю свою косметику — но никаких примесей нет. Потому я и решила, что это проклятье.

Мири нервно поправила выбившуюся прядь и я, вздрогнув, негромко попросила:

— Могу я посмотреть ваш парик? Обещаю, что если испорчу — куплю новый немедленно.

— Покупать не нужно, — принцесса протянула мне парик, — ты же обращалась ко мне по-простому. Почему сейчас передумала?

— Не передумала, а дала возможность передумать тебе, — уточнила я и приняла парик. — С точки зрения столичных лордов и леди, окраинная баронесса не ровня юной принцессе.

— Я... Я боюсь возражать отцу, но все же предпочитаю такие вопросы решать самостоятельно, — проговорила Мири.

Она выглядела настолько потерянной и несчастной, что Милтон, не выдержав, запрыгнул к ней на колени. На наше счастье принцесса все же была не столь изнежена, как казалась. А потому лишь сдавленно охнула, когда наше маленькое счастье рухнуло ей на колени.

— Осторожнее, — проворчал Гамильтон, когда увидел, как я выворачиваю парик. — Где мы такое чудо искать будем?

— Мири отказалась от нового, — отмахнулась я и тут же спросила, — почему, кстати?

— Я ищу в себе силы признать свой проигрыш, — сказала принцесса принялась чесать Милтона за ушами. — Тот, кто прислал мне парик — не друг. И он, видя меня каждый день, улыбается. Радуетс я тому, что я так и не справилась.

— А может их много, — вздохнул Милтон и подставил Мири холку, — такую пакость в одиночку не провернуть.

— Спасибо, милый друг, — грустно улыбнулась принцесса и принялась наглаживать предложенное.

Я же вертела в руках парик. Гладила внутреннюю его часть кончиками пальцев и никак не могла понять, с чего же Мири от него чешется? Этот момент казался важным. Как будто, если я ухвачу мысль за кончик игривого хвоста, то сразу же пойму...

— А за счет чего он держится на голове? — медленно спросила я.

— За счет моей магии, — Мири увлеченно начесывала Милтона и совсем не смотрела на меня. — Я проверила парик определителями ядов и настоев. Сейчас я его, правда, не крепила. Не успела.

— Угу, — я была готова признать свою несостоятельность, но новые грани моего дара ясно говорили, что в сплетении тонких нитей кроется не только магия Мири, но и чья-то еще сила.

— Подайте, пожалуйста, немного своей силы сюда, — я протянула принцессе парик.

Не отвлекаясь от почесушек, принцесса сбросила толику силы в парик. И продолжила шепотом жаловаться Милтону на свое горе.

А я с нескрываемым изумлением наблюдала за тем, как на гладкой внутренней поверхности парика появляются загнутые крючочки. Тонкие, практически прозрачные! Но при этом истекающие белесой жидкостью.

— Оно живое, — хмуро произнесла я и протянула его Кристофу. — Полагаю, творение химерологов.

Мири нервно икнула и крепче притиснула к себе Милтона.

— Ж-живое?!

Бассет сдавленно захрипел и принцесса тут же чуть ослабила хватку. Хотя я сильно сомневаюсь, что ей действительно было под силу причинить Милтону вред.

— Да, — мрачно произнес Кристоф. — Иди к себе, тщательно отмой кожу головы. И никуда не выходи.

— Я останусь с принцессой, — твердо произнес Милтон.

Гамильтон вздохнул и согласно кивнул:

— Хорошо.

— Я не дам тебя в обиду, — серьезно сказала Мири и чмокнула Милтона в нос, — это себя я защищать не умею. А тебя — смогу.

Змейка Кристофа открыла переход для Мири и ее бассета, а после, едва лишь портал закрылся, я прямо спросила Правителя:

— Сколько ей лет?

— Все сложно, — поморщился Кристоф.

— Плюс-минус год, если точная дата неизвестна, — не смутилась я.

— Подозревать Мири немыслимо, но она слишком наивная для того, кто вырос здесь. И для того, кто рос в городе. И...

— Ей двадцать два, — Кристоф вздохнул, — она медленно взрослеет.

— А?

— Ее мать была не слишком умной женщиной, немного ветреной и очень, очень доверчивой. Преступно доверчивой. Она считала, что при дворе у нее нет врагов, ведь она не претендует ни на что. Во время беременности "подруги" поили ее медленно действующими ядами. Так мы теперь знаем, что Шерхийская пыль нейтрализует Андвалорскую росу. А ведь считалось, что у этих ядов нет антидота.

— Но на Мири это повлияло, верно? — вздохнул Гамильтон.

— Да, — Кристоф поморщился, — отец не принял больного ребенка, но и мать с девочкой никуда не отпустил. Все закончилось очень и очень неприятно. Мири осталось брошенным, никому не нужным ребенком. И, на какое-то время, ее воспитанием занялась супруга Правителя.

«То есть, твоя мать», мысленно прикинула я. И, судя по всему, ей удалось полюбить ребенка, иначе откуда у Кристофа такое теплое отношение к сестре?

Но выдавать свои догадки вслух я не стала. Незачем. Тот кто понял — молодец, кто не понял — тому и не надо.

— Она ведь наверстает? — вместо этого спросила я.

И Кристоф уверенно и гордо ответил:

— Да. Еще лет семь и ее магия перестанет подавлять разум.

— Главное, чтобы девочка дожила до этого момента, — вздохнула я.

— Я слежу за этим, — скупое бросил Кристоф и тут же повинился, — прости. Мой тон оскорбителен.

— Все в порядке, — уверенно произнесла я. — Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

— Вы уже помогли. Вот это мог сделать только один человек — магистр Вельтрис. Ему придется ответить на мои вопросы. Позволь проводить тебя?

Портал вновь засиял красками, но Кристоф, смущенно кашлянув, произнес:

— Милая, я имел ввиду ногами.

— Романтика в такое сложное время? — удивилась сапфировая красавица.

И я почувствовала, как у меня загораются щеки. У нас с Кристофом романтика? Или просто что-то странное? Не могу понять. Или не могу поверить.

Но портал гаснет, а Правитель предлагает мне руку.

И я принимаю ее.

13.3

— А для меня портал можно было и оставить, — проворчал Гамильтон и встряхнулся, — я, все же, слегка лишний в вашей романтике. Да и не моё это.

— И не моё, — прошелестела змейка, — но я же не жалуясь, просто жду.

— Логично, — согласился мой компаньон.

А мне вдруг стало кристально ясно, что с таким компаньоном будет трудно выйти замуж даже по предварительному и взаимовыгодному договору. Это, конечно, не сюрприз, подозрения были, но... Сейчас все стало понятно как никогда.

Правда, надо отметить, что Кристоф все это пропустил мимо. Он просто вел меня по коридорам, небрежно кивал придворным и чему-то тихо улыбался. Гамильтон шел рядом со мной и тоже чему-то радовался.

И только я растеряно подсчитывала, куда же мы идем, если привычный выход из основного дворца в противоположном направлении!

— Я о многом думал за последние дни, — сказал Кристоф внезапно.

— Сейчас вся страна о многом думает, — вздохнула я.

— И принял ряд решений, — ничуть не смутился он.

— Сейчас вся страна принимает ряд решений, — не сдержалась я. — Какое самое главное?

Он привлек меня к себе и сделал шаг в сторону, пряча нас в укромном алькове. Правда, следом туда втиснулся и Гамильтон и что-то мне подсказывает, что часть его объемного зада торчит в коридоре. Но, формально, мы все дружно уединились.

— Я никогда не хотел править, — Кристоф усмехнулся, — и сейчас не хочу. Но это моя страна и я не позволю Совету Крылатых все разрушить. Это основное. А так... Ты знала, что раньше существовал щит, дополнительно прикрывающий весь наш мир? Щит, опирающийся на три точки мира?

— Ты ведь не о естественной защите говоришь, — медленно произнесла я. — Верно?

— Верно. Если смотреть в целом, то в нашем мире есть три точки, на которых держался щит. Одна — еще работает. Вторая здесь, в столице. Ее местонахождение утеряно. И третья в Империи Штормов. Там тоже не все

в порядке — остров Пяти Храмов* не справляется с нагрузкой. Или не с нагрузкой — они не хотят обсуждать эту тему.

— Об Империи Штормов я знаю только две вещи — их нужно благодарить за вкуснейшие штормбуры раз, и два — шелк там просто великолепный, — хмыкнула я. — Ну и недавно у них сбежала принцесса.

— Штормбуры — Иль-Доратанское изобретение, — покачал головой Правитель. — Они просто придумали красивую историю и убедили остальных в том, что это правда.

— Сейчас как-то очень обидно стало, — вздохнул Гамильтон.

— Обида на вкус не влияет, — отозвалась змейка и тут же уточнила, — или влияет? Если мышь на меня обижена, это не мешает мне ее переварить.

Гамильтон чуть помолчал, а после согласился:

— Справедливо.

После этих слов я заметила, как сапфировая змейка выскользнула из рукава Кристофа и спланировала на шею Гамильтона. Свернулась в клубок и довольно зашипела.

— Мы, наверное, пойдем другим путем, — сказал вдруг Гамильтон. — У меня есть вопросы к леди Тиль- Таэль.

— Надеюсь, ты не собираешься рисковать жизнью, — сурово произнесла я. — Миледи, не идите у него на поводу!

— Ничего не поняла, — просвистела змейка, — но приму к сведению. Не забудьте, что Дворец Невест в другой стороне.

*(*События, связанные с островом Пяти Храмов, происходят в романе «Лорд-Дракон Штормового Предела, вредная невеста и полезный лис»)*

13.4

На прощание Гамильтон ткнулся лбом мне в ногу, после чего неспешно ушел. А вот нам с Кристофом пришлось глубже упихиваться в альков — крылатые невесты выбрали для прогулки именно этот коридор!

— Почему ты не закрыл Дворец Невест?! — едва слышно, но очень осуждающе прошипела я.

— Не подумал, что невесты, как жуки, поползут по всему дворцовому комплексу, — отозвался он. — И ведь не лень же!

— Моя служанка сказала, что именно здесь можно встретить Правителя, — прощептала одна из невест.

— Пока еще Правителя, — уточнила ее подружка. — Тебе не надоело за ним таскаться? Он же тебя даже не узнает!

Хмыкнув, я прошептала на ухо Кристофу:

— Стыдно?

— Очень, — отозвался он и прижал меня крепче к себе.

И тут до меня дошло, что я стою прижатая к стене, Кристоф навалился на меня и... И со стороны это все выглядит так, что если кто-нибудь нас увидит, то ему придется на мне жениться!

— Ничего, — фыркнула первая невеста, — не страшно. Я раньше за лордом Рентийским хвостом ходила потому что отец приказал. А теперь сама хочу. А что ты смеешься? Вот зачем нормальной леди муж Правитель? Ага, не зачем. Но просто благородный, обеспеченный, приятный во всех отношениях мужчина — нужен. Полезен как в быту, так и в других сферах!

— Например? — усомнилась вторая невеста.

— Выйти в люди — прекрасно, достойное образование, приятная внешность, манеры и интересное прошлое, — принялась перечислять первая невеста. — Родственники — никаких, ведь после снятия венца Рентийские должны игнорировать бывшего Правителя не менее тридцати лет. Дети, опять же, будут одарены сверх меры.

Я уткнулась лицом в камзол Кристофа и тихонечко скулила от смеха.

— К тому же, согласишься, муж, который гарантировано не вложит твое приданое в сомнительный бизнес — находка.

— Зато он может оставить твое приданое в игорном доме, — фыркнула вторая.

— Они уйдут или нет? — возмутилась я, понимая, что голоса больше и не приближаются, и не удаляются.

— Там скамья, — обреченно произнес Кристоф.

— То есть, мы либо стоим до посинения, либо торжественно выходим из темноты на свет? — утончила я.

— Увы.

— Я хочу от него троих детей, и чтобы только один мальчик. Девочки с даром уйдут в другие семьи и укрепят наш род, — продолжала мурлыкать первая невеста. — И с первым ребенком надо поторопиться. Колдунья, которую я присмотрела в кормилицы своему ребенку, уже брюхатая.

— Аннета, ты же еще не замужем, — засмеялась вторая невеста.

— Ива, — вздохнула Аннета, — как же ты наивна. Есть вещи, которые должны быть продуманы заранее.

— А у тебя уже есть кормилица на примете? — с тихим смешком спросил Кристоф.

— Две, — фыркнула я, забыв на мгновение с кем говорю, — правая да левая. На Окраинах матери сами детей кормят. Что до экстерьера, так уж форму груди может любой целитель вернуть.

— Орешки будешь? — спросила Ива.

— Это невыносимо, — проворчал Кристоф. — Пойдем.

— Моя репутация будет растоптана, — проворчала я, но сопротивляться не стала.

Дуновение магии и мы выходим в коридор. Девичий щебет стихает мгновенно.

— Так что вы были абсолютно правы, леди Фоули-Штоттен, часть тайных ходов действительно делали ваши соотечественники. Доброго дня, леди, — Кристоф небрежно поклонился своим подскочившим невестам, укоризненно посмотрел на рассыпавшиеся орехи и повлек меня за собой.

— Ах да, паутина, — он резко остановился и принялся собирать с меня... Паутину?!

— Это...

— Ходами сейчас не пользуются, вот и замусорились. Прошу за мной, покажу еще один удивительный переход, — Кристоф подмигнул мне и утянул налево.

И там, в алькове, действительно прятался тайный ход.

— Умение быстро соображать очень полезно, — хмыкнул он. — Особенно если оказываешься в Иль-Доратане именно в тот момент, когда компаньон отправилась навещать семью.

— Вернувшись на Окраины я пришлю тебе в дар портреты, написанные нашим единственным художником по описанию из газет. Так же он вдохновлялся испорченными миниатюрами.

— Ох, а я хорошо буду спать после такого, мгом, зрелища?

— Леди Тиль-Таэль не оставит тебя без помощи.

13.5

— Если не отправится навещать семью, — хитро улыбнулся Кристоф и с интересом спросил, — а что, если бы меня узнала, то не отправила бы в Иль-доратан?

Тут я крепко призадумалась, а после честно призналась:

— Не знаю, вот правда. Скорее всего я бы не поверила своим глазам. Да и мало ли похожих людей? Все-таки портреты не передают идеально-точного сходства. К тому же в варианте нашего художника у тебя мушка под глазом.

— Мушка?!

— Это считается модным, — я пожала плечами.

— Мушки вышли из моды до моего рождения, — проворчал Кристоф.

— У нас они в моду так и не вошли, — я пожала плечами и с любопытством осмотрелась, — что это?

— Тайный переход, — напомнил все еще недовольный Правитель.

— Это я и так знаю. Магия странная. Я не могу ее...

Тут я осеклась, поскольку еще не настолько хорошо освоила свой дар и не могла внятно объяснить, что конкретно мне не нравится.

— Сюда могу войти только я, — сказав это Кристоф криво усмехнулся и исправился, — точнее, сюда может войти только Правитель. Идём, я хочу показать тебе сад.

Недоуменно посмотрев на него, я осторожно произнесла:

— Дворец со всех сторон окружен парком.

— В этот сад можно попасть только в сопровождении Правителя. Долгое время считалось, что сад и есть наша точка защиты. Но нет, — он криво улыбнулся, — защиты нет, а сад по-прежнему цветет.

Тайный ход, освещенный лишь неясными отблесками странной, чуждой магии, резко свернул и...

— Мать моя собака, — выдохнула я. — Что это?

— Сад, — с гордостью произнес Кристоф. — Сад Иных Миров — все эти растения принесены из миров-сателлитов и не способны выжить вне подземелий.

Я только кивнула, потому что ответить не могла — любовалась, не смея тронуться с места.

Пушистые синие соцветия болтались на тонких-тонких стебельках, но при этом они не опускались вниз, а наоборот, стремились вверх! И лишь тонкие зеленые нити удерживали их от взлета.

Строгие, восковые, темно-фиолетовые цветы буйно цвели и, нет-нет, да выстреливали вверх черной пылью.

— У нас есть специальный слуга, который ловит мушек и передает их мне, — с нечитаемыми эмоциями произнес Кристоф.

— А ты приходишь и кормишь цветочек? — хихикнула я.

— Иначе он сам за едой выйдет, — усмехнулся Правитель. — Идем.

— Куда? — перед нами расстилалась нежно-голубая травка, такая нежная, такая мягкая, что я просто не могла заставить себя шагнуть вперед.

— И то верно, — согласился Кристоф и подхватил меня на руки.

— Это не то, что я имела ввиду, — проворчала я и прижалась к нему теснее.

Он же только и сказал:

— Я не мог допустить, чтобы вэльсар поранил твои ноги.

И, едва лишь мы углубились в сад и голубая трава закончилась, Кристоф спустил меня на землю. И я, не зная куда деть глаза, случайно заметила, что его сапоги исчерчены глубокими царапинами.

— Это трава?!

— Кровь, кожа и мех — главное удобрение для нее, — развел руками Кристоф. — Посмотри.

Я повернулась и...

Это был огромный, исполинский ствол поваленного дерева. Он иссох, его кора осыпалась, но сквозь дырочки, оставленные жуками древоточцами прорывалась иная жизнь.

Белоснежная листва, черные стебли и гроздья сине-серебряных цветов — неведомое растение оплетало павшего гиганта подобно плющу.

— Иногда оно светится, — сказал вдруг Кристоф и на его лице застыло странное, надломленное выражение.

— И что предвещает его свечение? — осторожно спросила я и подозрительно покосилась на гроздья соцветий, — просто, может лучше отойти? У нас итак катастрофа правительственного масштаба.

— Ничего плохого.

Посмотрев на Кристофа, я вдруг заметила, что он стоит слишком близко. А воздух пахнет слишком сладко. А...

А его губы такие твердые. Он, ни капли не сомневаясь, склонился ко мне и коснулся моего рта своим. Оставляя короткие, быстрые поцелуи,

Кристоф заставил меня потерять голову и закинуть руки ему на шею.

Мне было страшно. Страшно, что он остановится. Страшно, что он не остановится.

Мне было до одурения хорошо — аромат иномирных цветов кружил голову не хуже хмельного вина, а голубой отсвет сине-серебряных цветов... Отсвет?!

Вздвогнув, я открыла глаза и, не разрывая поцелуй, попыталась посмотреть, как именно светятся цветы-вуайеристы. Но Кристоф это заметил и со вздохом отстранился:

— Они интереснее меня, не так ли?

— Не так, — уверенно ответила я и повернулась к нему спиной. — Абсолютно не так. Значит, им нравится, когда люди целуются. Хм, но где же скрываются глаза? Что ты делаешь?!

Кристоф взял гроздь цветов и потянул на себя. Неохотно, но иномирное растение все же поддалось, после чего выяснилось, что это не гроздь, а причудливо запутавшаяся нить, на которой растут цветы.

— Их можно использовать вместо ленты, — он посмотрел на меня, — за пределами подземелья цветы станут камнями, а вот стебель останется мягким.

Вложив их мне в руки, Кристоф попросил:

— Чтобы ни случилось, даже если ты меня возненавидишь, не выбрасывай. В дурных руках они могут сотворить много кошмарных вещей.

— Так может не стоит их мне давать? — нахмурилась я. — И... И я не смогу тебя возненавидеть. Не смогу. Я...

Он не дал мне договорить — резко наклонился и вновь смял мои губы крепким, властным поцелуем. Прижал к себе крепко-крепко, так, что даже дышать стало трудно!

— Прошу тебя, — выдохнул он, отпустив мои губы, — просто пообещай.

— Обещаю, — слабо произнесла я. — Обещаю, раз тебе это так важно.

Глава 14

Кристоф проводил ко дворцу Невест и, коротко поклонившись, опустил на одно колено. В ту же секунду из травы выскользнула синяя молния и, обвинив его руку, прошелестела:

— Открыть портал?

— Да, Тиль, открывай.

На душе было беспокойно. Искрящаяся, безумная и бездумная радость прошла и... Мы вновь ничего не обсудили. Что значили эти поцелуи? И этот подарок?

«Почему нельзя сказать словами?!»

— Спасибо, что подождала, но я бы и сам мог дверь открыть, — из кустов выбрался Гамильтон. — Показывал Тиль парк.

— Она живет здесь всю жизнь, — я нахмурилась, — что она не видела?

— Она маленькая и отдельно от своего человека не ползает. Повезет же его супруге, — лающе рассмеялся мой компаньон.

Рассмеялся и бросил на меня очень выразительный взгляд. Мол, тебе и повезет.

— Прекрати, — вздохнула я.

В выделенных мне покоях было тихо. Тина что-то выписывала на огромный лист из крошечной книжицы, а Марон... Марон взглядом левитировал водяной шарик.

«Ничего себе, уже перешел на следующий уровень», восхитилась я и на цыпочках проскользнула в свою спальню.

Вытащив цветы, я поразилась тому, что часть из них уже превратилась в камень. Немного мутноватый, не огранный камень, но... Что-то, а придать все этому великолепию немного блеска я смогу.

«Наверное. Вряд ли окаменевшие цветы сильно отличаются от камней», пронеслось у меня в голове.

Но я не успела ничего сделать — по уже окаменевшим соцветиям пробежал блик и огранка сама собой появилась на изящных лепестках. Еще пара минут и на прикроватной тумбочке лежал черный шнурок с нанизанными на него сине-серебристыми цветами.

— Земное Древо, — ко мне подкрался Гамильтон. — Красиво.

— Ты знаешь о нем? — заинтересовалась я.

— Конечно, — с толикой нежности произнес пес, — его сажали во всех мирах. У нас оно тоже до сих пор есть, хоть его бутоны все чаще опадают не распустившись.

— Быть может, его родной мир погиб, — с сочувствием произнесла и погладила цветы кончиками пальцев, — я буду о вас заботиться.

Гамильтон что-то хотел сказать, но я скрылась в ванной комнате.

Утро принесло на себе не только Драконью Жрицу, но и вести. Донельзя мрачная леди Илзерран бросила на стол плотный конверт:

— Это предварительный рейтинг невест.

— Что такое рейтинг? — спросила Тина.

— Таблица успеваемости, — хмыкнула я, — у кого больше баллов — тот умничка, а кто в хвосте — тот... Я.

На плотном пергаменте сияли весенней зеленью имена всех невест. Цифры же делились на три лагеря — такой же зеленый у тех, кому хватало баллов на верхние строчки. Желтый у тех, кто замер между верхним пределом и мной. Только мои цифры ушли в минус.

«Ты — чудовище отбора», напомнила я сама себе, стискивая этот злосчастный пергамент. «У тебя не может быть достойных цифр. Когда ты, идиотка, начала воспринимать все в серьез?!».

— Леди Фоули-Штоттен?

— Все хорошо, — я заставила себя разжать кулак. — Просто... В минус-то за что? Ясное дело, что чудовище отбора должно идти в хвосте, но чтобы уж так... Не понимаю.

Я что-то говорила, поворковала с леди Илзерран, покивала в ответ на ее слова об обеденном собрании невест, а после попыталась уйти к себе.

— Поплачь, — хмуро произнесла Тина.

— Что за глупости, — на моих губах играла лучшая улыбка.

— Ну на, — подруга протянула мне смутно знакомое дешевое колечко. — Там еще магия не развеялась.

— Что за...

— Просто надень, — Марон сощурился, — у тебя же хорошее настроение, верно?

— Не то чтобы хорошее, — я взяла колечко, — обычное.

Едва лишь я надела кольцо, как рядом со мной соткался черно-серый шар. Серdito пожужжав, он устроился над моей макушкой.

— Ты еще помнишь, как мы его выиграли? — спросила Тина. — Я случайно его нашла.

Сдернув с руки кольцо, я засунула его в кармашек на платье и признала:

— Да, мне плохо. Теперь я могу идти и страдать?

— Можешь, только зачем? Ты вспомни, как вежлива ты была с принцем-бастардом, — хмыкнул Марон. — Не думаешь, что это тебе от него привет?

Меня будто ледяной водой окатили.

«Кажется, я разучилась доверять людям», промелькнула мыслишка.

— О, на лбу морщинки появились, — хихикнула Мина. — Давай оставим Марона левитировать каплю, а сами выберем тебе платье. Все-таки замер силы — не просто испытание, а одна из важнейших вех!

14.2

Мне оставалось только кивнуть:

— Очень многие покидали отбор именно после этой, как ты говоришь, вехи.

— Тебе это не грозит, — Марон пожал плечами, — к тому же все невесты после этого этапа получают не только драгоценности, но и грамоты за подписью всех придворных магов. Мол, такая-то такая-то, леди такого рода, обладает даром ровным, гладким, аккуратным.

— Гладким и аккуратным? — я поперхнулась смешком, — ты серьезно?

На что Марон честно сказал:

— Ну ты же не думаешь, что мне кто-то дал что-либо почитать? Я там услышал, тут услышал. В любом случае, дадут — хорошо. Тебе не мешает, верно?

— Верно, — согласилась я. — Очень даже не мешает. Не решит проблему полностью, но...

Я не договорила, поскольку все и так было понятно. Единственной неясностью был сочувственный взгляд Тины:

— А как ты собираешься свести две жизни воедино?

— О чем ты? — я попыталась улыбнуться.

— Окраинная баронесса живет в своем замке, — тихо-тихо проговорила Тина. — Супруга Правителя живет во дворце.

— Я не думаю об этом, — честно сказала я.

«Потому что даже близко не представляю, как свести все воедино. Я не могу подвести своих людей. И я... Я даже не представляю, как буду терпеть нелюбимого мужа».

— То есть ты не рассматриваешь вариант, что лорд Рентийский будет выть во имя луны именно с тобой? — недоуменно спросил Гамильтон. — Нет, ты молчала, я по твоему лицу уловил примерное направление мыслей.

— У него тоже есть обязательства. И он тоже не может их преступить, — спокойным, ровным тоном произнесла я. — Пора выбирать платье.

Тина, как и положено лучшей подруге, сочувственно сопела за спиной. Чем, с одной стороны, успокаивала, а с другой страшно раздражала.

— Хватит. Ты видишь хоть какое-то решение?

— Родственники?

— Мать, ее сын от любовника и сам любовник, — прошипела я и петель левитации вытянула все платья из гардеробной.

— Но Фоули-Штоттен от кого-то же пошли, верно? То есть, были Фоули и были Штоттен. Давайте возьмем девочку Фоули, мальчика Штоттен, поженим, а их ребенок возглавит баронство.

— Последней из рода Фоули на данный момент около ста пятидесяти лет, — я повернулась к подруге, — она, ну знаешь, немного не может поучаствовать в брачных играх. Да и у Штоттенов тоже сложная ситуация — старшему восемьдесят семь, он не маг и потому выглядит хуже, чем мог бы. Однако же старик довольно бодр. А вот младшему семь месяцев.

— Да, не получается. А если...

— И все они уже очень давно живут в центре страны, являются не то что побочными, а очень сильно побочными ветвями своих вымерших родов. Вот это.

— Ты его уже надевала, — возмутилась подруга. — Синее с серебром, мы тогда еще гулять пошли и тебя прохватило магическое бессилие! Учítывая, что невест ждет замер силы... Может, не стоит?

— Серебряное с синим, — поправила я подругу. — Поможешь?

— Зачем, если есть я?

Если я просто призвала клинок, то Тина, выругавшись, метнула в девушку проклятье, от которого та тут же начала икать.

— Тиссия, — я стиснула переносицу пальцами, — как ты здесь оказалась?

— Ык.

— Тина?

— Сейчас, — буркнула подруга.

— Тиссия?

— Ык-ык-ык!

Я устало вздохнула и села на пуф. Тиссия точно не могла пройти сквозь гостиную в спальню и потом в гардеробную. Хотя гардеробной это сложно назвать — просто очень большой шкаф, в котором поместились не только все мои платья, но и матр... Матрас?!

— Меня другие служанки бьют, — поделилась с нами горем Тиссия, когда Тина сняла-таки свое проклятье. — За то, что хорошо устроилась. Другие то кружево стирают, то начищают украшения, то еще что-то. А я хожу, семечки щелкаю. Вы меня не гоняете, за волосы не таскаете, по щекам не бьете. К чистоте не придираетесь.

— Так... Чисто же, — я растеряно пожала плечами, — конфеты, печенье. Чай, вон, сам собой на полках появляется. Что еще-то?

— Вот, я сразу поняла, кому служить хорошо, — Тиссия немного пригорюнилась, — а хвастаться плохо. Но это я узнала только тогда, когда меня все-все разлюбили. И даже начали немножко ненавидеть.

Тиссия помогла мне переодеть платье, а после заплела хитрую косу.

— Это не коса, — она плутовато улыбнулась, — это хвост с парой десятков невидимых тонюсеньких лент. И я волосы вот так потягиваю в разные стороны и получается, как воздушная, легкая-легкая коса. И теперь ваше украшение.

— Украшение?

— Оно в спальне лежи, я видела.

— Ты хоть что-нибудь не замечаешь? — возмутилась Тина и, оставив нас, пошла за моей цветочной ниткой.

— Ты его не показывала, — подруга вернулась очень быстро.

— Это подарок, — тихо сказала я.

— Вот и все, хвала магии и бытовым заклятья, — Тиссия отошла в сторону, а после и вовсе выскользнула наружу. — Пойду, погуляю, побешу коллег.

— Так хвастаться же плохо? — поддела ее Тина.

— Очень плохо, но если меня *уже* не любят, то чего ж терять?

— Какая глубокая мудрость, — хмыкнула Тина и затем доверительно добавила, — она меня пугает. Появляется и исчезает подобно призраку.

— Весь дворец пронизан тайными ходами, — вздохнула я. — Ходами для прислуги, тайными ходами от которых утерян ключ. Тайными ходами, предназначенными для семьи правителя.

— Стены были бы в три комнаты толщиной!

— Магия, — напомнила я.

И призвала зеркало.

Это было хорошо. Насыщенно-синий узор превосходно гармонировал с серебряной тканью. Тканью, которая едва уловимо напоминала чешую мифических драконов.

Правда плечи вновь были полностью открыты, пышные рукава крепились к лифу и...

— Надо в ямочку приклеить серебряную капельку, — пропыхтела Тина, отрывая от какого-то платья украшения.

— Ты чего? — оторопела я.

— Шея голая, пустая. Но платье роскошное, а значит надо что-то тонкое, едва заметное, но! Но загадочно поблескивающее. Давай, делай

серебряную нить с серебряной капелькой.

Подругу было не остановить, так что мне пришлось призвать свой дар и сотворить довольно сомнительное украшение.

— Идеально, — промурлыкала Тина.

И как ни странно, эта едва заметная серебряная капля идеально легка в межключичную ямку.

— Скажи это.

— Тина.

— Скажи.

Мне пришлось согласиться:

— Идеально.

— А значит и день пройдет идеально!

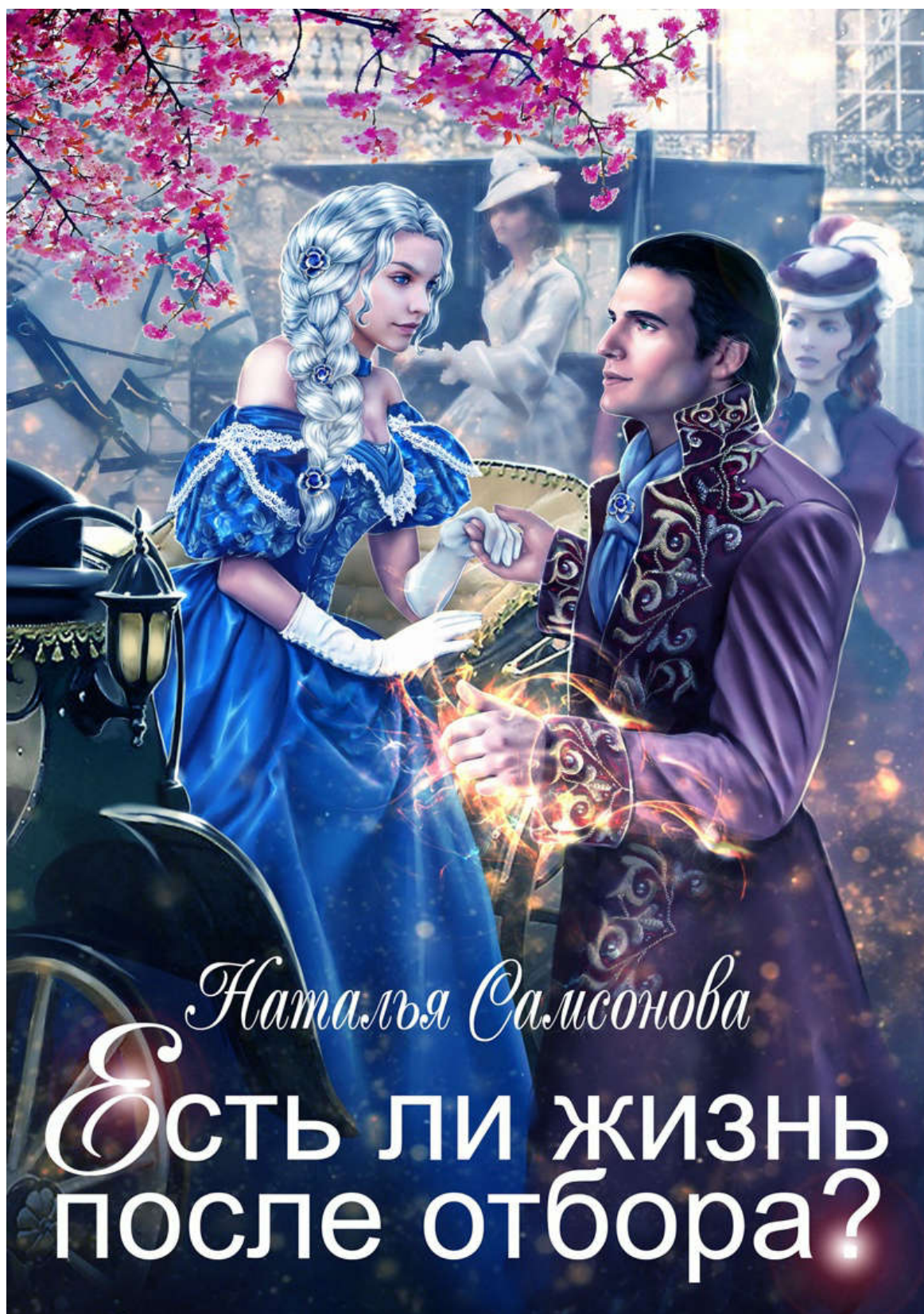
Сильно потом я подумала, а что если мы тогда все сглазили? И потому оно все пошло так, как пошло?

* * *

Уважаемые читатели, мы подходим к концу первой книги дилогии. Вторая часть будет называться «Есть ли жизнь после отбора?»

Увы, с блоггом, в котором я показывала иллюстрации ко второй части, что-то случилось и он исчез. Поэтому покажу здесь.

Обложка, к сожалению, будет таже самая, только мною немного изуродованная. Наша прекрасная Анастасия сейчас не может «одеть» вторую часть.

Наталья Салсонова
**ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ОТБОРА?**

Обратите внимание, что Милтону вновь ничего не удалось увидеть)

14.3

В письме, на листе с рейтингом, были инструкции. Одна из которых гласила, что мы должны собраться к трем часам пополудни. И вот уже четверть четвертого, а я так и сижу красивая, нарядная и уже немного скучающая.

Повеселила только чуть встрепанная, но страшно довольная Тиссия — она принесла поднос с пирожными, чай и, накрыв на стол, ушла в свой шкаф.

Я поймала себя на мысли, что мне все же не нравится, что в моем, хоть и вместительном, но все же шкафу живет человек. Потом попробовала пирожные и решила, что, в принципе, пусть живет. Привыкла же я к тому, что шерсть Гамильтона не просто жесткая, а стальная? Вот и тут привыкну. Ненадолго.

Правда второе пирожное я съесть не успела, в гостиную, гордой походкой, вошла сестра Мирта.

— Где бы вы ни были, божья сестра, — я с сожалением поставила чашку на блюдце, — вы обронули свое умение стучать в закрытые двери.

— Ни в одном доме не закрыты двери для божьих сестер, — пропела чем-то довольная Мирта. — Завтра утром ваша сопровождающая, должна будет дать объяснение, для чего она унесла под одеяло котел для зелий номер два.

— Только после того, как вы дадите объяснение, отчего вы следите за ней, а не за мной, — не менее певуче отозвалась я. — Вдруг со мной бы что-то случилось, пока вы следили за Тиной?

— Тем не менее...

— Тем не менее, как вы объясните, что отвели от меня свой зоркий глаз, — я подалась вперед, — вдруг я уже не невинная девица? Тут, так-то, целый мужчина есть!

Гамильтон возмущенно на меня посмотрел и недовольно произнес:

— Я тоже здесь и тоже мужчина, ты должна была сказать «человеческий самец».

— Прошу прощения, — повинулась я.

— Вас проверяют каждую неделю, — огрызнулась Мирта, — когда успевают!

Я только хмыкнула — никто ни разу меня не проверил. Но отчеты, видимо, писали. А кто я такая, чтобы мешать людям не работать их

работу? Верно, никто.

— Вот, люди, в противовес вам, трудятся.

Поднявшись, я оправила юбку и отдала Гамильтону свое пирожное — Тиссия принесла на каждого по две вкусняшки. Так что Гамильтон, которого наша служанка считала за полноценного человека, слопал три. А, нет, четыре — Тина решила следить за фигурой.

— Все поделились и ты поделись, — уже выходя, я поняла, что в итоге мой компаньон съест пять пирожных.

— И не слипается же, — вздохнула я.

— Вас известно, как производится замер силы? — небрежно спросила сестра Мирта.

— Да, — кивнула я. — Маг кладет руки на особый постамент и, генерируя свободную, не оформленную в заклинание силу, ждет сигнала от жреца, проводящего ритуал.

— Я имела ввиду, известен ли вам принцип работы.

Тут я честно сказала:

— Не известен. И не интересен.

— Жаль, — проронил сестра Мирта.

Я с интересом на нее посмотрела:

— Отчего же?

— Деньги нужны, — легко ответила она. — Эти тайны не разглашают, но за сотню золотых...

— Сколько?!

Мой возглас разнесся на весь коридор и слуга, вынырнувший из-за угла едва не уронил поднос с обедками.

— Не важно, — отмахнулась сестра Мирта, — это уже не важно.

Еще один поворот и мы оказываемся у хвоста очереди из крылатых невест. Невест, которые одна за одной уходят в портал.

— Как я понимаю, постамент не во дворце.

— Разумеется, — пренебрежительно фыркнула сестра Мирта. — Потенциал Крылатых Невест раскрывают в Старшем Храме!

— А можно, пожалуйста, мой не раскрывать, а просто измерить? — поддела я ее. — А то он раскрыт дальше некуда.

— Очень забавно.

14.4

Тем временем, очередь подошла и к нам. Сестра Мирта в портал шагнула первой, за ней уже я.

Первое, что мне показалось странным — тишина. Легкий полумрак, свечной свет, тонкий аромат храмовых благовоний и ни-ко-го.

— Подойди сюда, дева Фоули-Штоттен, — позвал меня голос из глубины полумрака. — Здесь нет места ни для кого, кроме меня и тебя.

— Отчего же? — насторожилась я, не торопясь двигаться с места.

— От того, что постамент Старшего Храма раскрывает всю подноготную мага, а не только оценивает его силу с точки зрения зрелости дара.

Сделав все же несколько шагов вперед, я обнаружила того самого жреца, что проверял нас на невестопригодность. Стоял он подле огромного, грубого куска хрустальной породы.

— Здравствуйте.

— Здравствуй. Клади ладони, вот сюда.

— Выемки, — хмыкнула я, касаясь прохладного камня.

— Так сколько столетий он служит магам, — улыбнулся жрец. — Начинай.

Прикрыв глаза, я осторожно, едва дыша, поделилась с камнем своей ядовитой силой. Честно сказать, слова про столетия меня испугали. Меньше всего я хочу войти в историю, как магичка разрушившая древний храмовой камень.

— Хорошо, сильнее.

Выдохнув, подала силу чуть сильнее. Приоткрыла левый глаз — трещины не появились, уф, хорошо. Еще чуть сильнее, еще. Открыла оба глаза — все в порядке, ничего не плавится.

Камень под руками ощутимо нагрелся и я перестала нагнетать силу.

— Хорошо, держи так. Надо же, не ожидал, не ожидал. Что же ты забыла на этом отборе? С таким-то даром?

Мне оставалось только вздохнуть. Деньги нужны были, компромат на меня был. Да и деваться до тридцати лет некуда.

— Достаточно. Дар твой зрел и развит гармонично, соответственно телу и возрасту, — подытожил жрец и протянул мне свернутый в трубочку пергамент.

— А... А как же... Вы что же, заранее знали? — оторопела я.

— Я две кучки приготовил, — по-мальчишечьи хихикнул жрец. — Пригодных и не пригодных. Ох, кстати, проверь-ка, я тебе из той кучки бумажку выдал?

Вздвогнув, я быстро открыла пергамент и, пробежав по строчкам глазами, кивнула:

— Из той. Спасибо.

— Иди и постарайся уцелеть. Странное что-то происходит, Храм не одобряет. А ты у нас едва ли не ценнее Правителя.

— Ну уж, — смутилась я.

И, развернувшись, шагнула к portalу.

Где меня поджидала сестра Мирта с... С таким же пергаментом.

— Я уже все получила, где ты так долго была? — прошипела она.

— Вы правда полагаете, что я должна была прервать жреца и уйти? Мол, поговори сам с собою, милый старичок? — возмутилась я.

И Мирта тут же присмирела:

— Я же не знала. Идем, мы были последними.

Коротко кивнув, я поспешила за божьей сестрой. Меня еще немного потряхивало от небольшого перерасхода сил — каменюка все, что всосала, обратно не выплюнула. Надеюсь, нормально переварит. С другой стороны, меня там уже и нет.

«А с третьей, мастера окраинной стали и до меня были. Только я не мастер, а заготовка... Но это уже лишние детали», хмыкнула я про себя.

И, войдя в зал, подивилась — нас в кои-то веки не выстроили, а рассадили на изящные стульчики.

— Сюда, — меня поманила леди Илзерран. — А ты там останься.

В итоге Мирта села у дверей, а я подле драконьей жрицы. И что-то мне это не очень понравилось... С чего бы такая неожиданная милость? Тем более, что леди Илзерран сразу же потеряла ко мне интерес.

— Крылатые, — в центр зала вышел высокий, статный мужчина.

Судя по толстой цепи и висящему на ней ордену — старший придворный маг. Это именно его витиеватый росчерк возглавляет плеяду подтверждений моей магической зрелости.

«Но какие же хитрецы. Время сэкономили», посмеялась я про себя.

— Сегодня не все из вас вошли в этот зал. Не стоит злорадствовать или смеяться, колдовская сила растет соразмерно телу и разуму. Те, кто не прошел — слишком юны для тяжелой ноши замужества.

«Хоть кто-то понимает, что «взамужем» не мед с сахаром», хихикнула я мысленно.

— Оставшихся невест я хочу поздравить с полным магическим и физическим совершеннолетием, — он коротко поклонился, — для меня было особой честью подписывать ваши грамоты.

Леди Илзерран не сдержала едва слышный смешок, из-за которого хихикнула и я. В итоге нас наградили очень грозным и очень осуждающим взглядом.

— Отбор невест подходит к финалу. Осталось лишь три испытания, три этапа. И сейчас я...

— Чуть позже, мэтр, — к магу подошел Кристоф.

Увидев его я вздрогнула. В нем было что-то хищно-сосредоточенное, злое. Целеустремленное. Он смотрел прямо перед собой, но, как мне кажется, не видел никого из нас.

— Последние три этапа — тайна, как вам всем известно, — хрипло произнес он. — Каждый раз эти этапы продумываются заново. То, что приготовил для вас я было дополнено милордом Рентийским младшим.

Я нашла взглядом бастарда и с некоторым злорадством отметила, что на «младшим» его слегка перекосило.

— Однако, сейчас в этом зале присутствует лишняя невеста, — Кристоф посмотрел прямо мне в глаза.

Лишняя невеста?

— Наши традиции предписывают оглашать три последних испытания лишь в присутствии действующих крылатых невест. Леди Фоули-Штоттен, я благодарю вас за время, проведенное на Отборе.

Он... Он говорит обо мне?

— Позвольте проводить вас к выходу из зала.

— Или леди может признать меня своим женихом и остаться, — от толпы придворных отделился бастард.

Кристоф говорил обо мне. Я — лишняя.

— Мина, — шепнула леди Илзерран, — послушай...

Наклеив на лицо свою лучшую улыбку, я поднялась и присела в глубочайшем реверансе. Замерев на несколько секунд, я плавно выпрямилась и мягко произнесла:

— Благодарю, за время уделенное мне на Отборе, милорд Рентийский. И нет, милорд Рентийский-младший, Фоули-Штоттен не отступают от своих слов, своих решений и убеждений.

Я вышла к Кристофу, повернулась лицом к сидящим невестам и вновь присела в реверансе. Ни одна высокородная с-с... Леди не увидит моих слез и моего горького разочарования.

И пусть сердце колет, болит и ноет. Пусть кончики пальцев наливаются холодом. Я — улыбаюсь. Отборное чудовище отыграло свою роль и выброшено.

Кристоф довел меня до дверей, где передал бледной до зелени сестре Мирте. Я коротко кивнула ей и, открыв портал, ушла в свою... Теперь уже не свою гостиную.

— Мина? — Тина радостно вскинулась, — уже все? Ну... Что с тобой?!

— Собирайте. Вещи, — говорить едва получалось. — Мы уходим. Немедленно.

Гамильтон мгновенно оказался рядом. Оказался рядом и увеличился в размерах:

— Кто тебя обидел?

— Никто. Я сама справилась. Лишняя невеста должна покинуть отбор.

Вещи мы собрали за рекордно короткие сроки. Потом, правда, пришлось искать Журжика, но и с этим мы справились. А потом...

— Я не могу открыть портал, — без сил произнесла я. — Дар не отзывается...

— Не страшно, — Тина встряхнула меня, — не страшно. Каретами этих вот столичных мы пользоваться не будем. Доставка свои запасы и выправляй портал. Ухнешь все и сразу!

— Так ведь остаточная магия ударит по комнате, — нахмурилась я. — Разрушит здесь все...

— Тебе не все равно? — ядовито осведомилась Тина. — Да пусть хоть весь дворец до основания расшатает!

— Нет, — я покачала головой. — Никто не поймет, что... Что мне больно.

Мы уехали красиво. Неудачно повернувшись, я увидела Лилиану Морей, стоящую на одном из балконов. Она явно наслаждалась моим отъездом. Или нет? Ее лицо могло бы быть более счастливым.

Но, в любом случае, я широко улыбнулась и помахала ей рукой.

— И что теперь? — спросила подруга, когда мы выехали за пределы дворцового комплекса.

— Теперь? Я возвращаюсь домой. Без дара, который покинул меня. Проигравшая и разбитая вдребезги.

— Зато мы с тобой, — проворчал Гамильтон. — Я дерну Милтона, он прыгнет туда-сюда и через пару часов мы, на пегасах, доберемся до дома. А там пирожки с мясом.

— Пирожки с мясом не лечат душу, — прошипела Тина.

— Да, но страдать лучше с пирожками, чем без, — огрызнулся Гамильтон.

И только Марон молча протянул мне платок:

— У тебя слезы текут.

— Прости, — я криво улыбнулась и прижала платок к лицу, — я это не контролирую.

Вокруг нас суетился неумолкающий город. Сосредоточенные, деловые люди куда-то спешили, о чем-то говорили. И только для меня время будто замедлило свой бег.

«Не выбрасывай их, даже если возненавидишь меня»... Значит, я была для него лишней уже тогда?

«Вдох-выдох, Вильгельмина Фоули-Штоттен. Ты подумаешь об этом завтра. Или вечером. Не сейчас, только не сейчас».

А дальше все было так, как и сказал Гамильтон — выдернутый им Милтон прыгнул до Окраин и вернулся уже с пегасами. Один из которых забросил его обратно к принцессе Мири. Серьезный малыш пообещал быть нашими глазами и ушами, но я не была уверена, что хочу что-то знать о происходящем в столице.

Вслух же я его лишь поблагодарила — как баронесса я обязана хотеть знать о происходящем в столице.

Потратив с полчаса на закидывание наших вещей в Безвременье, я разорвала подол юбки и взлетела на пегаса.

— Отнеси меня домой, мой хороший, — попросила я и прижалась лицом к шелковой шкуре, — отнеси.

Взлет, последний круг над столицей и мы берем курс на Окраины.

Злой, неожиданно холодный ветер срывает с моих щек слезинки и уносит их куда-то назад. Пусть все плохое останется здесь.

«Но и дома легче не будет...» не оставляет меня мысль.

Раньше у меня был дар и не было грамоты. Теперь есть грамота, а дар ушел. И когда его ждать я не знаю.

«Вы справитесь, а мы поддержим», толкнулась в виски мысль пегаса.

И мне стало чуть-чуть легче. Я же не одна. Со мной Гамильтон, что до уморы забавно смотрится верхом. Со мной Тина и Марон, безумные настолько, что оставляют столицу. И со мной все мое баронство. Я — справлюсь. Может не сразу, но справлюсь. Обязательно. Обещаю.

Вот на такой печальной ноте завершился первый роман цикла «окраинная баронесса». Напоминаю, что вторая часть будет выкладываться под именем «Есть ли жизнь после отбора?»

С уважением, ваш автор

Nota bene

Опубликовано Telegram-каналом «Цокольный этаж», на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Не забудьте наградить автора донатом. Копейка рубль бережет:
<https://litnet.com/book/na-konkurs-krasavic-trebuetsya-chudovishche-b367312>